Мой XX век
ЛЮБОВЬ
со второго взгляда
Алла Сурикова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Женское ли дело — быть режиссером-постановщиком? Казалось бы, профессия сугубо мужская — без сильной воли, напористости, а порой и непарламентских выражений со съемочной группой не совладать. Так думают многие. Но так же думали и те, кто не представлял себе женщину-летчика или женщину-политика… Существует и другое расхожее мнение: те, кто профессионально занимается юмором, в жизни, как правило, мрачные мизантропы с тяжелым характером. Алла Сурикова ломает все стереотипы. Женственная, обаятельная, она не только знаменитый кинорежиссер, но и работает в таком трудном жанре, как комедия.

Ее фильмы любят зрители, а такие замечательные актеры, как Леонид Куравлев, Наталья Гундарева, Николай Караченцов, Сергей Юрский, Олег Табаков, Армен Джигарханян, Михаил Боярский любят Аллу Сурикову и с удовольствием у нее снимаются.

А теперь все они стали героями ее книги.

И книга получилась под стать своему автору — веселая, озорная и увлекательная. Хотя рассказывает подчас о вещах далеко не веселых. Но так уж принято у настоящих комедиографов — с улыбкой о грустном, с легкой грустью о смешном…

Алла Ильинична Сурикова родилась в Киеве. Окончила филологический факультет КГУ, затем — Высшие режиссерские курсы. В 1976 году сняла свой первый полнометражный фильм «Предположим, ты капитан…», а в 1979 году — фильм «Суета сует», с которого и началась блестящая череда комедий Аллы Суриковой.

«Ищите женщину», «Человек с бульвара Капуцинов», «Московские каникулы», «Дети понедельника», «Хочу в тюрьму» — этот список далеко не полный, тем более что она вовсе не собирается останавливаться на достигнутом.

Режиссер Алла Сурикова неоднократно получала призы на различных фестивалях — на родине и за рубежом, — а в 2000 году ей было присвоено звание народной артистки России.

Фильмы Суриковой по-настоящему смешны, остроумны, в них есть и забавные трюки, и великолепно поставленные драки — но вместе с тем в них всегда присутствует подлинно человеческое тепло и доброта. Наверное, в этом и заключается главный секрет их успеха.

В книге использованы фотографии из личного архива автора, а также работы А. Виснапа, А. и Л. Гришиных, И. Гнеушева, Г. Кмит, Е. Кочеткова, В. Майкова и Пресс-службы Президента РФ.

- Алла Сурикова
  - В. Токарева МЫ ДРУЖИМ ЧЕСТНО
  -
  - МОЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ
  - МОСКВА… МОСКВЫ… О МОСКВЕ…
  - ДЕБЮТ НА «МОСФИЛЬМЕ»
  - БУДЬТЕ МОИМ МУЖЕМ
  - ШЕРШЕЛЯ…
  - МАЛЕНЬКИЙ ФАУСТ
  - ДЕСЯТЬ КАПЕЛЬ ПЕРЕД СТРЕЛЬБОЙ
  - ДЕТЕКТИВ КАМЕННОГО ВЕКА
  - ЧОКНУТЫЕ МЫ НЕ ВСЕ, А ЖАЛЬ…
  - КАНИКУЛЫ
  - ЯБЛОНЕВЫЙ САД
  - ВОРКУТА-АМСТЕРДАМ
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ
  - Иллюстрации

Алла Сурикова
ЛЮБОВЬ СО ВТОРОГО ВЗГЛЯДА

В. Токарева МЫ ДРУЖИМ ЧЕСТНО

С Аллой Суриковой я познакомилась двадцать три года назад. Почти четверть века.

Я помню, как она появилась в моем доме — студентка Высших режиссерских курсов, голубоглазая брюнетка, и принесла мне в подарок большую яркую коробку спичек. У меня как раз кончились спички, и я собиралась идти к соседке. А тут — звонок в дверь, и Алла со спичками.

Мы обе были тогда бедные, талантливые и фанатично преданные своему делу. Мне превыше всего хотелось писать и печататься, а ей — ставить кино.

Книга — это дело, касающееся одного человека. Надо только иметь замысел, талант и бумагу, и желательно тишину. А снять кино — это много составляющих, поскольку кино — сплав творчества и производства. Там зависишь не только от замысла, но и от денег, и от множества людей, начальников-«винтик-чайников». И пока не попала в обойму, приходится продираться, как сквозь колючую проволоку. Однажды чиновник Госкино сказал мне фразу, которую я запомнила: «Пусть пробивается, оставляет мясо на заборе».

Именно в этот период мы познакомились с Аллой. Именно так она и начинала.

Алла жила в мосфильмовской гостинице, в маленькой комнатке, готовила себе на электрической плитке. К ней набивалось много народу, почему-то все устремлялись именно к ней. Она угощала всех пшенной кашей.

Если Аллу звали на день рождения, а подарить было нечего, она оглядывала свою комнату и реквизировала лучшее, что попадалось на глаза: картина, ваза, украинское полотенце с шитьем. Ничего не жаль. Когда ей самой исполнилась круглая дата, Алла позвонила и сказала:

— У меня легкий юбилей, но денег нет. Приноси все с собой.

Стол был завален едой и выпивкой — все принесли с собой. Я не помню более веселого юбилея. Может быть, основная причина — молодость, и все впереди. В молодости так легко быть счастливой.

Сейчас мы переместились в средний возраст. Сурикова — народная артистка, ее имя на слуху. Она добилась всего, чего хотела, но большого богатства я у нее не замечаю. Ей это не надо. Она вечно куда-то устремляется, с короткой стрижкой, в брюках, с мобильником, на машине. Полу-девочка, полу-мальчик. Ей все интересно.

Режиссер — профессия диктаторская. Алла научилась командовать. В голубых глазах появился твердый кристалл. Всех разводит по мизансценам. Ей все подчиняются. Но есть ситуации, которые нам не поддаются. И это нормально. Невозможно требовать ВСЕГО. Если Создатель где-то переложил, то в другом месте обязательно недовесит.

Мы получили квартиры в мосфильмовском доме. Мы — соседи. По вечерам вместе гуляем вокруг искусственного пруда и поверяем друг другу свои замыслы. Проверяем на слух. В сущности, работаем. Мне нужен человек, который бы СЛЫШАЛ. А ей нужен человек, который бы ПОНЯЛ. Вот мы ходим, слушаем и понимаем, и заодно совершаем вечерний моцион.

Главные враги человека — лень, страх и аппетит. Алла победила всех троих. Она никого не боится, и ей ничего не трудно. То, на что у меня уходит год, Алла решает за полтора часа.

Однажды я проснулась ночью оттого, что выла чья-то машина. Заклинило сигнализацию. Я не могла заснуть и проклинала владельца машины.

Вечером на прогулке я спросила:

— Алла, это случайно не твоя машина?

Она легко могла отказаться. Это ведь не проверишь. Да никто и не собирался проверять. Но она помолчала, а потом мрачно сказала:

— Моя.

Порядочность — редкий гость среди талантливых людей. Таланты думают, что им все позволено. Алла Сурикова — глубоко порядочный человек. Она никогда не врет. Ложь в ней просто не умещается. У нее развито чувство ответственности. Я могу ей доверить себя и свою собаку.

Творчество — это самовыражение. Человек выражает себя. И то, что есть АЛЛА — суть ее личности, — проступает на пленке. Отсюда и успех.

Алла снимает «Человека с бульвара Капуцинов».

Мы идем в магазин. Вдруг в окне Алла видит тетку, которая ткет на маленьком ткацком станке. Алла подтянулась на руках, заглянула в окно, запомнила все и сразу. Отсюда родилась сцена с простыней-экраном. Алла посадила свою героиню за такой же станок, и она из своих волос соткала новую простыню. А большую бочку, в которой героиня совершает омовение, Алла увидела во дворе овощного магазина.

О чем это говорит? Алла ни на минуту не отключается от

своего фильма. В противном случае она не увидела бы ни этого станка, ни этой бочки, просто не обратила бы внимания. Именно таким вот постоянным подключением отличается талант от ремесла. Ремесло — имеет рабочий день, а талант — понятие круглосуточное. Равно как и дружба.

Мы несколько раз хотели сделать совместное кино. Но каждый раз что-то мешало.

Однажды мы придумали общую историю и поехали под Ленинград (тогда это был Ленинград) на семинар молодых кинематографистов.

Я помню вечер, треск костра, таинственные лица, запах шашлыков, предчувствие романа. И в этот момент Алла строго произнесла:

— Завтра с утра садишься за стол, и чтобы через восемь дней сценарий был готов. Иначе мы вылетаем из плана.

Ночью я проснулась от приступа аппендицита. Утром сказала:

— Алла! Я могу написать первый вариант за восемь дней, но потом я умру и делать поправки будет некому.

Она серьезно подумала, глядя в окно, и сказала:

— Поедем в больницу. Сценарий подождет.

Мы отправились в Ленинград. Меня оставили в больнице. Я знала, что все обойдется, но жалко было менять обстановку праздника на больничную. Я притихла. Алла стала меня утешать. Она рассказывала про свое детство, про семейные праздники, на которых первый тост звучал так: «А на черта нам чужие!»… Алла доставала из своей души самые теплые воспоминания, чтобы согреть меня. Я потом написала рассказ с таким названием.

Меня скоро выпустили из больницы. Обошлось без операции. Но сценария я так и не написала. Значит, это было не надо. Зачем испытывать дружбу?

Мы дружим уже 23 года. Дружим честно. Я всегда рада ее успехам, а она моим. Мы почти не ссоримся. Когда возникает повод — а без этого не бывает, — я перемалчиваю. И прощаю. А она прощает меня. Мы идем по жизни, взявшись за руки, и помогаем друг другу фактом своего существования.

И вот сейчас передо мной — Аллина книга.

Читать эту книгу приятно, легко, интересно…

Читая, я поймала себя на том, что все время улыбаюсь.

Творчество и личность — это не одно и то же… Жизнь — это одно. Творчество — совсем другое. Оно ведь происходит на уровне подсознания. И зачастую творца лучше не знать лично…

Но Алла Сурикова — тот редкий и даже уникальный случай, когда человек похож на свое творчество. У нее одно перетекает в другое.

И в жизни ей свойственны ирония, самоирония, мягкость и то очарование, которыми наполнены ее фильмы и ее книга…

Виктория Токарева

Моим родителям,
моим детям,
моим друзьям

МОЯ ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ

У некоторых людей их внутренний голос и судьба находятся в тесном дружеском контакте… И если судьба кладет на дороге кошелек с деньгами, внутренний голос не говорит: плюнь и перейди на другую сторону.

Мне судьба неоднократно предлагала взвешенную, семейно-определенную, научно-кандидатскую жизнь: немножко «суффиксы» — немножко «кухня». А внутренний голос посылал на разные глаголы. Поэтому у меня практически не было любви с Первого взгляда. Всю свою первую жизнь я честно старалась любить все, чем занималась. И все же это было Старание, а не Любовь.

Любовь пришла со Второго…

«…Волшебный луч, в кромешной тьме! Спасибо тебе, спасибо тебе, спасибо…» — поет Диана Литтл в картине «Человек с бульвара Капуцинов».

Я тоже пою ему свое «спасибо».

Я родилась 6 ноября в полдень.

Родители назвали меня Аллой в честь маминой подруги, летчицы.

Летчицей я не стала, но профессию выбрала не менее опасную.

По данным «Курьера Юнеско», по степени риска профессия режиссера на втором месте после летчика-испытателя.

По гороскопу я Скорпион в расцвете. Говорят, это знак волевого, сильного человека, склонного, однако, к самоедству. Соответствую ли я этим качествам, судить не мне. Со стороны виднее. Однако пожевать себя люблю…

Фамильный герб

Мы жили в Киеве. Атмосфера в семье была добрая и смешливая: музыка, песни, анекдоты… Много шуток и смеха. Улыбка была украшением фамильного герба…

Нет, конечно, бывали и ссоры, и конфликты. Да и как было их избежать, если в небольшой трехкомнатной квартире — я с мамой и папой, бабушка и дедушка с папиной сестрой и ее дочкой Лилей, а еще бабушкина сестра с сыном, невесткой и их ребенком… Но мне тогда казалось, что так и должно быть, всем нелегко — это ведь были послевоенные годы. Моя соученица по

первому классу Нина Гаврилова жила с бабушкой в чулане восьмикомнатной коммунальной квартиры. Часами, сменяя друг друга, мы выстаивали в очередях за маслом, за сахаром, за мукой. «Муку дают!!» — и с шести утра кто-то из семьи уже «танцевал» в подворотне у магазина. В то время как полки этого магазина были забиты крабами и икрой. От сквозняков в той самой подворотне я заболела плевритом, и меня пичкали икрой с утра до вечера. Эта черная паюсная икра казалась мне тогда очень противной…

Эпицентром нашего семейного мира была бабушка — подпольная кличка «Карл Маркс» (так ее прозвали за большую, умную, светлую голову). В те времена Карл Маркс еще пользовался авторитетом. Но бабушкиным главным «капиталом» были бесконечная доброта и гениальные картофельные драники.

Однажды бабушка серьезно заболела. Заслуженный доктор Примак вынес свой вердикт: «Пятьдесят граммов черного хлеба и чего-нибудь смешного». Мы все очень любили нашего «Карла Маркса» и бросились ее лечить. Собирали для нее анекдоты, пели: «Гоц-тоц-первертоц — бабушка здорова, гоц-тоц-первертоц — кушает компот…» Развлекали бабушку как могли. И она выздоровела. С тех самых пор я твердо уверовала: смешное лечит. И объединяет.

Люди, смеющиеся над одним и тем же, ощущают свою общность. Мир уцелел, потому что смеялся.

В четвертом классе меня приняли в пионеры, и я задыхалась от всеобщего пионерского счастья. В украинской детской газете «Зірка» даже напечатали мои стихи:

Может, в колхоз агрономом пойти,
Рожь и пшеницу растить?!
Может, в мазуте мне счастье найти,
Трактор по полю водить?!

Правда, это не мешало мне петь «хулиганские» песенки, которые завозили в наш дом мои родственники, замечательные одесские актеры Яков Заславский и Леонид Ясиновский, про то, «шо вся Одесса-мама переполнета з ворами». Эти песенки я напела коллегам по четвертому классу, они напели своим родителям, родители напели директору школы, директор, в свою очередь, напел моим родителям — круг замкнулся. Меня решили исключить из школы. Что пели в ответ мои родители, я только могла догадываться… Но они меня отстояли.

Да, мне с родителями сильно повезло.

«Суёвый тьюд»

В детстве, когда я ревела от боли или обиды, папа показывал мне на белой стене театр теней. И главной тенью в его спектаклях был Чарли Чаплин. Я тогда думала, что Чаплин — это просто папина тень. У него здорово получалось! Боль проходила.

Мое детство — это большой диван и много родственников. Если все собирались вместе, кто-нибудь обязательно садился за рояль, и — возникало волшебное…

Мама работала врачом, а папа — инженером. Мамин брат тоже был врачом и одновременно прекрасным художником, а папины — артистами, причем заслуженными и народными. Не говоря уже о братьях моей бабушки — музыкант, артист, художник кино.

Однажды, когда мне было шестнадцать, этот художник отвел меня к своему соседу, известному кинорежиссеру.

«Девочка моя, *ежисуя* (режиссура), — сосед активно не выговаривал буквы «р» и «л», и от этого слова приобретали второе и даже третье слышанье, — это вам не наяды с помадой, это *суёвый тьюд*». Дальше он подробнейшим образом, закинув ногу на ногу, вещал о том, что женщинам этот «тьюд» не подвластен. Надо забыть о личной жизни, о детях, о семье.

Он сделал свое «суёвое» дело. Лет десять я не помышляла о кино.

Его величество — Артист

Мои родители всегда были очень артистичны. Они замечательно танцевали, пели… Они всегда старались идти по солнечной стороне жизни… Папа играл на расческе, а мама смеялась так заразительно, что расплывался в улыбке даже наш кот Кузя.

За мамой ухаживали многие мужчины. Помню, был даже один генерал. А папа все время шутил. Он и сейчас шутит — в свои восемьдесят пять лет. После войны он привез с собой фотографию. На ней вежливо улыбалась худенькая немецкая фрау. Снизу надпись: «Meinem lieben Victor» («Моему дорогому победителю»). Каким же надо было быть интеллигентным и обходительным, чтоб вызвать чувства добрые у насмерть перепуганной немки в разрушенном Берлине…

Папа больше 30 лет проработал на Киевском телецентре, а до этого преподавал в Институте киноинженеров. Водил меня смотреть фильмы. Помню стереофильм «Машина “22–12”», где Жаров пел:

Еду-еду-еду я по свету
У прохожих на виду.
Если я машиной не доеду,
Значит, я пешком дойду…

То была первая ниточка, которая связала меня с кино.

Все близкие мне люди преклонялись перед его величеством Артистом. Когда Одесский театр приезжал в Киев на гастроли, я не пропускала ни одного спектакля. «Ревизора», в котором мой дядя Яков Осипович Заславский играл Осипа, и «Интервенцию», где у него была знаменитая роль Фильки-анархиста, я выучила назубок. Помню дядю у нас в доме. Лица родных светились обожанием. Рюмки наливались так полно, что обязательно переливались через край. А у Заславского на этот случай был припасен обычай: он обмакивал руку в разлитую водку и хлопал себя по шее и по затылку — на счастье. Одесские воры за роль Фильки подарили ему именные часы. А на его похоронах за гробом шла вся Одесса.

Шо? Крылышки!

Ну конечно же в детстве я хотела поступать только в театральный! Я хотела стать артисткой! В школе я играла и ставила что-то из жизни черных в Америке под названием «Белый ангел». Мальчик, в которого я была слегка влюблена, после сыгранного спектакля стал носить мой портфель. Из чего я сделала вывод, что театральная карьера практически у меня в кармане.

Выучив басню С. Михалкова «Рубль и Доллар» и монолог Липочки из пьесы А. Островского «Свои люди — сочтемся», предстала перед профессором Голубинским, который преподавал в театральном училище. Он согласился меня послушать. Мне казалось — читала я с такой самоотверженностью, что не похвалить меня и не напророчить мне блестящую актерскую карьеру было невозможно. Однако Голубинский глухо откашлялся и глядя куда-то в сторону спросил:

— Алла, что вы все «шокаете» и «гэкаете»?

— Шо?

Он, может, сам того не сознавая, ударил по моему желанию стать артисткой с такой оглушительной силой, что оно (желание) закувыркалось, покатилось в канаву и стихло… Но… зато я начала активно следить за речью. Настолько активно, что стала поправлять учителей.

Однажды учитель русского языка на уроке сказал: людЯм — с ударением на втором слоге. Я тихо поправила: лЮдям. Он посмотрел на меня долгим и пронизывающим взглядом и твердо пообещал: «Ну, я тебе, Аллочка, крылышки-то обрежу!» И обрезал. Я шла на медаль. Медаль мне «обрезали». Потом мне еще не раз «обрезали крылышки»…

Влюбляться начала рано… Недавно услышала от Евгения Семеновича Матвеева: «Если я не буду влюблен, я эту влюбленность выдумаю — иначе жить не смогу…» Первый раз влюбилась в шесть лет — в мальчика Витю. У него папа работал в тюрьме каким-то начальником. Но когда Витя меня поцеловал — мне это совсем не понравилось, и я его тут же разлюбила. Серьезная влюбленность, с ревностью, стихами, сердцем, выпрыгивающим при встрече, пришла в восьмом классе и терзала до окончания школы… Его звали Олег. Он был мастером спорта по гимнастике и лидером. Он казался Самым-Самым… В него были влюблены все наши девочки. А он со всеми был одинаково приветлив и недоступен. Вокруг меня всегда крутилось много мальчишек… Но они мне были неинтересны. Я с детства не любила доступных мужчин… Увы, после школы идеал рухнул, рассыпался… Появились новые знакомства. И когда Олег вдруг сам захотел со мной «дружить», я уже была далеко…

После школы (я провалилась на вступительных экзаменах в Институт легкой промышленности) пошла работать на авиазавод слесарем-сборщиком. На этом же заводе работала врачом моя мама. Я была счастлива заводским братством, нашей молодежной бригадой, какими-то комсомольскими поручениями. И может быть, там бы и осталась навеки, если бы…

…Был у нас в бригаде один горбун. Он «стучал». Как-то я сболтнула про что-то плюс электрификация всей страны. Я была человеком общительным и по молодости лет — искренним борцом за справедливость. Он донес на меня. С завода пришлось уйти. Но самое обидное, что и моей маме тоже. Хотя ее, прекрасного глазного врача, все обожали.

Рюмка под кроватью

Решила поступать на филологический факультет. Но не в Киевский университет, а во Фрунзенский (Фрунзе — это тогдашняя столица Киргизской ССР, ныне Бишкек). Во Фрунзе жили родственники, актеры Театра русской драмы им. Крупской — Тамара Варнавских и Леонид Ясиновский. Они уже были знамениты в городе, их любили, и у их племянницы, то бишь у меня, было гораздо больше шансов успешно поступить в вуз.

У меня было два «играющих тренера», сестры-близнецы Нина и Валя Каменецкие.

— Малок*г*овная, что ты написала? — хором набрасывались они на меня за каждый знак препинания.

У них был абсолютный слух на русский язык и литературу и абсолютное чувство юмора.

И они очаровательно картавили.

Я приехала туда поклонницей Эдуарда Асадова. Тут же у меня возник роман с лучшим поэтом на факультете Женей Колесниковым. Он подарил мне другие имена: Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Гумилев. Другие образы, другие рифмы. И среди этих хороших и разных — Дмитрий Кедрин с его «Куклой», «Зодчими», «Рембрандтом».

На первой же вечеринке в общежитии мне налили рюмку водки — все студенты скинулись и купили одну бутылку на восьмерых. Но я до этого и шампанское-то пила раза два в жизни. Мама мне всегда говорила:

— Выпьешь рюмку водки, и — все. Твоя жизнь может на этом поставить жирную точку. («Джонни, никогда не пей эту гадость! Выпьешь — и твоя жизнь не будет стоить ломаного цента!» — скажет потом об обычной воде герой Караченцова из «Человека с бульвара Капуцинов»),

Точку ставить не хотелось. Поэтому свою первую рюмку я незаметно вылила за кровать. Но тут же из-под кровати выползла предательская струйка. Как же меня казнили студенты за эту вылитую водку! Как же они меня презирали! Больше я водку никогда не выливала.

Дружила со второкурсницей Галей Балашовой, которая писала такие стихи:

Пусть пропивцею стану, пройдохой,
То не многим понятья известны!
А по мне — не так уж плохо
Лезть из кожи, когда в ней тесно!..

Сначала поселилась в общежитии. Но там оказалось на одну

койку по два человека. Спали валетом. Однажды ночью проснулась оттого, что чужая немытая пятка маячила у моего носа. Собрала свои вещи и ушла снимать угол. А Галя осталась, но отвоевала себе отдельную кровать.

В КИРГУ было интересно.

У нас на курсе учились греки, голландцы, немцы. Их родители как неблагонадежные были высланы сюда на захолустное поднадзорное проживание.

Но они выжили. И даже успели поделиться некоторыми своими талантами, густо замешав интернациональные краски и превратив дикий край в интеллектуальную мекку. Там я впервые по-настоящему вкусила творческого яду — в студенческих капустниках, в поэтических перепалках с друзьями, в открытии одних кумиров и закрытии других. Мешало одно — очередное безумное постановление правительства: первокурсники, у которых нет двухлетнего рабочего стажа, должны были в обязательном порядке отучиться два года вечером, работая днем.

Устроилась в театр. Но совсем не актрисой, а машировщицей — очищала старые декорации от красок.

Одно время работала грузчиком в магазине наглядных пособий. Там же ловила жуликов. Магазин тыльной стороной выходил к рынку, и рядом с нами гнездились всякие бомжи. Они то и дело пытались у нас что-нибудь стащить — то глобус, то фотоаппарат, то химикаты. И мы со стариком директором вприпрыжку гонялись за ними. Иногда догоняли. Иногда боялись догнать. Там же, среди жуликов, веников и наглядных пособий, начала пописывать стихи…

Матлингвистика

Вскоре я перевелась в Киевский университет — поближе к родителям.

Вечером училась на отделении русского языка и литературы филфака. Днем ходила заниматься математической лингвистикой у знаменитого профессора Льва Аркадьевича Калужнина.

Он приехал из Германии. Ему дали кафедру высшей алгебры и математической логики. Тогда была «оттепель». И его мама, старая русская дворянка киевского происхождения, решила умереть на родине. Потом «оттепель» растаяла, и кафедру у Калужнина забрали. Под тем предлогом, что он не знает украинского языка. Калужнин блестяще знал английский, французский, немецкий. Понимал еще на пяти языках. Но вот

украинский… Оказалось, что для математики украинский — важнее.

Калужнин организовал при мехмате отделение математической лингвистики. Я пришла к нему: идеи матлингвистики, машинного перевода, «линкоса» (языка для космических сообщений) меня заворожили. Я даже работала на кафедре у Льва Аркадьевича. Называлась инженером.

Вообще мне хотелось заняться всем сразу. Еще и семиотикой, семантикой, психолингвистикой…

Моя тема в психолингвистике называлась «Речевые нарушения и их локализация». То есть выявление тех пораженных участков мозга, которые отвечают за то или иное нарушение речи.

Это было очень интересно. До одного случая. В поисках материала для научной работы я пришла в больницу, в нейрохирургическое отделение. И увидела красивого синеглазого парня. Его звали Костя. У него обнаружили опухоль в правой части головного мозга. Из-за этого была нарушена речь. Он смотрел на меня своими синими всепонимающими глазами и не мог связать слова в предложение. Я тихо ушла плакать. И в эту науку больше не вернулась.

Не потому, что я такая хорошая или плохая — я так устроена: чужая боль всегда отзывается во мне болью. Я не могу смеяться, если падает человек. Наверное, поэтому я так последовательно, эгоистично занимаюсь комедией: не могу исследовать человеческие страдания, боли, уродства.

Один преуспевающий писатель однажды мне предложил: давай снимем кино по моей книге. Деньги есть! Я как раз сидела без работы. Прочитала книгу и затосковала: герой ненавидел, блевал, осквернял… И хотя это была вполне читаемая литература, я позвонила писателю и сказала: не буду снимать. Не могу полтора года своей жизни жить с уродом. От твоего героя — бесконечные страдания… Значит, полтора года жизни я должна сознательно обречь себя на муки…

И хотя диплом по матлингвистике я защитила на «отлично», решила свернуть с научной стези. Со временем лингвистику растеряла — мат остался. Но в гомеопатических дозах. Я им не злоупотребляю. Наш педагог на Высших режиссерских курсах, знаменитый режиссер Леонид Захарович Трауберг, говаривал о мате примерно так: «Мат — не роскошь, а прэдмэт сохранения режиссерского здоровья».

…Немножко личного…

Итак, с наукой я покончила, а в кино еще не пришла.

Зато у меня родилась Кира, Кирюша, дочка.

Ее отец и мой муж Вадим Суриков был человеком разносторонних увлечений: он танцевал, пел, дружил, занимался гимнастикой и очень любил смотреть футбол. Я тоже на некоторое время стала болельщицей. Вадим не пропускал ни одного матча. Мне пришлось написать за него диплом — он заканчивал медицинский (!) институт.

От Вадима я ушла, когда Кире было три года. Наша семейная жизнь становилась необязательной. Можно жить, а можно разойтись. Ссор не было — были мои обиды, такие же необязательные, как все, что происходило между нами. Мы недозрели тогда до семейной жизни. Когда тихо разводились, у здания суда Вадиму в глаз что-то попало. Из глаза потекла слеза. Я стала бережно и заботливо доставать соринку. Вадим сказал: мы с тобой сейчас больше похожи на влюбленных, чем на разводящихся… Такие отношения у нас сохранились по сей день. Я вообще благодарна всем своим мужьям. Один подарил мне Дочь. Другой — Философский камень. Третий — Веру в себя…

Над свеклою во ржи

Я пошла работать на украинское телевидение. Редактором, корреспондентом.

Помню один репортаж из Винницкой области. Он назывался «Увага! На порози жнива» («Внимание! На пороге жатва»). Мне выдали двух операторов и послали по колхозам: нужно было сделать острый, критический репортаж.

Но я никогда не была в колхозе и не знала, чем пшеница отличается от ржи. К счастью, один из операторов прихватил своего шестилетнего сына. Мы разработали такой сюжет. Мальчик подходил к колхознику, показывал на колоски и наивно спрашивал:

— Дядь, а это что?

— Ну, рожь… — отвечал дядя.

Тут на авансцену выходила я:

— Не могли бы вы рассказать, — и делала широкий жест в сторону поля, — о ваших видах на урожай ржи?

А среди этой ржи тихо ржали операторы.

В каждом колхозе нас пытались задобрить, чтоб не дай Бог мы не «наковыряли» чего-нибудь отрицательного. Ко мне приставили чиновника из райкома. Он таскал в мой номер ящики

клубники и букеты роз, сорванных с райкомовской клумбы.

Операторов поили так, что они не то чтобы снять что-то вразумительное — камеру даже поднимали с трудом…

В начале нашего путешествия в каждом колхозе мы только пили и закусывали. Но я же помнила — острое! Критическое!

Сменила тактику. Приезжала в район и покупала местную газету. Выискивала заметки о насущных проблемах района.

Потом приходила к местному начальнику:

— А вот у вас тут что-то с сахарной свеклой не то…

— Та вы шо! — отвечал начальник. — Это було у прошлом годе. Усе у нас вже гарно. Дуже гарно.

Наконец мы попали в один колхоз, где нас почему-то никто не встретил. Мы сами поселились в гостинице. Сами на свои кровные купили себе еды…

На следующий день находим кого-то в сельсовете:

— Вот мы тут должны снять репортаж о готовности вашего колхоза к урожаю. Где председатель?

— В Болгарии отдыхает.

Тогда это прозвучало примерно так же, как сейчас: «Во Флориде играет в гольф».

А на следующее утро перед нашей гостиницей выстроилась шеренга комбайнов. Комбайнеры-красавцы держали в руках снопы густой пшеницы, ржи, овса и Бог знает чего. «Кубанские казаки», одним словом. Выставка достижений народного хозяйства.

Мы полюбовались на комбайнеров и пошли смотреть колхоз. Увидели межу, которая отделяла поля этого образцового колхоза от другого — необразцового. За межой открывалась иная картина: чахлые колоски, грязные колхозники, сломанные комбайны…

А все потому, что в «нашем» колхозе председатель был депутатом Верховного Совета. Ему давали что угодно — деньги, технику, лучших агрономов. И путевки в Болгарию.

Я решила рассказать о такой несправедливости на телевидении. Они же просили «поострей-покритичней».

— А вот этого не надо, — ответили мне.

Больше никакой «критичности» у меня в запасе «нэ було».

Что-то мы наклеили из обрезков «пьяных» кадров. На летучке сказали, что худшего репортажа на украинском телевидении еще не было, точнее, «ще нэ було».

Мое кредо — недо…

Я решила поступать в аспирантуру ВГИКа. Написала работу «К проблеме слова на экране». На грани кино и матлингвистики. Так называлась тема моей почти написанной кандидатской диссертации. Работа понравилась. Меня вызвали на экзамены во ВГИК.

На экзамене по кинодраматургии я с треском провалилась. И только очаровательная преподавательница кинодраматургии Кира Парамонова смотрела на меня добрыми, сочувствующими глазами.

В моей жизни было несколько судьбоносных провалов. Не будь их, думаю, я никогда бы не вырулила на себя, а, как человек ответственный, всю жизнь так и прозанималась бы: не любя, но с серьезными намерениями.

Я НЕ поступила в Институт легкой промышленности и не стала технологом по производству тканей.

Я НЕ осталась работать слесарем-сборщиком на заводе.

Я НЕ поступила в аспирантуру ВГИКа и не стала теоретиком кино.

Я НЕ защитила свою первую полнометражную картину и не осталась работать на студии Довженко (об этом чуть позже).

В моей жизни это самое отрицательное НЕ играет часто положительную роль. Я скорее беспокоюсь, когда все идет гладенько…

Когда мне Хорошо, я жду беды…
Я точно знаю, ждать ее недолго.
И я изнемогаю в ожиданьи…
И каждый мускул ждет ее прихода…
И мне неХорошо — я жду беды…

Пятнадцать узбекских мальчиков

Итак, я вернулась в Киев. Пошла на Киностудию им. Довженко помощником режиссера.

Помню, снималась картина о землетрясении в Средней Азии. Режиссер сказал:

— Мне нужны для съемок узбекские подростки. Человек пятнадцать.

Но где в тогдашнем Киеве можно было найти пятнадцать узбекских подростков? Я сбилась с ног. Кто-то подсказал, что под Киевом в каком-то ПТУ учатся как раз такие ребята. Поехала. Нашла. Привезла на свои деньги в Киев. Поселила у себя дома.

Всех пятнадцать! И все пятнадцать три дня снимались в картине. Вообще это моя «беда»: все всегда делаю добросовестно. Если сейчас кто-то из моих ассистентов говорит, что не может чего-то найти или достать, я вспоминаю свой опыт. И твердо говорю: «Достать можно все! Если постараться».

…Как-то в темном тонателье шло озвучание этого самого «землетрясенного» фильма. Мне очень понравился один кадр. Тихо сказала:

— Хорошо снято.

Режиссер чуть ли не завопил на весь зал:

— Что значит хорошо? Да что она там понимает?! Это гениально снято!

(Между прочим, оператором был его сын.)

Вот в тот момент, наверно, я захотела получить право «понимать». И уехала в Москву поступать на Высшие режиссерские курсы.

Может, я бы и не рискнула. Но как-то в поезде познакомилась с директором курсов Михаилом Борисовичем Маклярским, смелым, мужественным человеком, кинодраматургом, одним из авторов сценария знаменитой картины «Подвиг разведчика». Мы разговорились. И он два часа рассказывал мне, какая это не женская профессия — режиссер. Как не стоит портить себе жизнь. Как трудно пробиться женщине. Какой интересной наукой — матлингвистикой — я могла бы заниматься…

Я внимательно выслушала Михаила Борисовича, вспомнила про «суёвый тьюд» и сказала:

— Но я все равно буду поступать.

— Что ж, — ответил он. — Другого я не предполагал от вас услышать. Дерзайте!

«Зачем моя мама играет в меня?..»

Художественным руководителем курсов был Георгий Николаевич Данелия. Всех поступающих разбили на две группы. Одна сдавала Михаилу Борисовичу Маклярскому. Другая — Георгию Николаевичу Данелия. Я, конечно, хотела попасть к Маклярскому: как-никак мы уже были знакомы. Но попала к Данелия.

Экзамен начинался в десять утра. А моя очередь подошла в семь вечера. Комиссия уже устала. На меня взглянули без энтузиазма. Поинтересовались:

— Что там о нас говорят за дверью?

Я честно ответила: Данелия придирается, Захариас задает

много вопросов.

— А вы бы на какой вопрос хотели ответить?

Я растерялась, сраженная таким великодушием.

— Может, рассказать что-нибудь смешное?..

— Вот-вот! — обрадовались они. — Расскажите.

Я вспомнила, как мы с Кирой играли в «дочки-матери», только она была мамой, а я — дочкой. Я сочинила об этом стихи. От лица Кирюши.

Мы с мамой сегодня остались в квартире.
Мне в садик не надо, а ей в институт:
Мы обе больны! Тридцать семь и четыре!
Ангина и грипп! Что поделаешь тут?!

А можно поделать так много-премного…
На мамину быстро взобраться кровать —
И песни попеть, и гитару потрогать,
И в дочки-и-матери с мамой сыграть.

И мама согласна! Но чур — отвечает —
Себя назначаю я Дочкою быть,
А ты будешь Мамой — и ты одеваешь,
И кормишь, и поишь, и будешь любить…

И вот рано утром бужу дочку-маму:
— Малышка, вставай, уже солнце взошло!
А мама уткнулась в подушки упрямо,
К стене отвернулась и спит мне назло!

И вот я ее второпях одеваю —
Где руки, где ноги, где синий носок?!
А мама смеется, пищит и зевает…
И хочется мне ее стукнуть разок!

И вот я кормлю ее манною кашей:
— Две ложки за бабушку, две за меня…
А мама нарочно устроила кашель!
И кашу, конечно, пришлось отменять…

Я очень устала! Я руки сложила!
Я слезы сглотнула, обиду храня.
Ведь есть же на свете послушные дети!
Зачем моя мама играет в меня?!

Комиссия оживилась. Ведь это был набор режиссеров в ДЕТСКОЕ кино! Потом меня попросили сделать режиссерскую разработку по какому-нибудь рассказу. Я выбрала Горького — из «Сказок об Италии» — про мальчика Пепе: как богатая сеньора посылает его передать корзину яблок своей подруге. Пепе отправляется, но по пути закидывает яблоками дразнящих его мальчишек.

Кто-то из комиссии сказал:

— Предположим, я актриса, которая должна играть сеньору. Дайте мне задание.

Я понятия не имела, как общаться с актерами, но от растерянности обнаглела и пошла в атаку:

— Ну вы же умная актриса. А умной актрисе я не должна навязывать свое видение. Я должна выслушать вас и выбрать то, что не противоречит мне и вам!..

Все засмеялись. И начали разыгрывать предложенную мной сцену — серьезные люди, знаменитые режиссеры… Кто-то носил на голове воображаемую корзину, кто-то кидался яблоками…

Я поступила. А парень с Украины, который поступал одновременно со мной, — нет. В порыве откровенности он сказал: «Если б мне сейчас предложили убить тебя, чтоб поступить, — я бы не задумался…»

Но, слава Богу, ему этого никто не предложил.

Пробы пера

Мне дали комнату в общежитии Литературного института. Занимались мы в помещении Театра киноактера возле площади Восстания.

Смотрели фильмы. До изнеможения. Если показывали западную картину, в наш маленький зал набивалась толпа жаждущих.

Это были два года очень яркой жизни.

Не потому, что нас чему-то учили. (Я уверена, что научить режиссуре нельзя. Можно — ремеслу. А режиссура — это другое. Это то, что ты хочешь сказать людям, и то, как ты это говоришь. Именно ТЫ, а не с чужих слов.)

А потому — как и с кем мы общались… Курсы — это общение. Прекрасное — с удивительными яркими личностями, каковыми были наши постоянные и разовые педагоги, и умопомрачительное — друг с другом, — когда одни умы пытались помрачить другие, чтоб родилась истина… Я попала в мастерскую к Александру Алову и Владимиру Наумову.

Мысль одна пронзает как жало.
Мозг растревожен одной лишь думой —
Если учить меня будет Алов,
Что со мной будет делать Наумов?!

На курсах я сняла несколько маленьких киноработ.

Первая — три минуты — «Девочка и Солнечный зайчик», по мотивам пантомимы Леонида Енгибарова. В главной и единственной роли — моя дочь, пятилетняя Кирюша.

…Во дворе-колодце старого дома она стояла в окне высоченного четвертого этажа и, чтоб вернулось солнце, выбрасывала во двор пойманного ею «солнечного зайчика». Я стояла сзади и едва придерживала ее двумя пальцами за трусики.

Когда снимала — ничего особенного: мотор! Стоп! Когда посмотрела материал на экране — мне стало не по себе: чуть-чуть неверное движение ребенка, чуть сильнее порыв, и… Все обошлось. Но я тогда поняла про свою профессию нечто неформулируемое, близкое к тому, что режиссура — это диагноз…

И еще я сняла фильм по рассказу Носова «Живая шляпа». Это была моя курсовая работа. У меня играли два мальчика пяти лет. Я возила их на съемку в такси.

Один мальчик спрашивал меня:

— А у вас есть деньги?

А второй отвечал за меня:

— У режиссеров всегда есть деньги. У режиссера всегда должно быть сто рублей в кармане.

Его уроки не прошли зря. Я всегда во время съемок ношу сто у.е. в кармане. И к сожалению, пригождаются чаще, чем хотелось бы.

В конце второго года обучения начались мучительные поиски сценарного материала для дипломного фильма. Диплом — это очень ответственно. Это — быть или не быть. Вот в чем был вопрос.

Ералаш с «фитильком»

Инга Петкевич, моя сокурсница, писатель, подарила мне книжечку стихов питерского поэта Олега Григорьева «Чудаки». Я в них влюбилась. Но для диплома они не годились — не складывались в единый сюжет.

Тогда-то и пришла в мою не замутненную кинобиографией голову мысль — а почему бы не создать детский юмористический киножурнал, наподобие взрослого «Фитиля», из коротких смешных миниатюр. Именно тогда и именно мне. Я это подчеркиваю ради торжества справедливости — а не потому, что не люблю нынешних правителей «Ералаша». Отнюдь. Я испытываю к ним самые теплые чувства неизменной благодарности за то, что журнал живет и нравится.

Со своим предложением я обратилась в Союз кинематографистов, в ЦК партии, в Госкино. Ходила, доказывала. Меня очень поддержали Ролан Быков и Кира Парамонова. В ЦК поддержала Нина Косарева — завсектором детского кино. В Госкино — зампредседателя Борис Павленок. Как ни странно, против этой идеи был Сергей Владимирович Михалков. Не очень рвались осуществлять производство журнала директора студий: деньги маленькие — заботы большие…

Но в итоге справедливость восторжествовала — журнал поселился на Студии им. Горького. Меня вызвал Б. Павленок:

— Ну что ж, поздравляем. Вашу идею утвердили. Что вы сами хотите получить от журнала?

А чего я могла тогда хотеть…

Павленок напутствовал меня так: езжайте, снимайте хороший дипломный фильм, чтоб въехать в Москву «на белом коне».

Главным редактором назначили Александра Хмелика. А директором журнала стал худенький Боря Грачевский.

Иногда я слышу: «У тебя взяли, тебе не вернули, на твоих идеях другие «гребут лопатой»… Что же ты молчишь? Неужели не обидно?»

На добывание справедливости уходят годы жизни и тонны энергии. Лучше все это употребить на придумывание нового…

В подземных переплетах
Подснежников пора!
Меня ограбил кто-то,
А я кричу «ура!»

Да потому что мартом
Покрылся ледоход!
И салютует матом
Подвыпивший народ!

Мне посчастливилось работать у Ролана Быкова. Нам посчастливилось…

Ролан…

Первая встреча. 1971 год. Лето. «Мосфильм». Быков снимает фильм «Внимание, черепаха!». (Потом «умные» чиновники, обвиняя его во всех грехах, выстроят свою извращенную догадку: «Маленькая, старая, на букву «Ч», и на нее идут советские танки… Черепаха? Да нет же. Чехословакия!»)

…Мы — это нестройный отряд практикантов Высших режиссерских курсов: Игорь Димент (ему не дали закончить курсы; уехал в США. Талантливый покоритель любого творческого пространства и женских сердец — он недавно ушел из жизни, сам — болезнь не оставила ему шанса), Витя Крючков, я и еще несколько человек.

Бабушка сшила мне синее платьице. Почти мини. Ролан сыплет стишками:

А ножки из-под платьица
ну просто так и катятся.
А все к тебе Диментами,
с большими алиментами.

Мне льстит внимание мэтра. Тем не менее возвращаю:

Роман с Роланом — Ералаш.
Ролан — не мой. Роман — не наш.

Он — мне:

Какую нынче выбрать тактику?
Все в жизни задом наперед:
Не ценят режиссерш без практики,
А девушек — наоборот.

Он — Игорю Дименту:

Я на «Мосфильм» врываюсь грудью,
Я нахожусь в семитском рву.
Заложите Димента динамитом под студию —
Я сам взорвусь и все взорву!

Он — нам:

…Количество Способности определяется количеством Вопросов, заданных самому себе. А Талант измеряется количеством Ответов…

…Не нужно настаивать на прошлогодней мысли: я мечтал, я собирался ставить, я хотел сыграть… Нужно настаивать… на лимонных корочках…

…Лучше быть Одному, чем Раздваиваться, но лучше Раздваиваться, чем Расстраиваться, но лучше Расстраиваться, чем Четвертоваться…

Он — мне — перед запуском съемки дипломного фильма:

…Если сможешь сделать фильм хотя бы на 40 % — ты гений, если на 25 % — способный человек, если на 1 % — удушу!

Ролан кричит на кого-то. Кричит так, что, кажется, барабанные перепонки не выдержат — лопнут. Потом поворачивается к нам, подмигивает и тихо говорит: «Ну, как я им дал?» Этому я так и не научилась. Кричать-то могу, а чтобы при этом еще и подмигивать — не получается.

Вторая встреча. Сочи. Кажется, 1972 год. Ролан снимается в картине «Большая перемена».

Я была по делам в Киеве. И вдруг звонок из Сочи — Ролан: «Приезжай. Очень прошу».

Помчалась. На вокзале — Ролан с охапкой цветов.

Это был праздник. Праздник с высоким градусом. Поэтому все события я помню туманно.

* * *

Я тебя открываю под занавес…
В нашем зале дежурит Тоска.
В правой ложе засела Заданность.
В левой — Истина в синяках.

Между кресел в обнимку с Творчеством,
Наступая, брюзжа, браня,
Бродит полное Одиночество,
Смотрит пристально на меня.

Гаснет свет. Поднимается занавес.
Снег ложится на пьяный карниз…
Ты сегодня ИГРАЕШЬ заново.
Ты играешь — я падаю вниз…

Ролан… Роман…

Я этого не хотела. Но чем сильнее не хотела, тем больше Ролан вплетался в мою жизнь.

* * *

Не судьба, Ролаша, видно — не судьба.
На поруках прилетели два горба.

Как один мне шепчет зло и горячо:
— Сплюнь, зараза, через левое плечо!

А другой твердит, осклабясь и жуя:
— Не заплачешь — не получишь ни…

* * *

Плюхнулись звезды в бокал.
Звезды прокурены в стельку.
Осатаневшею стервой
Музыка хлещет бока.

Эх, каблуки в дребадан!
Ах, и в чечетку по звездам…
Поздно мне? Нате! Не поздно…
Если немножко поддам.

Ты у меня на виске,
Я у тебя на ладони…
Тонем мы… Кажется, тонем…
…Стоп! Съемка окончена. Все свободны.

…Лето 1973 года.

Стажировка на картине Ролана «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Еду в Ереван: искать мальчика. На главную роль. Расклеиваю объявления по городу. И каждый вечер в 19.00 возле гостиницы «Ереван» стою в ожидании мальчика.

Торчать возле гостиницы молодой женщине с нееревaнским лицом — большего наказания не придумаешь.

Стою, скрестив руки.

— Э, что так стоишь? Муж умер?

Руки по швам.

— Что так стоишь? Муж бросил?

Руки за спину.

— Что так стоишь? Не любит никто?

Руки вразброс.

— Что так стоишь? Мужчину ищешь?

Возвращаюсь в гостиницу. Вдогонку — восторженное: «Ца-ца-ца!»

Про это «ца-ца-ца» рассказываю потом Зиновию Гердту. Он тут же парирует:

— Едешь в Ереван — надевай другую ж…

Зиновий Гердт Ролану (у Ролана новый шикарный галстук, только очень длинный):

— Рол очка, твой галстук достиг половой зрелости…

Дружба с Роланом открыла для меня умение ценить в человеке прежде всего талант, личность; заряжаться на творчество на 24 часа в сутки; воспитывать в себе доверие к собственному мироощущению.

И еще эта дружба подарила мне знакомство с замечательными людьми — Зиновием Гердтом, Михаилом Козаковым, Михаилом Жванецким…

Однажды мы с Роланом чуть не сделали вместе кино… Мне нравилась книжка удивительно талантливого писателя Юрия Коваля «Приключения Васи Куролесова». Я решила посоветоваться с Роланом, не сделать ли мне по этой повести дипломный фильм. Ролан прочитал и сказал: «Зачем тратить столько добра на короткометражку?! Давай снимем нормальный фильм. Вместе!»

Я отдала ему материалы. Он написал сценарий и сказал: «Я буду это сам снимать». К сожалению, и сам не снял. И это — тоже Ролан…

Так и не вышло ничего из нашего режиссерского единения. Зато позже Ролан снялся в моем фильме «Искренне Ваш», чем я искренне горжусь. И Лена Санаева, которую после многих попыток обрел Ролан на всю оставшуюся жизнь, замечательно сыграла там же почти бессловесный эпизод…

А так…

Меня часто заносило не в свою жизнь… А может, мне только казалось, что не в свою… Раз заносило, значит, сопротивление бессмысленно и надо извлекать пользу…

У сокурницы Соны брата посадили в кутузку в городе Коммунарске (на Украине) за торговлю крышками для консервирования (вот времена были! — за крышки!).

Сона просит меня что-то придумать — надо лететь в Коммунарск, надо войти в доверие прокурору и милиции, надо вытаскивать брата. При этом мне надо бросать все свои дела. Отменить давно обещанную поездку к дочке. И я бросаю. И отменяю. И лечу.

Я притворяюсь корреспондентом Киевского телевидения (благо, там когда-то уже работала и договорилась с ними устно о возможности такого репортажа), делаю сценарий передачи о Коммунарском металлургическом комбинате; честно вникая во все заботы рабочих, изучаю деятельность правоохранительных органов.

Начальник милиции Кошкин (у него в кабинете на самом видном месте лежит Книга Добрых Дел) доверительно рассказывает, как он разжимал пальцы секретаря райкома партии для снятия отпечатков, когда того арестовали за какие-то поблажки местным футболистам.

Прокурор по фамилии Якубович, пытаясь ухаживать за столичными дамочками, устраивает нам загородный пикник на капоте «Волги», где черная икра соседствует с конфетами «Планета», яйцами «в мешочек», сметаной, дорогущим коньяком и вареной колбасой.

Тактика у нас такая: я задружаюсь с этими правоохранительными органами, а Сона с сестрами, которые тоже приехали на вызволение брата, мои «стремления крепит». Операция проведена блестяще. Все представители органов — в кармане. Брат освобожден из тюрьмы. Прокурор освобожден от должности. Я получаю в награду соленый рыбец.

Кому на «ры»,
Кому на «скы»,
Кому на «мягкий знак»…
А я лечу в Ком-му-на-рск.
Зачем лечу? А так!

Во мне сидит
Один большой
Таинственный мудак.
Вы спросите, как он вошел?

Зачем вошел? А так!

И он меня на бой зовет,
На поприще атак,
На гульбище чужих забот.
Зачем зовет? А так!

А прошлое висит слезой,
И будущее — мрак.
Живу одна. Живу с Лихвой.
Зачем живу? А так!

Потом меня еще не раз будет заносить не в свою жизнь… Но как это ни парадоксально, запоминаются из всей проносящейся жизни именно вот эти «заносы».

Несколько лет назад каскадер Сергей Воробьев позвал меня поучаствовать в «Гонках на выживание» — проводились такие в Крылатском. Я легкомысленно пообещала. А ровно через месяц, 6 ноября, утром раздался Сережин звонок.

— Ждем.

— Когда? — Я надеялась, что у меня есть время для принятия решения.

— Сейчас. Мы за вами выслали машину.

— Сережа! Подожди! У меня же сегодня день рождения! Мама испекла яблочный пирог, и я обещала к часу дня быть у нее!

— Будете!

— Живая?

— Еще какая!!

И я поехала… Надела на себя страховочное обмундирование. Я ведь знаю, как это делают каскадеры! У них, правда, оно профессиональное, а я организовала его из подручных средств: три пары брюк, пять свитеров, две куртки…

Ноябрь. Мокрый снег. Скользко. Грязно. Поле для гонок все изрыто. Трасса с довольно высокими холмами и крутыми поворотами.

Ну что… «ко мне коня подводят»… Одного… второго… третьего… Во-первых, я не влезаю ни в одно сиденье — они рассчитаны на худые каскадерские зады. Во-вторых, не сходятся на мне ремни безопасности — моя страховка не пускает. В-третьих, не налезает на голову ни один шлем — очень умная, однако.

С облегчением намыливаюсь отчалить к маме — я хотела, но не получилось… Не по моей вине.

— Нет-нет. Об этом забудьте. Вот вам настоящий гоночный автомобиль (те были как бы шутейные — для непрофессионалов. — *А.С.*). Только на газ сильно не жмите, можете улететь, — предупреждает Сережа.

Я смирилась. В заезде участвовало несколько лихих гонщиков: Николай Фоменко, Алексей Лысенков, Леня Якубович и кто-то еще.

Я пришла первой. Правда, проехала на один круг меньше. Поэтому была первой — среди женщин. Больше женщин в этом заезде не было… В награду получила кубок, мужские ботинки 43-го размера, два тома «Кройки и шитья», майку и медаль на грудь. Ботинки подарила отцу, два тома — одной портнихе, а майку — Пете Тодоровскому-младшему, внуку моей подруги Вики Токаревой. Увидев по телику эти соревнования, он очень меня зауважал. И я не могла этого не сделать.

Мой первый фильм

Конечно, хотелось в первой картине поразить чем-нибудь эдаким… Жанром, например. Я крутилась вокруг детских музыкальных спектаклей — в театре, на пластинках, на радио… Как-то мне попалась пластинка питерских авторов. Называлась она «Лжинка». Незатейливый, но вполне ироничный школьный сюжет давал основание… Стихи… Но музыка там была, как бы это поинтеллигентнее выразиться, — старомодная.

Я нашла двух молодых композиторов — Володю Хропачева и Володю Быстрякова. Они сочинили новую музыку.

Сценарий написала я сама. И стала снимать детский мюзикл. Как ни покажется это странным — мюзикл с детьми снимать легко! Надо только не лениться и отобрать самых музыкальных и самых талантливых. Остальное — дело действительно техники: репетиции, костюмы, декорации, балетмейстер, запись музыки, запись вокала — и все! К первому съемочному дню маленькие артисты знают все партии, все танцы, все мизансцены — безошибочно!

Одно меня иногда смущало — у некоторых моих маленьких и особенно драчливых артистов каждый день на мордочках появлялись синяки. И если такую мордочку в монтаже сложить в один эпизод — синяк бы скакал по герою, как живой… Приходилось музыкально выкручиваться…

Фильм я сняла быстро, точно в срок и уложилась в отпущенные мне «двадцать копеек». К сожалению, фильм черно-белый. Просила директора студии дать больше денег, чтобы снять

в цвете — мюзикл! — но было отказано.

Потом, правда, высказывались запоздалые сожаления.

На фестивале «Молодость-74» эта картина получила приз за режиссуру. Еще на каком-то — за сценарий. На курсах мне поставили «пять с плюсом». В Госкино похвалили.

Ну, вот он, мой «белый конь»…

Сценарий «Лжинки» я утверждала у заместителя главного редактора Киностудии им. Довженко — ВГК. Раньше он был членом ЦК Компартии Украины. Но когда разжаловали самое высокое цековское начальство по фамилии Шелест, ВГК тоже «зашелестел» из ЦК. Его «опустили» на киностудию.

Весь женский персонал объединения «Юность» был влюблен в ВГК — уверенная походка, красивый разворот плеч, высокий умный лоб, незаурядный взгляд на мир и умение видеть женщину.

Я тоже поневоле стала к нему присматриваться.

Когда же появилась на студии, ВГК стал настойчиво присматриваться ко мне. Что-то во мне протестовало: он был женат, имел взрослую дочь… Но он был по-настоящему влюблен, а я была готова к любви… И мне очень хотелось уйти от прошлой жизни…

Мне надоело быть мужчиной,
В огонь и в воду храбро лезть
И отдавать наполовину
Никем не понятую честь…

Я гну глаголы, клею лики,
Кольцую пастбище идей.
А по ночам терзают крики
Моих несбывшихся детей…

На Довженковской киностудии я сняла еще два фильма.

«Рождение танца» — фильм-концерт об ансамбле украинского танца под руководством Павла Павловича Вирского.

Работать с ним было сложно. Как семидесятилетний Вирский орал на своих балерин! «Ночью ноги поднимать умеете, а сейчас разучились!» Конечно же он был диктатор и единовластный хозяин. Его боялись, перед ним дрожали. Я тоже перед ним «виляла хвостом».

Семнадцать или семьдесят —
Не все ли вам равно?!

Вы любите, вы сердитесь,
Снимаете кино!

Вы покорили дали,
Свободы не поправ.
Вам орден Дружбы дали
За «дружелюбный» нрав.

Нрав, конечно, у него был колючий и неудобный. Но ансамбль — превосходный. Прыжки танцоров — просто космические. Особенно потрясающе они смотрелись в рапиде. Танцоры парили в воздухе, и это казалось выше человеческих возможностей. Может, и парили потому, что боялись.

Павел Павлович впервые на нашей с ним картине увидел рапид. Запал на него и хотел все танцы снимать только в рапиде… Но тогда каждый танец автоматически превратился бы в сериал… Вирский сердился… Топал ногами… Но убеждению шел навстречу.

Когда картина заканчивалась, в один из таких «разгоряченных» моментов он вышел под дождь, простудился, заболел воспалением легких и умер. Картину потом растащили на концертные номера.

И была еще одна картина. По рассказам Юрия Сотника. Она называлась «Предположим, ты капитан…»

Прощай, Десна

Не было человека более критически настроенного к существующей власти, чем мой ВГК. Он знал эту власть изнутри, и поэтому у него не оставалось иллюзий ни на одну копейку.

Невинный сценарий «Предположим, ты капитан…» под указующим перстом ВГК получил острую социальную направленность. По сути, это была для той поры довольно острая критика пионерской организации как прообраза всех последующих партийных возрастных организаций: высмеивалась ложная идея, что пионер всюду должен быть первым.

Шел 1976 год. Время, которое позже окрестят «годами застоя». Неудивительно, что киношное начальство приняло картину в штыки. Первым набросился Иван Григорьевич Качан — главный редактор Госкино Украины. Мне кажется, больше всего его разозлило, что в титрах было написано «дрессировщик

Качан»: в картине снимался козел, а потому был и дрессировщик. Конечно, это только случайное совпадение. Но, видимо, начальство такого не прощает.

Продолжили нападки Большак и Сиволап — председатель Госкино Украины и его заместитель (тоже «нехилые» фамилии).

В результате картине дали третью категорию. Для начинающего режиссера это смерти подобно.

Я решила поискать справедливости в ЦК партии. Позвонила, попросилась на прием, приехала — но меня не пустили: я была в брюках. Попыталась закатать брюки под шубу и так проскочить в здание, но меня разоблачили. Пока я ездила переодеваться, человек — нет, не человек — инструктор, который назначил мне встречу, ушел домой.

Но на совещание по итогам киногода в Киев приехал из Москвы Виктор Петрович Демин — в роли того барина, «который всех рассудит», умный и талантливый киновед.

Я решила «подкупить» барина и явилась в гостиницу с куском медвежатины, собственноручно приготовленной. То ли эта экзотическая «взятка» возымела действие, то ли фильм Виктору Петровичу действительно понравился, но он меня поддержал.

И еще меня очень поддерживала моя съемочная группа. В отличие от круглых затылков киношных начальников лица моих сотоварищей по съемочной группе были прекрасными, открытыми и очень дружелюбными. И остались такими до конца: Эмилия Ильенко, Витя Политов, Эмма Косничук, Зинаида Алексеевна Зороховская… Костюмер… Мы все, и наши маленькие актеры в том числе, называли ее Мама Зина.

В большой костюмерной, где царствует дух нафталина,
Где костюмы, как опустевшие гнезда, висят,
Сидит одиноко печальная Мама Зина
И смотрит растерянно на письма ушедших ребят…

«Дорогой Маме Зине от бывших актеров на память
В день съемки последней, в день, завершающий год»…
И подарки, притихшие рядышком со словами:
Самолетик, свистулька, кораблик, поломанный кот…

Разбегаются строчки, срываются буквы, как капли:
«Женя, Вовочка, Вася, Аглая, Алеша, Антон…»
Уплывает размокший бумажный ребячий кораблик.
Остается тепло — благодарный ребячий поклон.

На дорогах судьбы ожидают ребят «бригантины».

Будут плыть и тонуть. Упадут и поднимутся вновь.
Потому что была, потому что осталась у них Мама Зина —
Мама Верность, Надежда и Мама Большая Любовь.

И не только у ребят… У меня тоже..: С тех самых пор я точно знаю, что в каждой съемочной группе у меня обязательно есть своя Мама Зина — человек, который любит Кино, любит свою работу не меньше меня…

Мы не отстояли картину у начальников, но наши человеческие отношения не рухнули в самый трудный период борьбы с ними.

Однако в Киеве меня уже мало что удерживало. Я хотела «…в Москву… в Москву…» Моя полусемейная жизнь с ВГК дала трещину. Его догрызало бывшее родное ЦК. Он вообще остался без работы (но с собакой). Я предлагала ему уехать вместе в Москву. Он не хотел оставлять свой родной украинский язык. И в конце концов отпустил меня.

На прощанье мы съездили на нашу любимую Десну. Плыли в моторной лодке. Лил дождь.

Прощай, Десна. И не стучись
Дождем тоскливым в окна лодки.
Мне покидать тебя неловко
И оставаться нету сил.
И не волнуй волною ряд
Тех лет, что плыли рядом с нами.
Прости, Десна. Как говорят,
Давай расстанемся друзьями.

…Мы расстались друзьями. Он женился на женщине, которая давно была рядом с нами и давно предназначалась ему судьбой. Я просто случайно вклинилась в их жизнь, когда они еще не подозревали, что будут вместе, и отложила их отношения на долгих десять лет…

МОСКВА… МОСКВЫ… О МОСКВЕ…

После фильма «Предположим, ты капитан…» я уехала из Киева навсегда.

Я уже хлебнула… вкусила… закусила… и рванула в Москву. Я хотела заниматься только кино. Я хотела жить и работать в Москве.

В Москве не было ни дома, ни работы. Дочь Киру я пока оставила с родителями в Киеве и поэтому без дома могла прожить. Без Кина — нет.

Крокодил

На Студии им. Горького у Александра Хмелика в это время уже вовсю раскручивался и расцветал мой киножурнал «Ералаш». Я верила — сниму пару сюжетов, и он мне ответит взаимностью: что-нибудь обязательно произойдет, что-нибудь обязательно хорошее. Ну не может же «Ералаш» не помочь мне — я дала ему жизнь!

Александр Хмелик и Боря Грачевский сумели собрать единомышленников, создать веселую атмосферу молодежной студии.

И один сюжет я действительно сделала. Это был крохотный мюзикл «Ну кто же так рисует?». Он был посвящен «щиро коханым» киевским киноначальникам и их ХУДсоветам.

Девочка рисует мелком на асфальте собачку. То и дело подходят другие «художники» и дорисовывают собачку по своему усмотрению: то зубы переделают, то хвост выпрямят, то глаза сузят… В конце концов вместо собачки получается крокодил. Он внезапно оживает и хватает зубами за штаны очередного «худ-советчика».

Крокодила мы снимали в зоопарке. Нужна была его сердитая разинутая пасть. Но крокодил лежал себе в самом благодушном настроении и ни о чем кровожадном не помышлял. Надо было его раздразнить. Служителя зоопарка рядом не было, и… я рискнула: взяла какую-то метлу и вошла в клетку. Стала яростно размахивать метлой перед крокодильей мордой. Крокодил дремал… дремал… и вдруг… как разинет пасть!

Я:

— Мотор!

А он — прыжок!

И… — нет, не меня, пока метлу! Да с такой отчаянной

злостью, что даже зуб сломал! В это время как раз и появился служитель зоопарка:

— Вон все отсюда! Я не хочу в тюрьму!

Но мы уже успели все отснять! А «трофейный» зуб у меня до сих пор хранится.

Брак за брак

«Ералаш» сделал еще одно доброе дело — он соединил меня узами брака с милым интеллигентным человеком — звукооператором Женей Т.

Мюзикл — дело коварное в наших несовершенных условиях. Он требует особых знаний, особой технологии, особой подготовки. Мы же пошли «напролом». И при монтаже обнаружилась несинхронность. Брак звукооператора. Записывалась музыкальная фонограмма в одном режиме, а на съемке подавалась в другом.

Такой вот брак за брак получился. А совместная жизнь не сложилась, хотя пробыли мы в этом самом браке лет семь. Иногда Женя писал мне нежные и грустные стихи:

Дом за «Мосфильмом» стоит в снегу,
Мысли все время к нему бегут.
Дом за «Мосфильмом».
А в нем ОНА —
Вот уж пять лет как моя жена.
Охотно меня принимают тут,
Кормят, но спать одного кладут.
Заледенелый, один лежу,
Имя супруги, дрожа, твержу…
Дом за «Мосфильмом», шепни жене,
Как я хотел бы остаться с ней,
Встретить рассвет на ее плече —
И так подряд миллион ночей.
Дом за «Мосфильмом», пока прощай.
Еду в Чертаново пить свой чай.

Сейчас я думаю, почему не сложилась… Наверно, потому же, что и всегда: я кино любила больше, чем нормальную семейную жизнь. Может, еще и потому, что я понимала, нет, я точно знала, какая будет жизнь с Женей, а меня тянула «езда в незнаемое», я спотыкалась об острые углы не своих отношений.

Я вас люблю — я вас боюсь

И все-таки жить было негде и не на что. А возвращаться в натоптанное киевское прошлое я категорически не хотела.

Написала письмо моему учителю и художественному руководителю курсов Георгию Николаевичу Данелия. Начиналось оно так: «Сегодня холодно… Я снимаю… комнату. Ноль, с которого я начинаю, прошу считать нимбом… Очень хочется ЧТО-ТО делать — уже вовсю седею. Но хочется делать только ТО единственное, за что могу отвечать. Я не хочу подводить ни Вас, ни себя…»

Дальше шли изложения на тему одного предложенного сценария. Мои колебания и сомнения. Заканчивалось письмо так: «Извините, что разговариваю с Вами письменно. Я очень теряюсь при устном общении с Вами. Я Вас очень люблю и очень боюсь».

Данелия помог мне трижды: он «пробил» меня на «Мосфильм», помог получить московскую прописку, защитил от одного БХ (Большого Художника).

Еще учась на курсах, я написала такой «программный» стишок:

Воздвигнусь ли? Паду ли я?
Своей судьбе дана ли я?
Плевать! Пойду под пули я,
Коль поведет Данелия!

Сегодня у меня свои студенты, свои ученики. Я помню Большой Урок человеческого достоинства и ответственности за чужую судьбу. Научить режиссуре как мировоззрению — невозможно. Можно поучить ремеслу, но главное — суметь вовремя подставить плечо. Что я и пытаюсь сегодня делать.

Жизнь с телефоном

Главный редактор Объединения комедийных и музыкальных фильмов Эдик Ермолин с благословения Георгия Николаевича повел меня к генеральному директору «Мосфильма» Н. Т. Сизову за добычей временной прописки. Это были времена строжайшего паспортно-прописочного режима, и поселиться в Москве за красивые глаза было практически невозможно.

— Вот, Николай Трофимович, — робко сказал Ермолин, — наш молодой режиссер. Замужем за москвичом. Меняет квартиру.

А пока надо помочь временно прописаться.

Сизов поднял на него тяжелый взгляд:

— Ну и объединение у вас… комедийное… В Москве режиссеры, что ли, перевелись?

Я думаю, что Сизов слышал про печальную историю фильма «Предположим, ты капитан…». Поэтому ему совершенно не хотелось брать на свой «мосфильмовский» корабль какого-то «предположительного капитана». Но все-таки за меня ходатайствовал сам Данелия. И Сизов подписал нужное письмо. А я, ухватив за перо «птицу счастья завтрашнего дня», поселилась в гостинице «Мосфильма». И начала там жить-поживать долгих четыре года и две с половиной картины — с электроплиткой, холодильником «Морозко» и — главное! — с телефоном, которых на все номера было только два! Конечно же вся гостиница ходила ко мне звонить — потом выпить чаю, потом водки, потом рассказать собственную жизнь. Я наполнялась чужими жизнями. А на свою времени катастрофически не хватало.

Ах, Комму-никация! Кому и весна и акация!
А Кому и камня на камне не выпадет след…
Ах, Комму-никация, ну как мне в тебе разобраться
В два года и тридцать ни-кому-ни-кабельных лет!

Кто там?..

«Мосфильмовская» подарила мне много замечательных дружб. Это были люди, которые, как и я, надолго поселялись здесь — из-за работы.

Марксен Гаухман-Свердлов — гениальный художник! — делал почти все картины с Глебом Панфиловым, работал с Сергеем Соловьевым. Не мне оценивать творчество Марксена, я надеюсь, это еще сделают другие. Я могу только благодарить гостиницу и судьбу за его уроки. Веселый, греховный, абсолютно безразличный к собственному быту и комфорту, Марксен был неуступчив и бескомпромиссен во всем, что касалось работы. Я знаю случаи, когда сдавались даже режиссеры: просили его об уступках или о снисхождении. Марксен умел побеждать и заставлял побеждать всех, кто соприкасался с ним в работе. Помню, в конце картины «Суета сует» выяснилось, что Анна Варпаховская, одна из главных исполнительниц, из-за отсутствия звания и регалий получит денег гораздо меньше остальных. Я была молодым режиссером, и мне казалось, что ко мне никто не

прислушается и что это неловко — просить денег.

— Ты же не для себя, для актрисы. Просить для других не стыдно, это надо делать обязательно, она хорошо сыграла. Ты должна! — Он заставил меня написать письмо, пойти к начальникам, и — мы победили…

Композитор Исаак Шварц. Седой, невысокий, с живыми яркими глазами… У нас с дочерью хранится кассета с записью замечательного романса на стихи Булата Окуджавы «Кавалергарды, век недолог» в авторском, первом исполнении. Когда Шварц пел «Не обещайте деве юной любови вечной на земле», он с таким искренним обожанием и сожалением смотрел на мою пятнадцатилетнюю дочь, что она готова была ему поверить.

Драматург Александр Володин. Потом кино нас соединит в «Двух стрелах». А пока — Сергей Колосов снимает «Назначение». И Александр Моисеевич просит меня, соседку по номеру, называть его Сашей. Саша разговаривает очень тихо и неправдоподобно вежливо. Никого не ругает, всех любит, снисходителен к любым человеческим слабостям, готов простить всем все. Даже кажется иногда, что он притворяется — таких людей не бывает — или он пережил и постиг нечто высшее, что дает ему право быть таким. Это потом я узнаю, что «Горестную жизнь плута» (в прокате «Осенний марафон») Володин писал с себя. Кто-то рассказал о Володине такую байку. Однажды пришла к нему журналистка. Стала пытать про то да се. А напоследок поинтересовалась, есть ли у Александра Моисеевича какое-нибудь хобби. Володин глубоко задумался. Выходило так, что нет у него никакого хобби. Журналистка собралась домой. А он все сидел и грустно думал о собственном несовершенстве: у всех есть это самое хобби, а у него нет. И вдруг вскочил радостный и побежал за журналисткой. «Есть! Есть у меня хобби! Я люблю выпивать! Я люблю выпивать с друзьями! И закусывать!» — крикнул он ей вслед. Вот такой божественный и горестный плут…

Андрей Тарковский. В гостинице был буфет мягкого алкогольного наполнения. Там часто дозаправлялись мосфильмовцы. Однажды я совпала за столом с Андреем. Он был совсем близко. Говорил что-то пьяно-задиристое и был похож на мальчика. Но кожа на лице тонкая, морщинами исписанная, как пергамент. Пергаментный мальчик. И очень сильное поле. Трудно рядом оставаться самим собой. Может, и не нужно. Мы так и не были знакомы. Знакомой с ним, и достаточно близко, оказалась одна Моя Приятельница. Она как-то подарила ему страшный дефицит — томик стихов Ахматовой и ананас. И у них случился роман — так, по крайней мере, она определила. Роман этот

ничем не кончился — у Андрея уже в это время дома сидела другая женщина, его жена Лариса.

Зато у меня есть подаренный и подписанный том стихов замечательного поэта Арсения Тарковского — отца Андрея… А позже романтическое киношное Болшево (был когда-то такой Дом творчества у кинематографистов) подарило моей дочери Кире дружбу с Арсением Тарковским-младшим.

Нина Николаевна Глаголева, Леонид Николаевич Нехорошее, Николай Александрович Иванов, Олег Александрович Агафонов и другие начальники «Мосфильма»…

После киевских «рукой-водителей» я вдруг повстречала начальников, Которые хотели понять и помочь — это было так неожиданно и так обнадеживало… Голова кружилась от сизовского «да», ивановского «возможно» и агафоновского «беру ответственность на себя»!..

А Нина Николаевна Глаголева! Всегда приветлива, весела. И никто никогда не ощущал, какую безысходность носит она за плечами: оба ее внука, оба любимых мальчика были безнадежно больны… Как много я потом встречала людей, которые любую свою царапину делали достоянием человечества! Нина делилась только радостью… И, как ни странно это сегодня звучит, она всегда была и остается по сей день замечательной Комсомолкой — искренней, верующей…

Недавно мы, ее друзья, отмечали Нинин «серьезный» юбилей. И я вспомнила стишата, написанные на другой, давний юбилей. Вот отрывок.

…Фабрика родная
Светлых грез и гроз.
Нину каждый знает,
С Ниной каждый прост.

Кто-то за советом,
Кто-то за рублем,
Ходят к кабинету,
Ходят день за днем.

Нина всем поможет —
Кабинет открыт.
Или так посмотрит —
Рублем подарит.

Ну, а завтра снова —
Светлый вечный бой

За святое слово,
Право быть собой.

Завтра у Глаголевой
Много новых дел.
Завтра ей глаголом
Жечь сердца людей!

Дай ей Бог — здоровья,
Комсомол — задор,
Студия — зарплаты,
Фильмов — режиссер!

Все советские праздники, основные торжественные гуляния начинались на студии, а заканчивались в нашей гостинице. Часто непосредственно в моем номере. Помню, как однажды драматург Слава Гервасиев ворвался в мой номер с бутылкой дорогущего «Камю» — очень хотелось ему наладить производственный контакт со сценарными начальниками. Но мои гости уже порядком выпили и собирались по домам. Он не вынес обиды — и стал поливать коньяком пол в моей комнате. Контакт «подмок». А номер еще долго хранил половой французский аромат.

Гости всегда были моим праздником. Но сплошные праздники тоже могут надоесть. И иногда на настойчивый стук в дверь — «Мы зайдем? У нас тут все с собой», — отвечала: «Я работаю». Что было правдой. На меня обижались. Люди, приехавшие в гостиницу на время, не понимали, что я-то гостиничный номер уже воспринимала как свой дом. Мне хотелось побыть одной, иногда даже действительно поработать. А иногда просто почитать.

Я нашла спасительную формулу отказа.

Стук.

— Мы зайдем? У нас тут джентльменский наборчик…

— Извините, я не одна.

— О, простите! — понимающе и уважительно слышалось из-за двери.

И на цыпочках удалялось по коридору.

Но теперь по «Мосфильму» поползли слухи о моей пестрой личной жизни. Вопросы от любопытства расталкивали друг друга: спит? И с кем же спит Сурикова? С кем? Сурикова?

Они меня достали.

— С кем, с кем… Ни с кем! Со мной заснуть невозможно!

Вопросы улеглись… Слухи побежали дальше. Я их не

останавливала — некогда было. Мне хотелось снимать кино.

В гостинице я прожила четыре года. Там же со мной потом поселилась дочь Кирюша, которую я забрала из Киева. Мы придвинули к моей кровати два кресла, покрыли ковром. Получилась отличная двуспальная кровать. Кирюша «врубила» магнитофон. Вначале я дернулась, потом остыла. Поняла, что музыка повисла между нами, как спасительная ширма.

ДЕБЮТ НА «МОСФИЛЬМЕ»

Я не собиралась всю жизнь дразнить крокодилов ради трехминутного сюжета. Искала сценарий для большого фильма.

В Объединении комедийных и музыкальных фильмов, которое тоща возглавлял Данелия, мне дали почитать сценарий Эмиля Брагинского. Он назывался «Суета сует». Нельзя сказать, что я взяла его теплым со стола Брагинского. Сценарий уже полежал. Но это меня как раз не очень беспокоило: он был хороший, добрый и добротный.

Однажды драматург Эмиль Брагинский женил своего сына Витю в первый раз. В ЗАГСе молодожены стояли на большом цветастом ковре. Многочисленные друзья и родственники взволнованно топтались вокруг. Иногда в радостном порыве они наступали на ковер для молодоженов. И тогда женщина с официальной красной лентой через всю начальственную грудь, не меняя торжественной интонации, говорила:

— Сойдите, пожалуйста, с ковра. Вас много, а ковер один.

Эта фраза зацепила Эмиля Вениаминовича, запала, не отпускала. Думаю, там же, «на ковре», у него родился замысел будущего фильма — о личной жизни директора ЗАГСа: она всех женит, всем объясняет, что брак — это священно, а у самой семья разваливается.

Но сразу хвататься за сценарий Брагинского я не спешила. Ходила вокруг, обнюхивала, как кошка, трогала лапой… Я искала чевой-то необычного.

Асур

Страна жила в предвкушении московской Олимпиады. И у меня созрел замысел одной древнегреческо-спортивной истории. Я прочесала Ленинку — благо, научное прошлое приучило к библиотечной дотошности. Узнала, что философ и математик Пифагор был победителем в кулачном бою, что питались олимпийцы сухофруктами и орехами, что бегали они абсолютно голыми, что женщины под страхом смерти не допускались на Олимпиаду, а также многое другое… и сочинила историю мальчика по имени Асур (я так расписываюсь: АСур).

В Спарте родился мальчик, хилый и болезненный. Таких детей сбрасывали со скалы: нечего портить здоровую нацию. Но

мама Асура спрятала его в горах у силача, бывшего олимпийского чемпиона. Силач тренировал мальчика каждый день. Он вырос крепким и сильным и, что еще более важно, — умным и добрым. В шестнадцать лет Асур приехал на Олимпийские игры и, естественно, всех победил.

Такая себе история победы интеллигента над обстоятельствами. Сила духа, сила воли…

В придуманную историю я втянула в качестве соавтора Василия Аксенова. Он писать не стал, но идею горячо поддержал и подарил мне тогда два своих толстых самиздатовских тома.

Дала почитать заявку Данелия. Он нахмурился:

— На такой фильм нужен миллион. Тебе миллиона никто не даст. Давай отдадим либретто Элему Климову. Он как раз сейчас сидит без работы.

Я не смела возразить учителю и оставила рукопись.

Через некоторое время нашла повод позвонить Элему. Мне показалось, что он даже не знал, кто автор «олимпийского» замысла, и был немало удивлен. Однако тут же пошел в атаку на «сценариста»: «Написали… а как они будут бегать голыми — подумали? Как это снимать?!»

Сейчас это не только не было бы препятствием в съемках, но, напротив, стало бы главной «фенечкой» предложенного сценария, — Вон как у Валерия Рубинчика в фильме «Лисистрата» актеры массовых сцен трясут своими «мужскими достоинствами», переходящими по мере приближения к камере в недостатки… А тогда Климов не смог преодолеть этого. Да и не пытался…

«Суета» суёт…

Вскоре меня вызвал Георгий Николаевич Данелия: снимай «Суету» — это твой шанс. И не суетись.

Потом позвонил Эмиль Вениаминович Брагинский: не бойтесь, я буду рядом.

А директор Объединения комедийных и музыкальных фильмов Олег Мужчинкин ободрил: тебе же суета сама суЁт! Бери!

И я приняла решение.

У нас с Брагинским была приличная разница в возрасте. И еще большая разница в положении: он признанный мэтр, а я начинающий режиссер. Тем не менее я сразу и свободно стала называть его Эмик. Хотя, конечно, на вы, но — Эмик. И еще Первоисточник. Эмик действительно был для меня первоисточником в моей новой кинематографической жизни.

Человек огромной культуры, такта, заряженный на добро, он умел быть Другом. Такое простое и такое редкое качество. В работе с ним было чрезвычайно легко и надежно. Он не лелеял каждую свою фразу, не настаивал на однажды написанном, менял легко, молниеносно придумывал новое.

«Просветитель»

Съемочную группу определили за меня — назначили, и все. Вместе со мной первый раз на «Мосфильме» снимал кино в качестве оператора-постановщика Сева Симаков. Первый раз директором картины стала Людмила Габелая. Первый раз ее замом была Валя Петунина. Первый раз ассистентом по реквизиту работал Саша Зеленков. Первый раз снимались в кино актрисы Светлана Петросьянц и Анна Варпаховская.

Все остальные члены съемочной группы первый раз встретились с таким количеством начинающих. Надо было нас «укреплять».

Вторым режиссером дали Олега Г. Поначалу он производил вполне приемлемое впечатление: называл всех «миленький», цитировал по любому поводу Бердяева и пытался «наложить» философа на хрупкие плечи комедии. Честно говоря, я в это время о Бердяеве знала немного. Поэтому безусловно благодарна «просветителю» за знания… Но когда я вдруг в какой-то момент почувствовала, что он пытается меня изолировать от съемочной группы, стравить меня с нею, заставить подчиниться его воле, я вырулила на оператора-постановщика Севу Симакова и жестко заявила: либо Сева работает со мной рука об руку, либо не работает вообще. Конечно, я блефовала. Проще всего на этой картине было убрать меня. Но мне не оставили выбора, и я рискнула. Сева ковырнул сандалией паркет: «Понял!» — и переселился в мою комнату. За ним перекочевал и художник. Г. стал заниматься своим непосредственным делом — быть вторым режиссером (а делал он это, надо отдать ему должное, неплохо, за исключением того, что писал весьма безграмотно). Ситуация переломилась. «Миленький» стал «шелковеньким».

Сейчас мне уже не надо доказывать, что я имею право и могу, но… Кино — штука общественная, даже как бы коллегиальная. Чтоб твоим соратникам интересно работалось, они должны чувствовать свою творческую востребованность, но чтоб хорошо работалось и тебе, ты должен в этой востребованности брать себе ровно столько, сколько сможешь пустить в дело. Ответственность на тебе. И только ты знаешь, ЧЕГО тебе надо. Однако же команда

— дорогого стоит. И мне очень тепло слышать: мы хотим с вами работать.

Пробы

Когда я выросла во взрослого режиссера, уже не устраивала гонки актерских проб. Просто договаривалась с хорошими и любимыми. А тогда меня не знали. И скорее это были пробы режиссера: посмотрим, посмотрим, на что ты годишься…

В то время пробы делались развернутыми. Надо было представить три-четыре пары главных героев, снять их обязательно на кинопленку, а не на видео. Как бы показать товар кинолицом.

Я очень волновалась перед запуском картины и сама попросила Георгия Николаевича, чтобы мне дали художественного руководителя. Им стал один БХ (Большой Художник). Я восхищалась им как режиссером, не подозревая, насколько он противопоказан мне в работе над этим сценарием. Легкий сценарий Брагинского БХ пытался натянуть на социальный столб. Полутона человеческих взаимоотношений, основанные, скорее, на ироническом несоответствии, нежели на суровой правде, — препарировать в пространстве и времени. Я училась поначалу самозабвенно и искренне. Послушно кивала головой, искала социальные корни героев, соглашалась, что коньяк — это жидкий хлеб. Но… пришел момент показа актерских проб. БХ снял пробу с Юрием Соломиным и Наташей Гундаревой. Я сняла пробу с Гурченко и Басилашвили. Мы показали обе пробы худсовету Объединения, то есть Георгию Николаевичу Данелия. БХ выступил резко против моих проб. Бил наотмашь. Данелия спокойно возразил ему:

— Твои пробы не лучше.

Это была историческая фраза. Возможно, он так и не думал, но встал на мою защиту. БХ хлопнул дверью.

И в это же время на столе у Сизова оказалось заявление БХ. Он писал, что отказывается быть художественным руководителем картины, поскольку, по его мнению, режиссер Сурикова снять фильм не в состоянии.

Выстрел в спину показался бы мне менее болезненным. Я до сих пор так и не поняла, что заставило его написать ту бумагу.

Спустя много лет у меня был вторым режиссером человек, работавший некогда с БХ. Я стала расспрашивать его о совместной работе. Он рассказал, как однажды обратился к БХ с каким-то вопросом. Тот поморщился:

— Ко мне с этим вопросом не подходите. Я для вас — небожитель.

Пара моих

Я продолжала искать ту пару актеров, которая была бы моей.

В это время ко мне пришла Галина Александровна Польских. Пришла, чтобы отказаться от роли разлучницы Лизы. Галя сказала:

— Мне эта роль не очень… Что-то подобное я уже играла… Извините.

Она так мило отказывалась, что расставаться с ней не захотелось. Я увидела своего человека. И поняла, что Галина Александровна должна играть Марину Петровну, главную героиню. Что сквозь квадратную советскость героини должна светиться женщина — иначе КИНА не будет. А в Гале женственности — до самой макушки!

Оставалось найти ей пару.

Кто мог быть тем актером, для которого первые произнесенные в кадре слова — «Марина, я пропал. Я можно сказать — погиб. Мне понравилась посторонняя женщина» — были бы естественными и ненатужными? Я стала вычислять. Вычисления дали результат; Фрунзик Мкртчян — большой ребенок, который заблудился между двумя женщинами…

Когда я свела Польских и Мкртчяна вместе, то поняла, что жизнь продолжается, что появился шанс не только выжить, но и победить — это ОНИ.

Однако роль Бориса Ивановича была написана для абсолютно русского актера. Брагинский не только не представлял себе Фрунзика в этой роли, он даже, как ни силился, не мог произнести на одном дыхании его фамилию — все-таки пять согласных подряд!.. И еще его сильно смущал яркий армянский акцент Мкртчяна.

Но когда Эмиль увидел пробы с Фрунзиком, смешным, трогательным и таким достоверным, он забыл про все свои сомнения и специально для него написал диалог.

Марина Петровна (Польских) упрекает мужа:

— Сколько лет живешь в Москве, а не научился правильно говорить по-русски.

На это Борис Иванович (Мкртчян) вздыхает:

— Русский язык такой богатый. А я человек бедный.

Вопрос об акценте был снят.

Как ни странно, против Фрунзика, своего актера, стал

возражать Георгий Николаевич, мотивируя тем, что негоже показывать южного гражданина СССР, как сегодня говорят, лицо кавказской национальности, в таком неприглядном виде: тут у него жена русская, тут у него любовница… А подтекст был такой: большой русский брат не может обижать маленького армянского. Но генеральный «Мосфильма» Николай Трофимович Сизов внимательно посмотрел на Данелия своими полуприкрытыми глазами, хитро улыбнулся и вдруг сказал:

— А что в этом плохого?..

Тема была закрыта. Фрунзика утвердили.

Режиссера Юлия Райзмана в его семидесятилетний юбилей представили к званию Героя Социалистического Труда — ГЕРТРУДЕ. Юбилей приближается, а в ЦК все никак не утверждают… Тогда Сизов пошел на прием к Высокому Начальству. Высокое Начальство объясняет свою позицию: не положено — моральный облик! — у Райзмана есть любовница! Сизов не растерялся и говорит: если у человека в семьдесят лет есть любовница, ему тем более надо давать Героя Труда! Высокое Начальство рассмеялось и подписало.

Фрунзе Мушегович был человеком очень талантливым, требовательным к себе и очень серьезным художником. В одном интервью он признавался, что за роль берется, только если в ней есть «что-то глубокое для души».

Фрунзик хорошо знал историю родной Армении. Расхожий армянский тост «Тсава танэм» — «Возьму твою боль» — стал для меня после общения с Фрунзиком осязаемым символом человечности, рожденным на его горькой и прекрасной земле. При внешней простоте и детскости, при кажущейся наивности и радостном раблезианстве, Фрунзик был тонким знатоком поэзии и литературы. И не только армянской, но и русской. И мировой. Не случайно он взялся ставить «На дне» М. Горького как театральный режиссер. Его обожала Армения. Его любила вся зрительская Страна Советов.

Может быть, люби они меньше — он жил бы дольше… Вся армянская диаспора Москвы хотела непременно выпить со своим земляком, когда он появлялся в столице… На следующий день после таких встреч сниматься Фрунзик не мог: дрожали руки, пот лился градом, глаза становились тусклыми и затравленными.

Он жил в той же «мосфильмовской» гостинице, что и я. По вечерам спускался в маленький гостиничный ресторанчик поужинать. Тут же налетали люди с бутылками и рюмками. Несколько раз я бросалась «на амбразуру», защищая Фрунзика.

Порой нагло изымала водку, предназначенную для него. А приходилось и просто выпивать ее за его здоровье вместо него — для его здоровья.

Уверена, если бы Фрунзик мог защищать себя сам, он был бы с нами до сих пор.

Была еще одна «проблема» в работе с этим замечательным актером: что бы он ни делал, он был изначально смешон. Иногда настолько, что группа не могла работать. Я говорю: «Мотор!» — и из-под одеяла рядом с Галей Польских должен появиться заспанный Борюся. Но из-под одеяла — долго, гнусаво и абсолютно самостоятельно — выползает легендарный нос Фрунзика, а уж потом остальное тело. «Колется» Галя Польских, за нею вся группа. Я кричу: «Стоп!» Следующий дубль — то же самое. Группа отворачивается к стене, чтоб Галя не видела наши лица. Ничего не помогает. У всех истерика. Галя сползает на пол. За нею вся группа. Тринадцать дублей. Только когда уже челюсти свело от смеха, когда были выплаканы все смешливые слезы, дубль удалось «за-фотографировать».

— У тебя же гордый профиль, — говорила ему новая зазноба.

Фрунзик отвечал:

— В профиль я себя не вижу. Может, он и гордый.

Он очень не любил дубли. Мы же с оператором, страхуясь, снимали обязательно два-три дубля (советская пленка — самая ненадежная пленка в мире — могла в любом месте дать брак). Лишь в одной сцене Мкртчян был неумолим к себе и требователен к нам — в сцене прихода его героя к новой молодой жене. Сцена заканчивалась долгим поцелуем… Он искал «вариант» поцелуя… На седьмом дубле запротестовала его партнерша Анна Варпаховская, сославшись на то, что ее «домашний» муж может ее не понять… В монтаже я немножко подрезала долгий и страстный поцелуй — чтоб сохранить семью…

Бусы с колокольчиками

Труднее всего было с актрисой на роль разлучницы Лизы, которая уводит Бориса Ивановича (Фрунзика). Второй режиссер Г. даже предложил вымарать эту роль из сценария. (Бердяев ему, что ли, во сне нашептал?)

Я видела Лизу всю в рюшках и тортиках, милую в своей нахальности. По-своему обаятельную. Но что-то в ней должно было раздражать. Я искала большие металлические бусы, которые бы звенели при каждом движении, заставляли бы вздрагивать,

жили бы своей взвинченно-нервной жизнью..

Аню Варпаховскую, актрису Театра Станиславского, выбрала по картотеке. Стала рассказывать о своем ощущении Лизы. Обмолвилась о бусах. Аня рассмеялась:

— А у меня есть такие — с колокольчиками.

Лиза была найдена.

В начале съемок Аня вышла замуж за прекрасного человека Володю Колерова. А когда фильм был закончен, у нее родился мальчик Леня. И весь роддом бегал смотреть, не похож ли Леня на Фрунзика. Так велика вера зрителей в истинность кинопленочной жизни.

С Аней мы дружим до сих пор, хотя она и живет в Канаде. Как-то вместе встречали Новый год на их даче в канадских Альпах — в тихой, сытой и благополучной стране. Недавно Аня приезжала ко мне, чтоб сняться в сериале «Идеальная пара». Успела пожить «как люди» Анина мама Дуся Зискинд. Анин папа — Леонид Варпаховский — умер гораздо раньше.

История Аниной жизни — особая. Она — дитя Колымы.

Дуся Зискинд была певицей, а Леонид Варпаховский — театральным режиссером. Дуся попала на Колыму как жена врага народа, а Леонида осудили за то, что был ученым секретарем в театре Мейерхольда. Они случайно встретились на Колыме, познакомились, полюбили друг друга. От этой любви родилась Анна.

Я мечтаю (у меня много неосуществленных и, боюсь, уже неосуществимых мечт — жизни не хватит) сделать фильм «Колыма — любовь моя». О том, как молодые и красивые люди жили, смеялись и любили под дулами надзирателей на вечной мерзлоте.

Вот несколько отрывков из ненаписанного сценария (я записала их так, как услышала от Анны).

Встреча Варпаховского с Юрием Кольцовым

Очень хорошо помню один папин рассказ.

«Когда мужчина переставал бриться и бережливо есть, то ему оставалось недели две. У меня настал такой этап… Я перестал за собой следить и пайку хлеба не делил на три части, а съедал сразу, потому что не мог сдержаться. А это уже конец. И тут я узнал, что приехала какая-то культбригада из заключенных и расположилась за пределами лагеря. Выйти к ним нельзя, потому

что стреляют без предупреждения. Но мне было уже настолько все равно, что я пошел. Я шел с такой безразличной уверенностью, что меня не остановили и не выстрелили. Открыл двери. Там сидели люди и пили — у них была горячая вода в кружках, буханки хлеба и они… курили! Мне это показалось пиром… Это были артисты, культбригада, которая приехала «развлекать» надзирателей и заключенных. Я пришел к ним наниматься — худой, согнутый, руки волочились по земле — я же на лесоповале работал…

Мне говорят:

— Вы кто — Гамлет или Моцарт? (То есть драматический или музыкальный артист?)

Я говорю:

— Наверное, Гамлет.

— Сейчас с вами поговорят тут. Юра, поговори.

И вышел какой-то заросший человек ко мне. И спрашивает:

— Ну, а где вы раньше работали?

— Я в Москве работал.

— А знаете такую актрису Малого театра — Гельцер?

— Так это же балерина.

Вот такие дурацкие вопросы задавали. Я понял, что Заросший меня прощупывает.

— Ну, а кем вы работали?

— Я был ученым секретарем в театре Мейерхольда.

— Ну вот, до этого вы мне правду говорили, а теперь наврали, потому что ученым секретарем у Мейерхольда был мой большой друг Леня Варпаховский.

— Я и есть Леня Варпаховский. А вы кто?

— А я — Юра Кольцов.

Мы друг друга не узнали. Юра тоже был заключенный. (Его так били и мучили на допросах, что он «признался», что работает на кардинала Ришелье. У него так в деле и написано: «Шпион кардинала Ришелье»… На полном серьезе.) И он встал молча и принес мне буханку хлеба. И меня забрали с заворотом кишок…»

Начало театральной карьеры

Отец был дальтоник. Его посылали собирать ягоды. Надо было каждый вечер принести два ведра. А он не мог отличить ягоды от листьев. И то, что для других заключенных было относительно легким трудом, для него были муки мученические.

Начиналось же мучение в шесть утра, когда (стучали «блям-блям» по балке) выводили на работу и лагерный оркестр исполнял

какой-то радостный марш — все играли в разных тональностях. Это слушать было невозможно. Какофония! И отец — у него же прекрасное консерваторское образование! — пошел к начальнику и сказал: «Давайте я напишу так, чтобы это хоть звучало». А тот: «Ты от работы отлыниваешь? Ну ладно. На тебе двое суток». Отец перевел это все в одну тональность. И оркестр заиграл, зазвучал. И начальство доверило ему готовить концерт к празднику Октябрьской революции.

Отец стал собирать по лагерю артистов. Погибал один скрипач — он ему собственноручно сделал скрипку: у лошади из хвоста надергал волос. Только очень боялся, что лошадь его лягнет. Смычок, правда, был дугой, и дальше первого ряда не слышно было. Но все равно это была Скрипка. И человек тот ожил и выжил.

Он собрал всех, кто хоть что-то мог «изобразить»… Кто-то бил чечетку, кто-то читал стихи… Один молодой журналист из Харькова написал в стихах композицию «Днепр бушует» об освобождении от немцев города Киева. Ему кто-то шепнул, что к празднику освободят Киев. И папа ее поставил. И вот их везут на концерт, а Киев не освобожден. Журналист заволновался: «Нас же расстреляют!» Тогда они стали на ходу все переделывать. Началась торжественная часть, а они все еще судорожно переделывают… Недруг в конце торжественной части вышел человек и объявил: «Только что получено сообщение, что доблестные войска Красной Армии освободили город Киев! Начинаем художественную часть!»

Отец быстро вернул композицию «Днепр бушует» в «освобожденное» русло. Это был самый большой его успех! Ему после этого дали театр. Магаданский. Он ставил спектакли. Массу спектаклей.

Травиата

Когда папа стал работать режиссером в театре, ему предложили поставить «Травиату».

— Как же можно поставить «Травиату» без хора?! — пытался объяснить отец лагерному начальству.

— Не волнуйся, скоро в наш лагерь доставят эстонский хор в полном составе, — «успокоили» они его.

Ему нагнали разных артистов и артисток — из лагерных и вольных.

Как-то он шел по фойе, а мама стояла у колонны и пела: «Я гибну как роза…» Он шел-шел, остановился, сел на банкетку,

потом вернулся и сказал: «Вы знаете, я ведь давно не слышал шелеста листьев, пения птиц. Ваш голос вернул меня к жизни. Я верю, что искусство и любовь вывезут человека в любой ситуации». Мама и папа познакомились…

Он стал репетировать «Травиату» с артистами и заключенными. Заключенных водили утром под конвоем на репетицию, потом — под конвоем в лагерь. Потом — на спектакль. И отец влюбился безумно в маму. У них было много конфликтов, потому что она всегда была дебелая, пышная. А он был прогрессивный режиссер, ученик Мейерхольда: если гибнешь от чахотки — обязана светиться… А еще он оркестр поставил за ее спиной. Мама сказала, что «в этой сумасшедшей опере, где я не вижу дирижера, не буду петь». А он сказал, что «если вы так будете выглядеть, чахоточная Травиата, то я вообще повешусь». У них был огромный успех. И папа заявил маме: «Знаешь, Дуся, я написал начальнице лагеря письмо, как Вольтер Екатерине Второй. О нашей любви». Мама ахнула: «Идиот!!! Теперь нас вообще уничтожат!» И была права. Их поставили перед всем лагерем, заключенных посадили на корточки. И объявили о моральном разложении певицы Зискинд и режиссера Варпаховского.

Потом отца послали в какой-то лагерь, в котором мало кто выживал. Слава Богу, он не доехал: полетели шарикоподшипники в машине. Его подобрали актеры и из сломавшейся машины срочно засунули, спрятали в больницу — так он и спасся.

А маму посадили в карцер. У нее началась какая-то жуткая болезнь — ее всю свело. Тогда ее выпустили и отправили в пошивочный цех. Их разлучили, и для нее наступил конец света.

Но однажды — женщин вели в лагерь в шестидесятиградусный мороз и какой-то идиот конвоир все издевался, заставляя их разобраться по пять (женщин было тринадцать), — мама вдруг услышала, как кто-то поет: «Покинем мы край, где так страдали…» Она подумала, что это радио. И тут увидела, что у забора, подняв воротник, спиной к разводу стоит папа. «И я поняла, что его вернули». Он проводил ее до ворот женского лагеря. «Я заснула счастливой. Он жив».

Донос на «Реквием»

Отец сделал концерт с использованием лубка. В одном из номеров женщину играл мужчина.

Вадим К., певец — он к этому времени жил в Магадане на вольном поселении — написал донос: что лубок — это издевательство над советской деревней. А прозвучавший в этом

концерте «Реквием» Моцарта преподнес в «органы»… как сигнал для Америки к войне против Страны Советов. А это уже — военный трибунал. И мама собирала для отца документы — когда и где использовался «Реквием», что это передовое классическое произведение, а лубок — это история России… А папа сказал на суде, что он работает на нормального зрителя, а не на педерастов (певец имел определенную ориентацию). И военный трибунал его оправдал. Это был редкий случай! Хотя в одиночке год продержали. А несколько человек, они по другому делу проходили, по вине К. получили десять лет. К. очень многих посадил. Поэтому и не возвращался с Колымы. У него совесть была нечиста.

После этой одиночки родилась я. Пришел, увидел и… родил.

Мама в пургу на животе ползла, переставляя перед собой корзину с передачей, потому что ветер сшибал с ног. Сидела часами на морозе, чтобы ее к нему пустили. У них любовь бешеная была. Отец ревновал ее страшно. Один раз он записку написал, закатал в одежду шариком и передал: «Кто мой заместитель?» Она ответила: «У тебя нет заместителя». Эту их переписку перехватили. Решили, что открыли новый заговор. Маме устроили допрос. Она, краснея, объяснила: он имел в виду заместителя в постели… А лагерные начальники уже готовили себе новые звездочки на погонах…

Аня еще много интересного рассказала мне о своих родителях. К сожалению, все эти рассказы в одну мою книгу не помещаются…

Цасцесёх

В небольшой роли в «Суете сует» снялся Леня Куравлев. Он сыграл громогласного, веселого и доброю ухажера, который помогает Марине Петровне отвлечься от тоски и одиночества.

Мы с ним познакомились на картине «Поздний ребенок».

Постановщиком этого фильма был талантливый и интеллигентный Костя Ершов, увы, покойный. Художником — театральный художник Давид Боровский. Я тогда была приставлена к нему в качестве ассистента по реквизиту.

От той картины у меня остались самые светлые воспоминания. Я доставала для Давида любой немыслимый реквизит — вроде пяти блюд «под старину» или роз кораллового цвета. И сейчас, если мои ассистенты по реквизиту говорят, что чего-то нельзя достать, я отвечаю: можно. И я за это отвечаю!

У нас был старенький и очень смешной реквизитор. Он не выговаривал все буквы алфавита, отчего скатерть превращалась в «шкакеть», чистый в «цисти», розы в «този», тюль в «тул», и,

наконец, режиссер — это уже была его собственная, им изобретенная шутка — в «цасцесёх».

Этот тюль не называй судьбою,
Легковесна ниточная вязь.
Коль случайно подойдет к обоям —
Неслучайно жизнь затопчет в грязь.

Все потом пойдет своей дорогой,
Запылят безрадостные дни.
Только реквизитора не трогай,
Только ассистента не брани.

Радости в тончайшем переплете,
Розы, что тебе подарит Бог,
Ты вкусить не можешь — на излете
Твой бюджет, товарищ ЦАСЦЕСЁХ.

Костя умел создавать на съемочной площадке прекрасное состояние единения. И это было содружество интеллигентных и талантливых людей — по крайней мере, всем так казалось. Может быть, еще и потому, что в главной роли снимался Василий Васильевич Меркурьев, а на съемочной площадке рядом с ним всегда была Ирина Всеволодовна Мейерхольд. Уже достаточно было одной этой фамилии, чтоб люди вели себя терпеливо, внимательно и уважительно по отношению друг к другу. Всем хотелось сделать все возможное и не. И картина получилась, по-моему, такая же — тихая, бережная, интеллигентная. Все шутили и улыбались. Кстати, Меркурьев говорил, что за всю жизнь у него не было еще такой «ленивой» роли — по ходу сюжета с ним случается инфаркт, и он почти все экранное время проводит в постели.

Леня Куравлев приехал на съемки в Киев со своей очаровательной женой Ниной, преподавателем английского языка. Мне очень хотелось с ними подружиться. Как-то пригласила в гости. Сварила огромную кастрюлю вкусного борща. Но вместо соли сыпанула туда соду. По цвету борщ стал исключительно красивым, но пенился, как шампунь. На вкус… мы его так и не попробовали. Но вечер прошел весело, и моему желанию подружиться сода не помешала.

Леонид Вячеславович Куравлев был доволен своей ролью в «Суете сует». Как-то я случайно услышала в коридоре тонстудии его телефонный разговор с мамой. Видимо, мама пеняла ему за то, что он, популярный актер, иногда снимается в эпизодических

ролях. Леня ее успокаивал:

— Мама, эпизод эпизоду рознь. Да, роль маленькая, но хорошая. Да, режиссер молодой, но перспективный. А бывает, и роль главная, и режиссер старый, а ни славы, ни тепла. Ну, ты увидишь, может, и гордиться будешь.

Не знаю, как Лёнина мама, а я тогда загордилась.

Фокус и шампанское

На этой картине и родился мой режиссерский девиз:

В актере — фокус, на актере — свет.
Все остальное — суета сует.

На самом деле для комедии — это не шутка юмора, это правда истины. Если ты выбрал ТОГО актера, полфильма у тебя уже есть. Осталось только снять. Конечно, это прекрасно, когда еще и оператор хорош, и художник талантлив. Но главное — это глаза актера, это его пластика. А чтобы актер мог проявить себя в полной мере, надо его холить и лелеять (на съемочной площадке — обязательно) — несмотря на и вопреки…

Никогда не забуду, как однажды «загибался» от томительного ожидания актер на съемочной площадке у молодого тогда режиссера Р. Б. Режиссер снимал комедию «Эффект Ромашкина». У него был какой-то очень-супер-оператор, который заставил красить золотистой краской электрическую розетку в дальнем углу за актером, в то время как актер сидел при полном гриме, костюме, под полным светом и… потел. И казалось, с этим потом улетучиваются весь его талант и все чувство юмора, которые ему так необходимы в кадре. Комедия не случилась. И Р.Б. больше никогда не переступал «смешной порог», хотя он мне кажется человеком с очень своеобразным, необычайно ярким чувством юмора.

Наташа Крачковская сыграла подругу главной героини. Меня предостерегали:

— Ну это же актриса Гайдая! Она будет комиковать.

— Не будет, — отбивалась я.

В кино в ту пору даже было выражение, специально придуманное ржавой критикой, — «гайдаевщина». То есть низкий жанр, слишком простонародное кино. Это сейчас уже понятно, что Гайдаю за его комедии надо монумент ставить до небес, что фильмы его — самые смешные, что так, как он, сегодня никто не

умеет, что надо было под него институт создавать, а тогда морщились, носы воротили, швырялись обидными, злыми словами.

Наташа Крачковская сыграла мягко, на полутонах. Она сама любит эту свою роль. И отрывок из нашего фильма возит на все свои творческие встречи. Мы подружились с Наташей на этой картине. Потом она снимется у меня еще в шести с половиной картинах и станет называть себя самым крупным моим Талисманом.

Снималась сцена, когда Польских, Крачковская и Куравлев веселятся и пьют шампанское. Я решила, что для соответствующего настроения и блеска в глазах надо распить бутылочку настоящего шампанского. Принесла. Потом пришел Леня Куравлев:

— Ребята! Я принес бутылку шампанского. Так нам будет веселее!

Потом Наташа Крачковская:

— Ну что? С шампанским-то будет поправдивее!

И достала бутылку

Мы начали репетировать.

Девчонки раскраснелись, стали непринужденно импровизировать. Потом вообще забыли, зачем, собственно, собрались.

Съемку в этот день мне пришлось отменить.

Я запомнила это надолго. На всю жизнь. Запах алкоголя на съемочной площадке вызывает у меня аллергию. Хотя вне работы я вполне употребимо отношусь к разным градусам. А к некоторым — даже с глубоким почтением.

Олег

Нам осталось доснять эпизод в квартире Лизы-разлучницы.

В это время Никита Михалков закончил снимать «Пять вечеров». Для его картины в павильоне «Мосфильма» была выстроена декорация квартиры. Чтобы не мучиться с новой декорацией и сэкономить деньги, мы решили влезть в «квартиру» Никиты. Переклеили обои и завезли свою мебель. Начали снимать. Вдруг выяснилось: Никита в этой декорации должен что-то доснять-переснять.

К нам пришел Олег Александрович Агафонов, один из мосфильмовских начальников. (Не вызвал меня, а пришел сам!) Агафонов попросил меня (не приказал!):

— Пожалуйста, поскорее!

— Не могу, Олег Александрович! Первая картина!

— Хорошо. Беру ответственность на себя.

По плану картина сдавалась в первом квартале 1979 года. Студии нужна была «единица» предыдущего года. Олег Александрович — снова ко мне:

— Сдайте картину раньше.

— Не могу.

— Пообещайте… Обманите меня.

— Как?

— У вас в производстве будет «зеленая улица». Потом скажете, что не успели, не вышло. Обманите меня.

— Вас я обманывать не могу. И не буду.

Олег Александрович. Высокий. Умный. Талантливый. Обаятельный. Профессионал.

Я его очень любила. Его очень любили все.

Каждый человек, который когда-либо сталкивался с Олегом, был уверен: так хорошо Агафонов относится только к нему. Даже те, к кому на самом деле он относился скептически.

Умер он неожиданно и нелепо. Перенес успешно тяжелейшую операцию. Поехал на дачу — не умел сидеть без дела — и стал что-то строгать. Оторвался тромб — и все.

Мой друг — высокий человек.
Все соразмерил в одиночку.
Собрал глаза под сенью век.
И укатил… Поставив точку.

По мокрым улицам Москвы
Брожу я в поисках ответа.
Увы… Лишь стынет в лужах лето.
Лишь многоточие листвы…

Плакала вся студия. Ему было сорок четыре года.

Похоронили его на далеком Лианозовском кладбище. Рядом с женой, которая тоже совсем молодой умерла от рака, оставив Олегу двоих сыновей. Никита Михалков на могиле Олега поклялся помогать им.

С тех пор прошло вот уже почти двадцать лет… Наверно, все так и случилось…

Сизов, дама, «валет»

Однажды, когда я уже закончила картину, успешно сдала ее во всех инстанциях и шла по родной студии, «помахивая крыльями», увидела в курилке монтажного цеха своего учителя — Георгия Николаевича Данелия. Он сидел сжавшись, нервный и измученный… Спрашиваю: «Неужели вы, сняв уже столько картин, не уверены в успехе и нервничаете?» Он отвечает: «Как в первый раз». Георгий Николаевич заканчивал гениальную картину «Осенний марафон»!..

Итак, наступило время сдачи «Суеты». А я была дебютантом. По такому случаю вообще собиралась толпа народа. Брагинский очень волновался. Предупредил меня:

— С Сизовым не спорить. Все, что он скажет, надо выслушать и записать. А потом мы с вами спокойно обсудим.

— Хорошо, Эмик, не буду спорить. Буду конспектировать.

Началось обсуждение. Все выступают, высказываются. Говорят хорошие слова. Наконец встает Сизов. Сначала одобрил в целом. Потом пошли замечания. Штук пятнадцать.

Особенно почему-то придирался к тому эпизоду, где Польских и Мкртчян укладываются спать «валетом».

— Насмотрелись западных фильмов — понятно каких! «Валетом», понимаешь!

(Я к тому времени ни одного специально «такого» фильма вообще не видела. А вот начальство-то наше как раз насмотрелось, понимаешь…)

Потом Сизов совершенно неожиданно дал слово мне. Я смотрю на Эмиля. Он — сама непроницаемость. Тогда я набираю побольше воздуха — и вперед:

— Эмиль Вениаминович запретил мне как режиссеру фильма спорить с вами. Я не могу его ослушаться — он мой Первоисточник. Но я все равно буду спорить с вами… как женщина… Почему вы считаете… — и дальше пошла (от зажима) в наступление…

Как ни странно, многое удалось отстоять. Но от пяти-шести своих замечаний Сизов не отступал ни на пядь.

Поправки я сделала. Картину успешно сдала в Госкино. Но меня эти поправки изъели-источили. Решила еще побороться.

Я знала, что Николай Трофимович приходит в свой мосфильмовский кабинет по субботам. Чтобы спокойно поработать в тишине.

Прихожу в субботу. Топчусь в его приемной. Выходит Сизов:

— Чего надо?

— Вот сдала картину в Госкино.

— Поздравляю! — и поворачивается, чтобы уйти.

— Николай Трофимович! Давайте вернем вырезанные

эпизоды! Лучше было!

— Да ты что? Уже в Госкино приняли. Нельзя!

— Они не заметят, честное слово. Я тихо верну. По-пластунски.

Сизов рассмеялся такой моей наглости.

— Ну давай, ладно…

За «Суету сует» я получила много красивой «посуды». Два огромных бокала красного хрусталя — приз за режиссуру на фестивале «Молодость “Мосфильма”». И еще высокий металлический кубок без специального назначения — приз от прокатчиков (фильм шел очень успешно).

Кстати, успех фильма очень воодушевил Брагинского. Для Эмиля Вениаминовича было очень важно, что он сделал хорошую картину с начинающим режиссером.

Немножко отдохнем

Застойные времена. Застольные времена.

Были дни «Мосфильма» в Ереване. Мы полетели по личному приглашению Демирчяна, первого секретаря ЦК Армении. Во главе нашей делегации — лично Николай Трофимович Сизов.

В холодильнике моего ереванского номера — вино и фрукты. В ванной можно танцевать вальс.

Возят нас на «Чайке». На переднем сиденье — Сизов. А сзади Жанна Прохоренко, Жанна Болотова и я. Иногда к нам присоединялся режиссер М.

Водитель «Чайки» так гордился своей машиной и своими пассажирами, что ездил вопреки всяким правилам. Если же гаишник пытался его урезонить, наш «рулевой» делал такое нецензурное лицо и показывал такой выразительный жест, что «наглец» краснел и терялся.

Николай Трофимович Сизов когда-то был крупным милицейским чином. Одним из тех, кто подписывал протокол о расстреле Берии. Сизов был свидетелем его казни. Рассказывал, как Берия плакал, как наделал от страха в штаны, как не хотел расставаться с жизнью — он, человек, для которого чужая жизнь никогда не представляла никакой ценности… Николай Трофимович знал также много интересных милицейских историй. И иногда делился с нами… Рассказчик он был своеобразный: ни лишних слов, ни лишних эмоций. Но от этого все его истории выглядели абсолютно достоверными, настоящими, правдивыми. Думаю, так оно и было.

Он вообще был настоящий — этот Сизов. Настоящий мужик, который умел держать свое слово.

Как-то я услышала: режиссер М. рассказывает Сизову, что Елена Соловей собирается эмигрировать. Это был 1979 год, и такие «сообщения» были уничтожительно опасны. Артиста переставали снимать, начинали травить, пинать, терзать…

Но, к чести Сизова, рассказа М. он «не заметил».

Нас привезли как-то на армянскую атомную электростанцию. (Тогда актеров вообще возили по всем «достижениям народного хозяйства».) После экскурсии — застолье. Почему-то зашел полупьяный спор, чей начальник лучше. Атомщики говорили, что их. Я утверждала, что наш. (Кстати, Сизова с нами не было.) И тут кто-то из «противников» предложил:

— А если выпьешь стакан водки, значит, ваш лучше!

Предложение было коварным: непьющая женщина и стакан водки трудносовместимы. Но пришлось расправить плечи и залпом осушить стакан. Армяне ахнули… но с большим уважением. Я непринужденно продолжала беседовать.

Так я честно продержалась до гостиницы.

Думаю, меня вдохновлял пример моего учителя — Георгия Николаевича Данелия. Эту байку рассказывают во ВГИКе. Правда, из уст самого Георгия Николаевича я ее ни разу не слышала.

Когда-то давно Данелия вместе со своим учителем Михаилом Ильичом Роммом был в Италии.

Их пригласили на банкет. Один дерзкий итальянец вызвался перепить советского человека. Данелия принял вызов.

Итальянец конечно же свалился раньше, а Данелия еще долго поддерживал все новые и новые тосты за советско-итальянскую дружбу. За Феллини и «Мосфильмини».

Потом они с Роммом сели в машину и поехали в гостиницу. В машине Данелия первым делом спросил:

— Здесь еще посторонние люди есть?

— Есть, — ответил Михаил Ильич.

Вошли в гостиницу.

— Люди есть?

— Есть.

Сели в лифт.

— Люди?

— Да.

Открыли дверь в номер.

— ?

— Нет, пусто.

Данелия отключился.

А я на следующий день после знаменитой «атомной» попойки получила головную боль и голубенький ситец (в те времена принято было дарить приезжим гостям подарки местной промышленности. Мы все получили по ситцу. Мне достался розовый. Николай Трофимович отдал мне еще свой — голубой: «для твоей дочки»).

Каждое наше утро в Армении начиналось с гостеприимной фразы:

— Немножко отдохнем?

Это означало пышное застолье. «Отдых» получался бесперебойным.

Повезли нас в Ленинакан. В горах перед машиной из-под колес выросли мрачные фигуры. Мы насторожились. Водитель обернулся:

— Немножко отдохнем?

Прямо в скале были выбиты ступеньки. Мы поднялись по ним. Нас уже ждали зажаренный барашек и коньяки. Руки после жирного барашка мы мыли водкой.

Приехали в Ленинакан.

— Немножко отдохнем?

Перед нами стояли столы, утопающие в жирной, мягкой земле: так много на них громоздилось еды. Мы сели и тоже стали погружаться в землю. Когда пришло мне время идти выступать, я попыталась встать. Каблук не пускал. Дернула ногой — каблук остался в земле. Кто-то тут же схватил туфлю и побежал ее чинить. Мне немедленно принесли другие.

Потом нас повезли к пограничникам.

— Немножко отдохнем?

Не знаю, кто в тот момент охранял государственную границу.

Важнейшее из искусств

В том же году, одолжив у Ани Варпаховской пару красивых платьев, я поехала в Ашхабад на Всесоюзный фестиваль. Вне конкурса. И вне конкуренции.

Как-то в компании киногенералов и народных артистов меня повезли на Бахардинское озеро… Это подземный водоем под Ашхабадом — с целебными испарениями. Я еще никогда в жизни не плавала в такой высокопоставленной компании среди такого количества «целебных испарений». Я просто захлебывалась от

уважения к самой себе. Чуть и вправду не захлебнулась.

Потом было застолье. Борис Павленок, заместитель киноминистра, гроза творцов, расслабленный и веселый, очень лихо и артистично рассказал такую кинобайку.

Какой-то среднеазиатский райкомовский начальник жил в квартире, окна которой выходили на кинотеатр. Летом, когда окна были открыты, звук кино мешал начальнику спать. Он приказал показывать фильмы без звука.

Люди стали жаловаться. Начальника вызвали в ЦК республики;

— Как вам не стыдно? Вы лишаете людей нормального кино. А вы знаете, что говорил Ленин? Что из всех искусств для нас важнейшее — кино.

Тот не растерялся:

— Лэнин эта говорил, когда кино еще нэмой был.

И все же лучшее фестивальное время было среди своих — в баре. Справа от меня — известный режиссер Грамматиков, слева — известная писательница Виктория Токарева. Весело, молодо… Вдруг вижу: чуть пошатываясь, ко мне приближается с рюмкой Иван Григорьевич Качан. Главный редактор Украинского кино. Свою широкую улыбку Качан буквально выстилает мне под ноги.

— Ну шо, — говорит. — Мабуть тэпэр зи мною и чарочку нэ выпьетэ, Аллочка?

Встаю, наливаю себе рюмочку:

— Иван Григорьевич! За ваше здоровье. Если бы не вы, я бы никогда не выбралась из вашего болота.

Танцы… танцы…

В последний вечер мы самозабвенно отплясывали в пресс-баре с Володей Грамматиковым…

Потом я решила прогуляться до Ботанического сада, который радовал нас своей красотой и прохладой все жаркие фестивальные дни… Тут-то и приключилась со мной одна маленькая история…

Последняя фестивальная ночь опустилась на уставшие плечи Ашхабада мягким и нежным туркменским платком.

Пели лягушки. Снисходительно мерцали далекие звезды. Луна прощалась с буйством десятидневного праздника доброй и всепрощающей улыбкой актрисы Майи Аймедовой.

Я шла темной аллеей. Шла прощаться с густой тишиной Ботанического сада, подарившего мне безумную сладость южных ароматов.

«Ах», — думала я. «Хо-ро-шо», — вторили мне понятливые

лягушки.

«Ох», — думала я. «Кра-си-во», — подтягивали они.

Мой внутренний голос выводил чистый звук, не отягощенный мыслями и мимолетными впечатлениями.

Их слаженный хор вторил мне стройно, не отвлекаясь на мимолетных комаров.

Гармония была полной, и, казалось, ничто не может ее нарушить.

…Они возникли внезапно, врасплох, вкрутую — из темноты — три телосложения. Абсолютно мужского пола.

Хор смолк. Внутренний голос зашептал что-то сбивчивое и невразумительное. Одно телосложение двинулось мне навстречу. Два других зашли в неглубокий тыл.

— Ну так когда мы увидимся? — цепкая рука легла на мое еще недавно такое счастливое плечо.

— Зачем? — попыталась я освободиться. Безрезультатно.

— Я хочу.

Я поняла, что имею успех. Но пользоваться этим успехом почему-то не хотелось.

— Завтра, — сказала я, чтоб не унизить человека молчанием.

— Когда?

— В семь часов вечера, — мой внутренний голос, с трудом приходя в себя, сконфуженно чихнул и извлек из архива биографии вполне правдоподобные цифры.

— Где?

— Возле гостиницы «Турист», — я махнула оставшейся рукой в сторону нашего комфортабельного приюта и… замелькали перед глазами лица веселящихся друзей, уютная дымность пресс-бара, полусладкое, «Бони М», подземное озеро с теплой водой, горячие рукопожатия, цементный завод, пограничники… Где вы? Где все? Как далеко и неправдоподобно…

— Давай кольцо в залог!

— Не дам! — Я уже успела попрощаться со всем, что было сердцу так дорого, и стала жить в настойчиво предлагаемых обстоятельствах. Кольца было жалко.

— Не дам, и все.

— Не дашь — значит, обманешь. Не придешь.

— Обману, — честно призналась я. — У меня самолет через два часа. Рано-рано утром.

— А ты что, не местная?

— Я из Москвы.

— А здесь что делаешь?

— На кинофестиваль приехала. — Длинное слово

«кинофестиваль» прозвучало так одиноко и жалобно, что на глаз напросилась слеза. И она бы выползла, если бы не «ой».

— Ой, — сказало телосложение дрогнувшим голосом и с испугом сбросило руку с моего плеча.

Я хотела было испугаться еще больше, но обрушившийся на меня поток слов опередил мое желание.

— Ой, простите, я не знал, что вы… я не хотел… Я так люблю кино. Для меня же… это… как это… из всех этих… искусств… Если бы вы сразу сказали, что на фестиваль… Как вам наш Ашхабад… Ну да, сейчас, конечно, плохо… Я виноват… Извините… я думал… А теперь как же быть…

— Ну ничего, успокойся, возьми себя в руки и проводи меня до гостиницы. Я боюсь идти одна.

Весь путь до гостиницы он держался на шаг сзади, нервно похрустывал пальцами и сбивчиво ронял под ноги шуршащие междометия…

Темнота оборвалась призывным светом «Туриста».

— Дальше не пойду. Очень стыдно. Извините.

И он исчез.

Хор лягушек грянул голосами «Бони М». Стреляло полусладкое. Сквозь дым просачивались лица друзей. Восточная луна ласкала улыбкой Майи Аймедовой.

Письма

После фильма я получила много писем.

Одно из них считаю главным. Мне написала Ольга Савельевна Воробьева из Юрмалы (сохраняю ее правописание):

«…Я видела на экране себя и своего мужа, и смеялась, хотя далеко не до смеха! У нас же двое дочек и маленьких и папа пока не прозрел, а жить надо, воспитывать надо детей! А скольким вы поможете трезво посмотреть на такие вопросы жизни!..»

Как говорит герой Олега Табакова — бармен Мак-Кью в нашей картине «Человек с бульвара Капуцинов» — ради ЭТОГО стоит жить! После ТАКОГО многое хочется сделать!

БУДЬТЕ МОИМ МУЖЕМ

Названием фильма я пользовалась в свое удовольствие. Эту фразу я обыгрывала и в личных беседах, и в официальных письмах. Например, генеральному директору «Мосфильма» Сизову: «Уважаемый Николай Трофимович! БУДЬТЕ МОИМ МУЖЕМ. Под таким названием в настоящее время готовится к производству моя новая комедия…» Дальше шла просьба.

Ну разве можно было мне отказать?!

Тем более что к этому времени у меня уже распался очередной романтический союз.

А я глаголу изменила…
Взамен ЛЮБЛЮ теперь ЛЮБИЛА,
Взамен МОЛЮСЬ теперь МОЛИЛАСЬ,
Взамен ДОБЬЮСЬ — всего ДОБИЛАСЬ…

И вот живет в пределах нормы
Во мне глагол безличной формы:
Мечталось, думалось, ждалось…
Не состоялось… УМЕРЛОСЬ…

Выбор

Когда встал вопрос о выборе «мужа», я воспользовалась советом моего любимого редактора Любы Гориной (жены Григория Горина) и бесстрашно направилась к Андрею Александровичу Миронову «просить его руки».

Знакомы мы не были. В первый раз увидела его в Харькове на съемках фильма «Умеете ли вы жить?», где работала ассистентом.

Там Андрей Миронов и Марк Захаров снялись в массовке! Это отдельный сюжет!

Андрей и Марк провожали своего друга Шуру Ширвиндта на съемки в город Харьков. Шура, несмотря на молодые лета, уже тогда практически ничему не удивлялся. Конечно, провожанию предшествовало легкое застолье.

Когда поезд отошел, жена Марка Нина пошутила:

— А слабо вам встретить его на вокзале в Харькове, чтоб увидеть удивленные Шурины глаза?..

Андрей и Марк, не долго думая, взяли билеты на самолет и улетели в Харьков. Они встретили Ширвиндта на перроне и

поняли, что ради этого стоило лететь.

А режиссер фильма «Умеете ли вы жить?» Саша Муратов, воспользовавшись приездом таких знаменитостей, уговорил их оставить автограф в картине — сняться в крошечных эпизодиках (заодно появилась законная возможность оплатить им проезд).

Там я и увидела Андрея.

Во второй раз мы встретились в буфете «Мосфильма». Миронов, в форме офицера Белой армии, сверкая погонами, стоял в очереди за сосисками. Мундир сидел на нем как-то особенно благородно. Ни очередь, ни сосиски не могли испортить этого впечатления.

Теперь мне предстояло с ним познакомиться воочию. Когда я предложила Андрею «быть моим мужем», он, надо сказать, не выразил особого восторга. Но и не отказался. Так что надежда на взаимность оставалась. Свой полуотказ-полусогласие он сформулировал так: «Я понимаю, что годы уходят. А предложения «руки и сердца» — то есть сыграть лирического героя — поступают все-таки не каждый день, так что… надо подумать…» И добавил: «Вот если бы разнообразить сценарий событиями, если бы дополнить музыкальными номерами, если бы более полно использовать южные фактуры, если бы переделать финал и перекроить начало… и…»

Целых полгода, с ноября по май, я честно хранила верность своему избраннику. А автор сценария, мой сокурсник и друг Эдик Акопов, кроил сюжет под Андрея с прилежанием отличника.

И наконец Андрей дал свое согласие, пошутив при этом: «Просто вы умели ждать, как никто другой».

Позже, когда Андрей получит солидный гонорар за наш «полюбовный союз», он посмотрит на меня округлившимися глазами: «Таких денег я ни на одной картине не зарабатывал». И тут же добавит: «Таких денег мне ни одна женщина никогда не платила»…

Но Андрей Александрович был очень занят: он оставался ведущим артистом Театра Сатиры и нам пришлось под него подстраиваться. Это несколько оттянуло начало съемок. Дождавшись гастролей театра в Сочи, наша группа поехала следом.

Наставник

Работали мы весело, увлеченно. Андрей Александрович мгновенно влюбил в себя всю съемочную группу и стал центром ее жизни. Как он выкладывался в любом, самом малом эпизоде!

Он стал для меня не просто другом, он стал наставником, советчиком… Я училась у него. Самоиронии. Свободе импровизации. Обязательности. Он учил мягко, ненавязчиво, весело.

Была у меня привычка показывать двумя пальцами, указательным и средним, направление съемки:

— Будем снимать в эту сторону (пальцы вперед). Потом в эту (пальцы влево). Потом повернем камеру сюда (пальцы к себе).

Сама же этого не замечала.

Снимали эпизод, в котором герой Миронова на пляже спрашивал у кого-то, где его место.

— Мотор!

Андрей Александрович идет. Навстречу ему человек из массовки.

— Понимаете, — говорит Миронов. — Я лежал (и «моими» пальцами — вниз). Рядом лежала женщина (пальцы в сторону). Я встал (пальцы вверх)…

Группа упала от хохота, а я — прозрела.

Однажды мы с дочкой Кирой, которая тогда только что приехала из Киева, шли по «Мосфильму». Навстречу — Миронов:

— Знаете, Алла Ильинична, звонил сегодня вам домой. Спрашиваю у дочери: «Где мама?» А она отвечает: «Шо? Мама? Та мама на роботе. А шо такое?»

Кире было уже лет четырнадцать. Она покраснела, распереживалась. И с тех пор стала следить за своей речью. Причем настолько, что свободно заговорила по-английски и по-французски. Не говоря уже о том, что толстые глянцевые журналы с большим удовольствием печатают ее рассказы на русском…

На курорте хорошо отдыхать. А вот работать!.. Море. Солнце. Пляж. По пляжу идет Андрей Миронов, любимец всей страны. Конечно, поклонники, а особенно поклонницы, облепляют съемочную площадку. Кричу: «Посторонние, отойдите от камеры! Уберите женщин от камеры!»

Андрей — в мою сторону: «Всех не перевешаете!»

Один из дней был довольно холодным. Андрей все равно вынужден был войти в воду и делать вид, что ему жарко. Я болела и сидела на берегу в куртке и шапке. Андрей плавал около берега и кричал весело:

— Наденьте на постановщика дубленку!

Особенно сложно работать на пляже…

За гулом моря не слышно, что говорят артисты, за головами

любопытствующих не видно самих актеров. А в кадре Андрей Миронов и Владимир Басов! И мне очень хочется понять, про что там они играют… Тогда я пошла на режиссерский подвиг: сняла с себя все до купальника и улеглась рядом с ними. Заодно пришлось и сняться — правда, в кадре только мои ноги. Остальное я как требовательный художник выкинула при монтаже.

Был такой администратор Сергей Сергеевич Каграманов. Невысокого роста, горбатенький. Миронов очень смешно изображал его. Он набрасывал на голову пиджак, скрючивался. Подходил ко мне:

— Я Каграманов. Спросите у меня, где Беленький.

— Где Беленький?

— А х… его знает! А теперь спросите, где Жаворонкова?

— Где Жаворонкова?

— А х… ее знает! А теперь спросите: где взять водки?

— Где взять водки?

— Я знаю!

И Миронов — Каграманов, крутанувшись вокруг горба, мгновенно исчезал за бутылкой.

Однажды среди ночи меня разбудил звонок Ларисы Голубкиной:

— Алла, я звоню Андрею, а его в номере нет. Куда подевался мой муж?

Спросонья (а засыпала я тяжело, мучительно… Потом проваливалась, и выдернуть меня из сна было еще тяжелей) я ответила:

— Андрей? А он, наверно, на съемке…

То есть как бы режиссер спит, а съемка идет…

Встревоженная Лариса прилетела к нам на следующий день.

На самом деле Андрей вместе с оператором Гришей Беленьким всю ночь просидел в баре. Ради Миронова обслуга оставалась там до утра.

Без кожи

Поскольку вся картина вертелась вокруг Андрея Миронова, я предложила ему самому выбрать партнершу. Показала Андрею пробы разных актрис. Он выбрал Лену Проклову.

Забегая вперед, скажу, что между этими двумя актерами возникло на съемках некое чувственное притяжение, доверие,

интерес, даже, можно сказать, атмосфера «теоретического секса»… Так что зрители, я думаю, ощущали всю достоверность любви героев.

Меня предостерегали: с Прокловой тяжело работать. Характер!

…Я этого не заметила. У меня с этой актрисой проблем не было. Мы хорошо работали и потом, после картины, довольно долго тесно общались, почти дружили.

Талантливая рукодельница, чрезвычайно одаренный человек, Лена была невероятно чувствительна и чувственна.

— Она без кожи, — сказал как-то о Лене один из ее поклонников.

Я сама была свидетелем, как у Лены на нервной почве температура мгновенно подскакивала чуть ли не до сорока и тело покрывалось какой-то сыпью. Но стоило ей успокоиться — все так же быстро приходило в норму.

На съемки Лена приехала не одна; своего спутника представила: «Костя. Мой муж. Врач-экстрасенс».

В разгар съемок Костя вдруг поехал на заработки и исчез. Лена горевала. Я горевала рядом. Мы думали, с ним что-то случилось. Что-то непоправимое. И я даже отпустила Лену на несколько дней на поиски. Но оказалось, он жив-здоров. Из Пятигорска пришла от него телеграмма: «Умыкнул Лену на пару дней».

Нам ничего не оставалось, как ждать, когда вернут «похищенное».

Дурные примеры, как известно, заразительны. И вот еще одна актриса собралась отдохнуть с дочерью, бросив нам на прощание: «Проклову ждали — и меня подождете». Вся группа принялась отговаривать ее от этого необдуманного шага: ассистенты, администрация, хозяин дачи — она была, как говорит героиня Ани Варпаховской в нашей же картине, НЕПОКОБЕЛИМА. И тогда в дело вступил оператор. Гриша что-то пошептал актрисе на ухо — и вернулся с ней на съемочную площадку. Потом он открыл мне свою «шепотливую» тайну. Но я, к сожалению, не могу процитировать ее в книге.

Так я открыла для себя нестандартный способ воздействия на актрис: когда все человеческие слова исчерпаны, вложи в уста оператора нужную тебе идею, и вперед! Только пользоваться этим приемом часто нельзя. Один-два раза за картину. Иначе может произойти нечто необратимое.

…Что же касается Лены, то она вскоре оставила своего «похитителя». А в нее смертельно влюбился Саша А., художник,

отец мальчика Филиппа, игравшего в нашей картине роль ее сына… Саша заехал на пару дней в экспедицию и… оставил из-за Лены свою жену-француженку с двумя детьми. Они прожили вместе года два… Мне кажется, что Саша так и не оправился от этой Любви. Он вернулся потом в семью. Но ненадолго… Он умер — может быть, от Любви.

«Я ненавижу кино»

Большую часть эпизодов, связанных с прозябанием героев на частной даче, мы снимали под Сочи, в красивом местечке под названием Лоо.

В саду у хозяина дачи росли прекрасные груши и инжир. Только дозреть они не успевали — съемочная группа им этого не позволяла. Хозяин, милый добродушный человек, шутил:

— Я понимаю теперь, почему люди, работающие в кино, называются «съемочной» группой. Они же весь урожай снимают! Притом всей группой!

«Под занавес» хозяин дачи устроил нам прощальный банкет. Водрузил на стол огромную бутыль молодого виноградного вина собственного производства. Лена Проклова подняла бокал.

— Я ненавижу кино, — сказала она серьезно. И, оглядев наши ошарашенные лица, повторила упрямо: — Да, ненавижу!

Потом выдержала довольно длинную паузу и добавила грустно:

— Кино соединяет людей на короткое время. Люди становятся друг для друга родней родных. Но только на фильм… На один фильм. А потом расстаются навсегда. Бежишь потом по студии, мелькнет знакомое лицо, крикнешь впопыхах: как дела? Но ответа уже не слышишь, да и не ждешь — ведь ты бежишь в другую Киножизнь…

Все взгрустнули — понимали справедливость слов актрисы…

Да… это правда… Редкая дружба долетит до середины… следующего фильма.

И все же, все же…

Каждый Новый год мне звонят Армен Борисович Джигарханян, Оля Кабо, Николай Петрович Караченцов, Софико Чиаурели, Аня Варпаховская (издалека, из Канады), Ирочка Селезнева (раньше из Израиля, теперь из Англии), Алла Клюка (из США)… Тепла их голосов мне хватает до года следующего.

Алла минус Алла

Вторая картина — это все еще начинающий режиссер. К нему пока нет полного доверия: как знать, быть может, первая работа была лишь случайной удачей. Поэтому считают, что режиссера надо «подпереть» опытным, маститым директором.

Так меня «подперли» Аллой Ж.

«Две Аллы на одной картине — это хорошая примета, — сказал мне Сизов. — Я уверен, что вы подружитесь».

Но он ошибся: двум Аллам места было мало.

Наша нестыковка обнаружилась с первых же шагов. Любое мое предложение наталкивалось на сопротивление директора: «А вот этого как раз не будет! А на это я денег не дам!!»

Скажем, снимается эпизод: лодка, а над ней вертолет. Чтобы совместить их в кадре, нужны рации. Но, увы, раций нет — экономия! Я кричу вертолету в мегафон — он, конечно, не слышит и уходит налево. Лодка не слышит — и уходит направо. Две копейки сэкономлены… Но эпизод из картины вылетает — не получилось…

В результате картина была снята с небольшой экономией в деньгах и с большими нервными затратами.

Когда директор картины сердилась, она не выбирала выражений. От ее размашистого хамства люди отлетали безвозвратно. Она выжила с картины моего ассистента по реквизиту, помощника звукооператора, актера Ронинсона…

Я пыталась протестовать. Но силы были неравными. На нервной почве у меня даже открылись разные болезни: то бессонница замучит, то фурункулез… (Выручала Лена Проклова: поила чудесным чаем из целебных трав.) Когда вся группа отправлялась обедать, я уезжала в поликлинику, где мне чего-нибудь взрезали или вскрывали, и я снова возвращалась на съемочную площадку Но однажды, когда у меня так заплыл глаз, что я почти ничего не видела, я сообщила Алле, что вынуждена отменить съемку.

— Ничего! — ответила Алла. — Незаменимых режиссеров нет. Шепитько заменили, и вас заменят. (Режиссер Лариса Шепитько незадолго до этого погибла в автомобильной катастрофе.)

Пощады Ж. не давала никому, даже собственному мужу. Его все хорошо знали: он работал на «Мосфильме». Милый, деликатный человек.

Однажды Алла собралась из экспедиции на пару дней в Москву, сославшись на ремонт в квартире.

— Но там же ваш муж, — резонно заметила я.

— Да разве этот советский п… может что-нибудь сам сделать?!

Потом я не раз встречала на студии ее мужа и, здороваясь, никак не могла отделаться от мысли, что он Тот самый, советский…

И, тем не менее, справедливости ради надо сказать, что иногда Алла совершала директорские подвиги, проявляла чуткость и тонкость, чем повергала окружающих ее людей в полную депрессию. С хамством все ясно — надо ощетиниваться. Но что делать, когда тот же человек проявляет чуткость, мягкость, понимание? Жди какой-нибудь провокации — не иначе…

Финальные кадры картины мы должны были снимать уже зимой; снег выпал рано; пока он не растаял, надо было срочно организовать съемку.

Представляя, какой шквал брани посыплется на мою бедную голову, я решила эту брань записать на диктофон. Некогда было выслушивать — надо было срочно бороться.

Но не успела я и рта раскрыть, как Ж. пропела безмятежно: «Алла Ильинична, не волнуйтесь, все будет сделано».

Так я и ушла со своим дурацким диктофоном.

…Да, не царское это дело — записывать «матовую симфонию»…

Забродило

Грустные истории сменялись веселыми. Веселые — грустными… А некоторые вообще смахивали на анекдоты.

Снимали сцену, когда герой Андрея вступается за героиню Лены Прокловой. Кавказские мужчины вызывают его на разборки. Но все заканчивается примирительной попойкой и красивым дружным пением. Для съемок выбрали настоящий красивый ресторан под открытым небом «Кавказский аул».

В моей памяти еще были живы воспоминания о том, как из-за шампанского была сорвана съемка на «Суете сует». Поэтому роль шампанского отвели лимонаду. В этом решении мы полностью совпали с директором картины: она экономила на настоящем шампанском, а я была уверена, что съемки не сорвутся.

Разлили лимонад по бутылкам из-под шампанского (для возможных дублей при открывании напитка) и поставили на солнце, чтобы забродил.

Людей для массовки мои ассистенты набирали из местного населения. Одного, чрезвычайно колоритного, я прямо за руку привела на площадку. Звали его Гиви. Он должен был войти в кадр, открыть бутылку с шампанским и разлить по бокалам.

Гиви вошел в кадр: открывает — стреляет — пенится!

Снимаем несколько дублей. И все время открывает — стреляет — пенится!

Смотрю и радуюсь: какой хороший лимонад, играет роль шампанского, как настоящий артист. Вот забродил!

После третьего дубля на душе стало как-то неспокойно: уж очень радостно артисты в кадре пьют этот забродивший лимонад! Решила попробовать. Оказалось, шампанское — самое что ни на есть настоящее! Я набросилась на невозмутимого Гиви:

— Это ваших рук дело? Вы вознамерились сорвать съемку?!

Он спокойно ответил:

— Алла Ильинична, вы сами пригласили на съемку меня, директора ресторана «Кавказский аул» (а я и не подозревала! — А. С.), и неужели вы могли подумать, что я, снимаясь с самим Андреем Мироновым, предложу ему в кадре вместо шампанского лимонад?!

Однако на этом провокации не кончились. В перерыве хозяева куда-то уволокли Андрея. По наводке автора, Эдика Акопова, я отыскала его в баре за щедро накрытым столом. От злости у меня пропал дар речи. На мои сбивчивые упреки Андрей улыбчиво прошептал: «Теперь я делаю наоборот: пью вместо шампанского лимонад; так что все в ажуре».

Андрей Александрович мог и любил выпить — но только чтоб поддержать компанию. Напиваться — никогда.

Однажды после съемок «Человека с бульвара Капуцинов» Андрей пригласил нас с Гришей Беленьким в ресторан Дома кино. Это было время суровой борьбы с алкоголем. В ресторанах не наливали.

Из особой симпатии к Андрею официант принес нам коньяк — в бутылке из-под «пепси». Еще задолго до того, как созрели закуски. Мы выпили — мир стал легче, веселей, доступней….

У Гриши был с собой баллончик со слезоточивым газом в виде зажигалки — вещь в те поры очень даже редкая. Тут же захотелось ее опробовать. Пшикнули разок-другой — никакого эффекта. Потом еще пару раз… Потом мы с Гришей спустились вниз на улицу — взять в машине сигареты. Вернувшись, увидели встревоженное лицо дежурной. И услышали, как она говорила по телефону: «Кого задержать? Гостей Миронова? Хорошо…»

Мы проскользнули мимо дежурной абсолютно чужими для Андрея людьми, но в ресторан подниматься не спешили. Пересидели где-то между этажами.

А в ресторане меж тем шел «шмон». Столы были передвинуты, стулья скособочены. Народ чихал, кашлял и «перхал». Андрея официант спрятал от возмездия на кухне.

Когда все улеглось и мы снова сели за стол, к нам подошел

серьезный человек в черном костюме: «Сдайте ваше слезоточивое оружие».

Гриша не растерялся, вытащил из кармана зажигалку — правда, уже настоящую — и протянул гебисту. Тот пощупал, понюхал, пощелкал, но не найдя ничего слезоточивого, недоверчиво удалился.

Мы облегченно вздохнули. Допили коньяк, и Андрей предложил отметить благополучное завершение нашей террористической вылазки у него дома.

А дома Лариса и Андрей устроили настоящий концерт. Как замечательно они пели и танцевали! Жаль, не было камеры — запечатлеть это представление. Когда же за полночь стали расходиться, обнаружилось, что дверь в подъезде не открывается. Мы с Гришей ее и били, и пинали — безрезультатно.

Пришлось подняться в квартиру за хозяином. Андрей сорвал со стены антикварную саблю и отправился сражаться с дверью.

Но едва замахнулся, дверь отворилась. Как в сказке! Оказалось, что это запоздниившийся сосед открыл ее снаружи. Каково же было его удивление, когда он увидел на пороге Андрея Миронова, размахивающего перед его носом саблей. Естественно, он стал пятиться. А мы закричали дружным хором: «Только, ради Бога, не захлопывайте дверь!»

— Не то зарэжу! — добавил Миронов.

Вот такие несерьезные истории случались иногда в нашей серьезной жизни.

За Конституцию

В этом же ресторане «Кавказский аул» был еще один забавный случай — но уже не на съемках.

К нам в экспедицию на выходные дни прилетела Лариса Голубкина, и мы основной творческой группой — человек восемь — отправились в наш любимый ресторан тихо пообедать. Это было 7 октября.

В ресторане было пусто. Только недалеко, за столом наискосок, сидели пятеро крепких мужиков. Сейчас бы они назывались «крутыми».

Едва мы сели за стол, как они, признав Андрея, тут же прислали нам ящик водки. Мы с Ларисой, чтоб не обидеть «мальчиков», ненадолго присели за их стол — как бы «от нашего стола вашему». В меру пококетничали и вернулись. Тут же вслед нам подоспел от них ящик шампанского.

Дальше наше застолье пошло по своему сценарию, и мы о них на некоторое время забыли.

Вдруг посреди веселья к нашему столу подходит один из них, не самый хилый, и негромко, но очень твердо произносит:

— Я попрошу всех мужчин встать.

Наши мужчины притихли, опасливо переглянулись и — нечего делать (никто не хотел умирать) — начали медленно подниматься…

— Я прошу выпить за нашу советскую Конституцию!

Позже мы узнали, что это была сходка «воров в законе». Она проходила в этом ресторане каждый год осенью — на День Конституции. Видимо, это была ИХ конституция.

Камни в огород

И вот фильм вышел на экраны.

Хотя ленту «Будьте моим мужем» посмотрели сорок миллионов зрителей, критики здорово потоптались на ней. Я тогда не знала, что критик не должен любить комедию (смотреть — да, а так — нет), что, вступая на стезю КОМЕДИИ, я обрекаю себя на нелюбовь критикеКсов.

Я была тогда наивна и честно читала все подряд. Это мне и помогло.

В «Правде» вышла статья критика А.З. «Очень скромные комедии», где он набросал в мой огород кучу камней, которые накопил за пазухой.

В это же время в журнале «Спутник кинозрителя» вышла хвалебная рецензия на этот же фильм. И что самое удивительное — того же автора.

Потом мы как-то встретились на отдыхе в некогда замечательной киношной Пицунде.

— Я дам тебе в следующий раз сама тридцать сребреников, — пообещала я беззлобно критику. — Только ты себя так не унижай. Ты ведь человек талантливый.

Когда критики топчут, а коллеги замалчивают, мне вспоминаются слова Оскара Уайльда: «Можно посочувствовать другу в несчастье, но нужна большая душевная тонкость, чтобы радоваться его успеху». Это о друзьях. Что же тогда говорить о знакомых?!

Кирпичом — в подарок

Кончились будни, начались праздники. Картина получила приз зрителей и прокатчиков. Мы много поездили с ней по стране. Добрались даже до Уренгоя. Дома-вагончики газодобытчиков меня сильно удручили. Но принимали нас тепло.

Тогда с нами ездил и Николай Рыбников, звезда советского кино.

На одной из встреч ему сделали подарок. Вынесли на сцену кирпич. Николай Николаевич даже опешил. Оказывается, для жителей Уренгоя кирпич — что золото. Конечно, Рыбников не отважился везти домой этот сувенир, а передарил его детскому саду.

Случается, во всяких таких поездках местные принимающие очень хотят «принять» вместе со знаменитым артистом. Как-то сидим обедаем с Николаем Николаевичем. Вдруг ему приносят записку: «Срочно позвоните в Москву». Рыбников побледнел, схватился с места, даже не одевшись, побежал звонить… Минут через десять возвращается и буквально матерится:

— У меня чуть инфаркта не случилось: я оставил дома больную жену! А этим, которые записку писали, оказывается, выпить со мной надо! Нашли способ выманить!

Каждая поездка — новые люди, новые встречи…

Горе пополам

Получала я и письма от зрителей. На многих конвертах было написано: «“Мосфильм”. Режиссеру Суриковой». И доходили. Эти отклики вознаграждали за все — за неудобство жизни вне дома, за трения с актерами, за статьи А.З.

Появились и постоянные корреспонденты.

Еще в Сочи я заприметила одного человека. Только выйдем на натуру — он тут как тут. И все норовит попасть в кадр. Познакомились. Володя работал в пункте приема стеклотары. Я про себя окрестила его «Володя Бутылочное горлышко».

Простая душа, он говорил: «Линишна, врать не буду, кино уважаю, особенно где артисты играют…»

Володя попросил номер моего телефона. Я не смогла ему отказать.

С тех пор он мне и пишет, и звонит. Поздравляет с праздниками, с днем рождения… Мне любопытны его замечания: «Вот посмотрел твое новое кино. Здорово! Только чего ж ты такую хреновую пленку купила? Краски такие, как будто ты целое лето сушила ее на солнце у нас в Сочи».

Стали писать и широкие слои населения. Тогда писали много и охотно.

Поступали предложения руки и сердца: «…Если вы еще не замужем, тогда давайте поженимся! Прошу вас приехать ко мне домой. С вокзала ходит автобус Львов — Купновичи. Каса № 5. Доедете до с. Пыпсне. Там спросите, где живет Степан. Мине все знают…»

Писали из армии. Писали из тюрем. Однажды получила занятное письмо от актера Тобольского театра драмы Владимира Пермякова: предлагал свои киносценарии. Письмо было не шибко грамотное, но самоуверенное:

«В моих комедиях которые я пишу есть все требующие для комедий качества. Это прежде всего простата и легкость а главное юмор. Поверте это не моя точька зрения, а спецыалистов…»

К письму прилагалась фотография.

Через несколько лет я узнала это лицо на экране телевизора: Владимир Пермяков стал небезызвестным Леней Голубковым из рекламы «МММ».

А вот другое — почти с таким же предложением:

«Если вам понадобятся помощники в создании комедий — пишите в Уренгой. Здесь не только богатые залежи газа, но и неисчерпаемый запас фактуры и натуры для будущих комедий. Коллектив самого молодого треста “Уренгойгазстрой”».

Как-то получила письмо с тщательно выписанной каждой буковкой и написанное в почти изысканной манере:

«Здравствуйте Алла! Приношу Вам массу извинений за нетактичность. Но я не знаю Вашего отчества и лишь только поэтому обращаюсь к Вам подобным образом». Дальше шла благодарность «за все то что своим сердцем, умом и руками вы делаете для людей…» И т. д.

Письмо пришло из тюрьмы. Человек был осужден на длительный срок. Некоторое время я даже ему отвечала. До тех пор, пока он не заговорил своим языком…

Из тюрем мне пишут часто до сих пор. И если я могу, обязательно отвечаю или высылаю лекарства, которые просят…

Но самое дорогое письмо пришло из Надыма:

«Дорогая тетя Алла. Мы всем классом 3 «а» ходили в кино «Будьте моим мужем». Нам оно очень понравилось. Наша учительница Марина Андреевна говорит что кино критики (сохранено правописание ребят. — *А.С.*) раскритиковали ваш фильм в газетах. Но вы не переживайте. Мы берем ваше горе пополам с вами. А кино критики раз много пишут за ваш фильм

значит он им тоже нравится. Только они свою радость совмещают с работой. Писать им что-то надо».

Это письмо я храню.

ШЕРШЕЛЯ…

Телевизионный фильм «Ищите женщину» обычно показывают под Новый год.

В основу этой уютной истории положена пьеса французского драматурга Робера Тома «Цыпленок и попугаиха» (цыпленком французы называют полицейского, а попугаихой — болтливую женщину), предложенная мне переводчицей Светланой Володиной. Она же стала и автором сценария. Работа обещала быть легкой, а кино — озорным, иронично-детективным…

Но, увы, легких «кин» не бывает…

Топиться — стреляться

Шел худсовет, обычный рабочий худсовет после первого просмотра сложенной вчерне картины… Я не называю конкретных людей… Они пели практически хором (все, кроме моего редактора Инги Наумовой). Я не буду сейчас обсуждать качество пения, наличие «слуха» и профессии у людей, которые вершили тогда чужие судьбы, я просто процитирую некоторые их высказывания.

…Не угадан жанр, не раскрывается определенное и единое решение водевиля (при чем здесь водевиль? — А. С.).

…Не сложился целостный актерский ансамбль.

…Представляется неточной детективная завязка сюжета… Нужно больше мрачности и загадочности.

…Обращает на себя внимание замедленность ритмов внутрикадрового действия. Скучно смотрится.

…Очевидно, что от отдельных фривольных реприз типа: «Если к вам не пристают в метро, это не означает, что метро в Париже не существует», следует отказаться.

…Костюмы очень неудачные. Шарф у Куравлева — плохой.

…Абдулов никакой. Нет точности в его поведении. Должно быть нечто яркое.

…Играют каждый по-своему. Куравлев много рявкает, чихает и кашляет.

… Менее всех попадает Чиаурели. Она не понимает, что такое водевиль (опять водевиль! — *А.С.*). Манера игры Чиаурели — главное разочарование. С Чиаурели нас постигла неудача. Комедийная роль требует комедийной актрисы… Необходимо переозвучание Чиаурели…

Особенно старалась Чиновница из стоящей Выше инстанции. Она стала клеймить наше произведение так, что, не получи я когда-то письма от ребят из Надыма, пошла бы, наверно, топиться… Нет, топиться зимой холодно — стреляться… Нет, стреляться неэстетично, да и пистолета у меня не было — травиться… Нет, травиться невкусно, горько… — просто ушла бы. Ушла бы просто из кино…

Но я дотерпела до премьеры. Сжав зубы, делала свое кино.

А после были другие слова, отличные… от тех…

«…совсем молодые москвичи Л. Дмитриева, Л. Ярмольник, Е. Укращенок составили на равных превосходный ансамбль с мэтрами кинокомедии С. Юрским, Л. Куравлевым, В. Басовым. И, конечно, назовем Софико Чиаурели в главной роли!..»

«…самая сложная и самая главная задача — сохранить единство стиля, чистоту жанра и в актерской игре, и в пластике фильма… Это удалось на протяжении всей картины…»

«…Особо следует отметить яркую, индивидуальную актерскую работу исполнительницы главной роли — С. Чиаурели…»

«…Фильм получился веселым, комедийным, остросюжетным…»

И т. д. и т. п.

Черные глаза — белое вино

Название фильму дал замдиректора «Мосфильма» Олег Александрович Агафонов — полушутя, между делом…

— Шершеля, шершеля, —
Шутилось в апреле…
Ляфам! — закатилось зимой.
Мы песню капели
С тобой не допели:
Ты был не поющий — не-мой.

Кинорешение (все снималось в одной декорации!) зависело от прекрасного оператора Миши Аграновича и замечательного художника Миши Карташова.

А Объединение телевизионных фильмов, возглавляемое Сергеем Николаевичем Колосовым, быстро и недорого собиралось

получить две серии к Новому году.

Я стала вычислять актерскую пару на главные роли.

Роль главной героини, взбалмошной, шумной, но обаятельной и трогательной, просто ложилась на Софико Чиаурели.

Художественный руководитель Объединения был не очень доволен этой кандидатурой: «Сурикова хочет снимать актрису с черными глазами».

Это было странное возражение. Я просто хотела снимать Софико. Независимо от цвета ее глаз.

Думаю, Колосов мечтал увидеть в этой роли женщину своей жизни, прекрасную актрису Людмилу Касаткину. Все свои фильмы он снимал только с нею. И во всех хороших ролях видел только ее…

Я настаивала на Софико. Тогда мне было предложено сделать доказательные пробы. Софико приехать в это время в Москву не могла — у нее был на выпуске спектакль. И мы решили ехать в Тбилиси, чтобы сделать хотя бы развернутые фотопробы. Когда в группе услышали об этом, закричали наперебой:

— И меня возьмите! Я пригожусь!

— И меня! Я не пригожусь, но все равно возьмите.

— И меня тогда уж…

На выбор одной актрисы отправилась чуть ли не вся съемочная группа.

Все были счастливы. Так как весь фильм снимался непосредственно на студии, в одном павильоне (даже кадры Парижа, которые идут в начале картины под титры, снимала другая группа) и никаких поездок по картине не предвиделось…

Как только мы приземлились в гостинице «Аджария», туг же с трехлитровой бутылью красного прекрасного вина, с бочонком гурийской капусты и бутылкой ткемали возник друг Миши Аграновича — Леван Пелпани.

У Левана — мягкая, добрая, детская улыбка. В нем открытость, искренность и человечность большой Собаки. Он завоевывает нас сразу. Он робок, тактичен, нежен. На следующее утро мы едем с Леваном в хинкальную… Спокойствие и добродушие неспешных пожилых людей на горбатой улице… Множество свободных незлобивых бродячих собак…

В этот же день или на следующий пьем чай в семье оператора Ломера Авхледиани — окунаемся в интеллигентнейшую атмосферу дома с традициями… У мамы мягкое, доброе, улыбающееся лицо спокойного человека. Девочка, дочка Ломера, скромна, учится на режиссерском. Сначала мне кажется, что для

будущего режиссера — слишком скромна, но когда она пляшет и поет, я вижу и чувствую — она талантлива… Сын с больным перевязанным ухом (а поверх повязки — наушники), грустный грузинский заяц, слушает музыку. Отец Ломера говорит по-русски без акцента — «Я кончал гимназию!»

На центральной площади навечно закрепленный портрет Брежнева. Когда меняется время года — ему на портрете меняют костюм, перекрашивают. Иногда дорисовывают ордена.

В продовольственном магазине на полке два портрета: Сталина и Бельмондо.

«Фотопробы» Софико продолжались пять дней и пять ночей в разных вариантах грузинского застолья.

У Софико тогда началась новая семейная жизнь, яркая, как самый захватывающий роман, с известным грузинским актером и популярнейшим в стране футбольным комментатором Котэ Махарадзе.

Ее я знала по прекрасным ролям в кино. Его — лишь удивительный, завораживающий, с хрипотцой голос (слушала не раз его темпераментные репортажи, — ведь еще в Киеве была страстной футбольной болельщицей). Теперь мне предстояло познакомиться с ними воочию.

Софико назначила нам первую встречу в театре. Пригласила на спектакль «Дон Сезар де Базан».

Я ждала встречи с Дамой и Футбольным комментатором. А познакомилась с очаровательной остроумной Хулиганкой и грандиозным театральным Актером. Но главное потрясение в этой паре — это их удивительное отношение друг к другу…

Таких пар на своем веку я знала очень мало. Пожалуй, еще только Гриша Горин с Любой да мои родители…

В моей картине-сериале «Идеальная пара» звучит песня на стихи Евтушенко. Там есть такие строки:

Не исчезай, дай мне свою ладонь.
На ней написан я, я в это верю.
Тем и страшна последняя любовь,
Что это не любовь, а страх потери…

Это о них…

Мы не виделись многие годы. Сейчас встретились снова в работе и снова в новогоднем фильме. Софико приехала ко мне на съемки с Котэ. В их отношениях за столько лет ничего не изменилось.

Когда картина была закончена, мы приехали на премьеру в Грузию.

И была удивительная ночь в доме у Софико. С нами за столом сидела ее мама, знаменитая Верико Анджапаридзе — легенда Грузии, которая знала «дорогу к храму» даже тогда, когда еще не было «Покаяния»…

По грузинскому обычаю, за Легенду пустили по кругу большой хрустальный рог с вином.

— Все должны выпить за здоровье Верико. Полный рог! До дна!

Никто из мужчин, сидевших за этим столом, не осмелился не выпить, хотя сама Верико сопротивлялась: она, видимо, хорошо представляла себе, что будет с гостями через некоторое время.

А случилось то, что вся мужская часть стола была подкошена начисто. Чудом уцелел лишь один Котэ.

Великой Верико было уже за восемьдесят. Тем не менее она просидела с нами до четырех утра. Рассказывала о своих встречах с Евгением Вахтанговым, с Михаилом Чеховым…

Софико и Котэ пели красивые грузинские песни…

Котэ читал стихи и галантно ухаживал за дамами, заменяя собою всех вышедших из строя…

Дом Чиаурели — это красивая романтическая история.

Когда много лет назад молодой кинорежиссер Михаил Чиаурели первый раз поцеловал свою невесту актрису Верико Анджапаридзе, он сказал:

— На этом месте я построю дом, где мы будем жить долго и счастливо. А потом в этом доме будут жить наши дети. А потом внуки… А потом…

И построил.

Сейчас Софико и Котэ живут в этом доме. Но еще они сделали в нем музей и культурный центр.

Пять дней «фотопроб» прошли незаметно — в творческих исканиях и не менее творческих дегустациях… Когда мы уезжали, вспомнили, что Софико-то мы так и не сфотографировали! Я в ужасе бросилась к Мише Аграновичу.

— Снимай!..

Миша махнул рукой:

— Темно уже. Ничего не получится. И вообще, я не умею фотографировать…

В Москве мы отыскали старый календарь «Совэкспортфильма». Пересняли с него Софико. Там она была намного моложе, но такая же бесшабашная и обворожительная… И хотя обман мог легко раскрыться — Сергей Николаевич не стал

меня разоблачать… Он всегда уважал чужую убежденность и утвердил мне актрису по представленным «фотопробам».

Ищите мужчину

На роль инспектора Грандена по прозвищу Медный лоб, вторую главную роль, я пригласила Михаила Ульянова. Михаил Александрович всей своей мощной внушительной фактурой навалился на роль. Она ему нравилась.

Мы сделали пробы. Удачные.

Но в это же время запустился Никита Михалков с картиной «Без свидетелей». И пригласил Ульянова на главную роль. Из кадра в кадр. Изо дня в день. Сроки совпадали абсолютно.

Михаил Александрович передал мне записку: «Алле Суриковой от скорбящего Грандена». Ульянов отказывался от роли: на две картины он не мог разорваться.

Пробовался еще Армен Борисович Джигарханян. Потом скажет про Армена Леня Куравлев:

— У него слишком умные глаза, и он на второй минуте узнал бы, кто убийца. А Суриковой нужно было снять две серии. Поэтому она выбрала меня.

На самом деле это произошло не сразу. И, конечно, не поэтому…

Поиски инспектора затягивались. Оператор Миша Агранович как-то предложил:

— Попробуй Леню Куравлева.

(Агранович в то время был женат на Лидии Николаевне Федосеевой-Шукшиной, а Лидия Николаевна еще при жизни Василия Макаровича Шукшина очень дружила с Леней и его семьей.)

Мне нравился Куравлев. И у нас за плечами уже была «Суета сует». Но Леня казался мне слишком мягким и добрым для сурового Грандена.

Я задумалась. Но ненадолго.

Когда мы наклеили Лене «моржовые» усы и замотали шею шарфом, он стал трогательным, грубоватым и смешным. И я поняла — это ОН.

Недавно у Лени Куравлева был юбилей.

Наши газеты любят заполнять свои полосы разного рода восклицаниями по этим случаям. Позвонили мне. Я сидела, придумывала, перепридумывала, старалась. Получилось примерно так:

Две с половиной картины — это как две с половиной жизни, два с половиной романа, две с половиной любви… Ты и похож и не похож на своих героев… Похож искренностью, порядочностью, верностью себе. Не похож — ты в жизни намного тоньше, глубже, интеллигентней.

Я люблю тебя и за то, что похож, и за то, что совсем другой. Я люблю тебя также за твою жену Нину и за твоих детей Катю и Васю. Спасибо тебе еще за те дали, которые, даст Бог, нам удастся увидеть вместе…

Потом попросили рассказать еще про какие-нибудь смешные обстоятельства нашей совместной работы… Вот тут я расслабилась… Не почувствовала подвоха… Рассказала про шампанское на «Суете сует», еще про какие-то мелочи…

В результате все, что я придумала, все нормальные слова — выбросили… Осталось одно «шампанское»… Хорошо, что у меня сохранился черновик. Звоню Лене, извиняюсь… и понимаю, что делаю это очень вовремя… Он уже собрался на меня обидеться.

Кто-то из сомневающихся на худсовете, где утверждали актеров, вопрошал неодобрительно: «Чиаурели? Куравлев? — что у них общего?! Разные национальности, разные школы…»

А оказалось, что у них очень даже общее прошлое и очень даже общая школа — ВГИК. Они учились у одного мастера на одном курсе. Софико и Леня обрадовались этой встрече: «А помнишь, как ты на втором курсе?.. А помнишь, как ты на экзамене?..» Им было что вспомнить…

История их давней симпатии преломлялась в картине совершенно по-новому… И это «работало» на фильм. Потому что одно дело, когда актеры изображают давние теплые чувства, с трудом вспоминая, как друг друга зовут, и совсем иное, когда они и вправду друзья, которые когда-то в туманной юности были хоть чуть-чуть неравнодушны друг к другу…

Мой сочинский поклонник Володя Бутылочное горлышко как-то позвонил мне ранним утром первого января:

— Линишна, с Новым годом!

— А?! Кто это? Да… Спасибо…

— Линишна, а мне тут сказали, что Куравлев с этой… Алисой (так звали героиню Софико) поженились после фильма. Правда, что ль?

— Нет.

— Жалко. Я б женился… А она замужем?.. Ну ладно, с Женским днем вас! То есть годом…

Пальма первенства

У меня была замечательная группа. Начиная от бригадира осветителей Жени Шелестова и заканчивая художником по костюмам Ганной Ганевской: ни одного случайного человека, ни одного, кто бы просто отбывал на съемочной площадке. Наверно, потому и картина сложилась…

Миша Карташов, замечательный художник, боролся до хрипоты за каждый гвоздь, за каждую раскладку. Офис парижской нотариальной конторы. Стиль модерн. С Мишей пытались вступить в схватку за экономию:

— Вы что, бывали во Франции? В нотариальных конторах?!

Тут вступал Агранович:

— Пушкин тоже в Мадриде не был. А «Дон Жуана» написал.

Для идеальной декорации Карташову не хватало только пальмы.

За день до съемки он подбежал ко мне, красный, расстроенный, взнервленный:

— Вы только посмотрите, какую пальму они привезли! Это же не пальма, а чахоточный веник!

Пальма и вправду была изможденной и тощей. Ее было жалко. А главное, было жалко Мишу.

Я взяла машину и рванула в магазин цветов на Арбате. Там больших пальм не было. Но мне дали адрес женщины, которая их продавала. Помчалась к ней, из двух пальм выбрала лучшую, заплатила свои деньги — и к тому моменту, как Миша пришел в очередной раз в декорацию, чтоб сказать все, что он думает об обеспечении съемок и уйти с картины, красавица-пальма уже стояла на месте…

А сколько сил, энергии и хитрости применили мы, чтоб выудить у имеющихся в Москве французских фирм разный канцелярско-офисный инвентарь — от папок до телефона, от бюста Наполеона до вина «Божоле». Ведь тогда в магазинах всего этого не было! А если бы и было, то денег на все эти покупки все равно бы не оказалось… Надо было «укладываться в смету».

Мой плановый многострадальный отдел —
Отдел и тревог, и открытий!
Простите, что вас отрываю от дел —
Вы в смету меня УЛОЖИТЕ!

Урежьте натуру, убавьте пейзаж
И выбросьте массу событий —
Таежную чащу и солнечный пляж —
Но в смету меня УЛОЖИТЕ!

Не надо мне ИНФРА, долой КМБ,
А НДП пусть на заборе
Напишут товарищи! В сложной борьбе
Я пала, со сметою споря.

Я в смету УЛОЖЕНА — буду лежать.
Ни вздоха, ни крика, ни стона…
А внутренний голос мой будет снимать
Кино — по суровым законам
(телевизионных нормативов)…

Картину мы сняли за полтора месяца. Это была невиданная скорость. Тогда никуда не торопились. Аккуратно выполняли план. Перевыполнять его было зачастую не очень разумно.

Фильм не подвергся озвучанию. Там остался настоящий звук со съемочной площадки, записанный Володей Мазуровым. Миша Агранович прятался с камерой в огромной шубе: чтобы не было лишнего шума. Изредка вылезал оттуда, вспотевший:

— Горячая пора! Очей очарованье…

Я вообще мечтаю все фильмы снимать без озвучания, с родным звуком. При озвучании очень часто пропадает какая-то малость — и реплика становится не такой удачной, интонация бледнеет. Для комедии это особенно важно.

Но одно дело в выстроенном на студии павильоне, в практически тепличных условиях и другое — как сегодня в моем сериале — в интерьерах с закрытыми в тридцатиградусную жару окнами, с огромными монологами, которые не поддаются заучиванию, с несовершенной звукозаписывающей техникой… — убийственно… и тем не менее…

Саша, Леня и котенок

Саша Абдулов, красивый, статный, кареглазый, просто создан, чтоб играть роли романтических и очень лирических героев. До Робера в «Ищите женщину» он так и играл — красивых, статных, кареглазых, очень положительных героев. А тут ему досталась роль мерзавца.

— Наконец-то! — обрадовался Саша. И с таким упоением плел интриги против Лены Соловей, душил Софико Чиаурели, бросал на голову Ярмольнику бюст Наполеона, как будто шел к этому всю сознательную жизнь А еще Саша был неистощимым

выдумщиком, очень отважным актером. И прекрасным товарищем. На роль полицейского Максимена он привел своего друга Леню Ярмольника…

К этому моменту Леня уже снялся у Захарова в картине «Тот самый Мюнхгаузен». Я не запомнила его фамилии, но запомнила «сына» Чуриковой с безумным и странным взглядом…

В сценарии полицейский Максимен был безмолвным, проскальзывающим персонажем. Вошел Максимен — вышел Максимен. Но Леня вошел в картину и сделал роль. На пустом месте. Из ничего. Сочинил реплики, пластику, игру с фуражкой, где у него хранился перечень преступлений и ценник наказаний за них. Тогда же Леня вошел и в мою жизнь. И надо сказать, занял в ней прочное место.

Только однажды Леня «уклонился от выполнения актерского долга». В сцене драки ему на голову надевался аквариум. И изо рта у него должна была выскользнуть рыбка. Леня сморщился:

— Живую рыбу? В рот? Никогда!

Тогда это спокойно проделал Абдулов.

Мы очень подружились с Сашей и Леней.

Ты — Абдулов, Я — Ярмольник.
Ты — обдумал, Я — исполнил.
Ты — съЯрмолил, Я — Абдул.
Критик каркнул: КА-РА-УЛ!

Как раз тогда я получила долгожданную квартиру — недалеко от «Мосфильма». О чем еще мечтать? Вот дом — вот работа. Все!

На новоселье Леня с Сашей подарили мне котенка. И притащили целый ящик еды для него и остатки — для гостей.

Котенка мы назвали Фунчеза — в честь китайской лапши, которая тоже оказалась в ящике с едой. Он вырос в настоящего бандита. Залезал на холодильник, который стоял у двери, и бил всех входящих лапой по спине — здорово, мол.

В то время Леня мучился поисками смысла жизни. То есть жены. Одна оказалась даже внучкой маршала Конева. Но с военной внучкой Леня прожил лишь три недели.

Потом появилась Ксюша. Мало того что она была неправдоподобно хороша, она оказалась еще человеком умным и талантливым. Ксюша и осталась на всю супружескую жизнь.

Умницы и красавицы

Талант и интеллект в одном флаконе для актера вовсе не обязательны, Но если они соединяются вместе — то получается Сергей Юрский.

С ним режиссеру даже не всегда ловко — такой он умный. Однако же он еще умен настолько, чтоб не показывать, насколько он умнее остальных.

Да, читаю по-французски, ну и что особенного… Да, написал книгу, ну, так уж вышло… Да, поставил спектакль, да, снял фильм, да, да, да… И при этом милый, интеллигентный и очень демократичный человек. Прекрасный, очень дисциплинированный и требовательный к себе актер.

«Ищите женщину» была для меня тяжелой картиной. Нет, с группой проблем не было. «Тяжесть моя» находилась далеко от съемочной площадки. В больнице. Там лежал любимый человек.

У меня не было права — все бросить и протянуть ему руки. С ним рядом находилась другая женщина.

И я работала. Как всегда..

Хорошо, что рядом был Юрский. Он помогал.

Елена Соловей сыграла жену Юрского — мадам Роше. Иду недавно по «Мосфильму». Висит фотография Лены из фильма Никиты Михалкова «Раба любви». Какая изысканная, утонченная, чуть капризная красота! Очаровательный милый тонкий человек. Почему она уехала в Америку? Почему эмигрировала? Не захотела стареть на глазах тех, кто видел ее молодой и красивой? Увезла семью от каких-то испытаний? Просто муж настоял? Ведь она наверняка бы еще лет десять снималась в «красивых» ролях, а потом, может быть, стала бы играть возрастные, характерные…

Моя помреж Света дружила с Еленой Соловей еще с михалковской картины. И привела Лену ко мне. Соловей все время беспокоилась:

— Алла, я не совсем понимаю… Может, скажете: в этом эпизоде уже убили моего любовника?.. А муж об этом знает?.. А я уже знаю, кто убийца?

— Леночка, как только вы сыграете какую-либо определенность, наш детектив посыплется, как пыльный мешок. Разрушится неопределенность, балансирование… Вы играйте так, будто вы и сами не знаете: убивали вы кого-нибудь или нет, был у вас любовник или нет… Пусть в каждом глазу живут по два вопросительных знака…

Лена успокоилась, и мы благополучно путали клубок жизни ее героини, дав возможность зрителю путать его вместе с нами.

В этом фильме я открыла Люду Дмитриеву — для себя, для

зрителей, для генеральной дирекции… Она выступила в роли сотрудницы Роше, засушенной старой девы. Генеральный «Мосфильма» Николай Трофимович Сизов, когда принимал картину, удивился:

— Где вы такую актрису нашли? Она очень талантливая!..

Сейчас Люда трудится в театре у Александра Калягина.

Нет, вернее, не трудится, а плетет кружева своих ролей.

Лена Укращенок сыграла бестолковую жеманную секретаршу-машинистку.

Очень красивая девушка. В то время, пожалуй, это был ее главный талант. Она просто хорошо вписалась в роль. Лена, кстати, снималась в своих нарядах. Со мной ужасно спорила художник по костюмам:

— Ну как же так? Я придумала прекрасные костюмы для секретарши!

Я была тверда:

— Пусть снимается в своем.

«Свое» у Лены было в полной гармонии с моим представлением о ее героине — розовые брючки, курточка из «кошачьего» меха. Ей было комфортно. Она была абсолютно точна. Сейчас у Лены, по слухам, много других талантов. И главный — она жена замечательного рассказчика и писателя Эдварда Радзинского.

Первая кровь

В фильме «Ищите женщину», несмотря на его «камерность», есть самая настоящая драка. Между героями Абдулова и Ярмольника. Это была моя первая драка в кино. Потом без них не обошлась ни одна моя картина. За что меня крепко полюбили наши каскадеры, и еще крепче полюбила их я. Постановщиком трюков был Витя Иванов. Очаровательный, остроумный, бесстрашный человек.

Это про него рассказывали… Сильно пьяного Иванова остановил гаишник. Витя открыл дверь машины и вывалился ему под ноги. Но не растерялся и сказал: «…Вот до чего может довести интеллигентного человека один бокал шампанского». Гаишник проникся сочувствием к интеллигенту и проводил его на мотоцикле до его подъезда.

Любимец женщин… У него лишь один недостаток. Но подозреваю, что этот недостаток только сильней их притягивает. Витя сильно заикается.

Снималась сцена драки Ярмольника и Абдулова. Там есть момент, когда Саша бьет Леню. Леня влетает лицом в стенку. Поворачивается — у него в зубах розетка, а по оборванному шнуру бежит огонь. Леня выплевывает розетку.

Но Леня все время выплевывал ее раньше, чем огонь появлялся в кадре.

Мы сняли один дубль, другой.

Потом Витя говорит:

— Л-леня, я т-теб-бе ск-ком-мандую, к-когда в-выплевыввать.

— Нет уж, — замотала я головой. — Лучше я скомандую. А то пока ты будешь командовать, Леня сгорит на работе.

Одна блондинка, сверхлегкая, как «Долина Сканди», сказала как-то: проще ему отдаться, чем ждать, пока он договорит свою просьбу.

На съемке Витя сильно поранился. Он должен был пролететь через стеклянную дверь, выбив стекло. Конечно, дверь была подготовлена, но стекло есть стекло. Осколок впился Вите в бедро. Кровь хлестала фонтаном. Витя досадовал лишь на себя и возмущался лишь собой: каскадер не имеет права на кровь на съемочной площадке — значит, плохо подготовился… И уже на следующий день продолжал спокойно работать.

Моему внуку Ване Сурикову очень нравится «Ищите женщину». Он часто просит поставить видеокассету с этим фильмом. Включаю. Ваня тут же:

— Перематывай! Еще! Еще! Во, драка! Оставляй.

Потом спрашивает:

— А Абдулова посадили? А Ярмольник поймал еще преступников?

Амур и Променад

Мне предстояла поездка в Париж.

Захватила с собой кассету с картиной «Ищите женщину» — в надежде найти автора пьесы Робера Тома и обрадовать его подарком.

Жертвуя Версалем, я накручивала телефонный диск и — о счастье! — наконец-то разыскала драматурга.

По-французски я знала лишь два слова — «амур» и «променад». Когда-то за мной ухаживал один француз. Вечером он спрашивал:

— Амур?.. Променад?

— Променад, променад, — отвечала я.

И мы шли про-гуляться, про-менадиться. «Амура» он так и не дождался.

По причине моего слабого знания французского телефонные переговоры вела моя дочь Кира.

Она к этому времени успела выйти замуж за француза Дэни, уехать с ним в Париж, там убежать от него через три месяца совместной жизни (он не разрешал ей тратить деньги на переговоры с Москвой, а она сильно тосковала по дому и друзьям) и теперь жить на «французских перекладных» — у подруг. И просто знакомых.

В мой приезд мы поселились в кваргире у малознакомой француженки Катрин. Она улетела куда-то в другую страну на поиски своего маленького сына, которого выкрал у нее бывший муж, отец ребенка, полуараб-полуеврей. Он увез ребенка то ли к арабам, то ли к евреям… Катрин бросилась следом, оставив Кире ключи от квартиры.

Итак, красиво грассируя, Кира устроилась поудобнее у телефона и приготовилась слушать и переводить радость и счастье француза Робера Тома по поводу встречи с прекрасным… А я приготовилась наблюдать за ее лицом. Но постепенно лицо ее вытягивалось, глаза тускнели.

— Он старый и жадный маразматик, — сказала она громко, не боясь быть понятой им.

И передала трубку мне.

Мы встретились. И я поняла, что мой фильм Тома совершенно не интересовал. Все два часа он спрашивал, где его деньги.

Очень он меня разозлил. Захотелось послать его на «променад».

Во-первых, пьеса была написана до Конвенции, и никаких денег, а тем более наших гордых деревянных, по нашим российским правилам автору не причиталось… А во-вторых, уж если и следовало платить, то не ему, а английскому литератору Джеку Поплуэллу, у которого Тома почти полностью перекатал сюжет из его пьесы «Миссис Пайпер ведет следствие».

Я распрощалась с алчным французом и пошла гулять по Парижу.

А кассету подарила какому-то полицейскому, который показался мне похожим на Леню Ярмольника. Он ничего не понял, но улыбался широко:

— Мерси, мерси…

— Шерше ля фам, — отвечала я.

К тому времени я освоила еще несколько французских слов.

МАЛЕНЬКИЙ ФАУСТ

Между «Ищите женщину» и «Искренне Ваш» прошло три года. По тем временам — большой срок. Я мучительно искала сценарий.

Эмиль Брагинский, мой Первоисточник, познакомил меня с Валентином Азерниковым:

— Почитайте. Очень рекомендую. У него любопытные пьесы.

Знакомство оказалось действительно интересным, затянулось на многие годы, обернулось соучастием во многих проектах. Иногда гласно — как автор сценариев в рекламно-прикладном сериале «Мы — в шопе», или в так и не осуществленном фильме «Екатерина и Александр. Хроника любви и смерти», или в проекте «Серебряная свадьба». Иногда негласно — как остроумный и высококлассный мастер диалога — в нескольких моих картинах.

Итак, Валя, Валентин Захарович принес мне свои пьесы.

Почитала. Одна называлась «Профессионал жизни».

…Из всех земных профессий Паша Добрынин, герой пьесы, выбрал самую неземную — астрономию. Но однажды он отправился на поиски очень редкой детали для телескопа и заблудился в лабиринте взаимовыгодных услуг, полезных знакомств и ходов «под прилавок». Не успев открыть новой звезды, Паша преуспел в добывании дефицита. И делал он это виртуозно и талантливо… Не только и не столько ради собственной выгоды, но во многом из спортивного интереса. Обаяние Паши Добрынина было в том, что материальные блага его мало интересовали. Ему хотелось приложить свою изобретательность и бурную энергию, чтобы они давали сиюминутные результаты…

Тогда, в 1983 году, пьеса про интеллигента, бывшего астронома, который растерял жизнь на добывание дефицита, была острой, современной, смелой. Наша жизнь и наше время — то, советско-дефицитное, — не давали человеку проявить свой истинный талант, будь то талант ученого или талант менеджера, но зато раскрывали широкие возможности для изворотливости, вранья, фиглярства. За все неправды времени, в котором вынужден жить и приспосабливаться герой, изменяя самому себе, он расплачивается сполна: жена его бросает, любимая использует. Он уходит в ночь, в неизвестность. По-старому жить не может. По-новому не хочет…

Мы с Азерниковым сделали из пьесы сценарий и отдали в Объединение комедийных фильмов.

— Запускайтесь, — сказали нам.

Я дала почитать сценарий Саше Абдулову, чтоб он примерил на себя главного героя. После «Ищите женщину» мы дружили. Саша согласился, но… он уезжал с театром на гастроли в Париж. Был уже весь на берегах Сены. Одолжил у меня большой кожаный чемодан. И укатил, не читая…

Сценарий вернул мне Леня Ярмольник:

— Я прочитал. Это интересно…

Потом, когда уже будет утвержден на главную роль Виталий Соломин, мне начнет настойчиво звонить Ролан Быков:

— Ты такого актера Ярмольника знаешь?.. Это его роль!.. А я тебе говорю, сниматься должен он!..

Когда Саша вернулся с французских гастролей, в картине уже возникли другие кандидаты и разворачивалась совершенно другая «драматургия»… Мы все-таки сняли пробу, но ни Саша, ни я уже не горели «взаимным желанием». Я не боролась ни с ним, ни за него.

На «пьедестале почета» уже стоял Геннадий Хазанов.

Он никогда не снимался. Чертовски популярен. Ищет для себя «другие измерения». Хочет попробовать себя в кино. Идея с Геной — гени-альная!

Друзья отговаривали:

— Он не сможет играть в команде. Он моноложист, эстрадник. Это другая профессия.

Злата, Генина жена и друг, как рефрен повторяла одну и ту же фразу:

— Только не поссорьтесь.

Что-то она такое предчувствовала.

Николай Трофимович Сизов вызывает меня на ковер. Уговаривает не брать Гену.

Я настаиваю.

Сизов запрещает. Потом разрешает с оговорками. Снова запрещает. Снова разрешает, но предупреждает:

— У тебя получится антисемитское кино. Он — еврей, хоть подтягивай нос, хоть не подтягивай (мы в пробах сделали попытку «усовершенствовать» хазановский нос). А герой у вас — не положительный! Только русский актер может играть неположительного героя… Или если бы героев было трое — один из них мог бы быть евреем… А так сразу за рубежом начнут трубить: сделали антисемитскую картину…

Я держусь.

Трофимыч сдается.

Мы начинаем искать грим для Гены. Пробуем его с партнершами — Леной Прокловой, Верой Глаголевой…

Гена ставит условие: вместе со своим постоянным эстрадным автором они едут отдыхать на месяц и там кое-что в сценарии переделывают. Под Гену.

Я беру бюллетень — чтобы на этот месяц оттянуть начало съемочного периода. Жду сценарий. Состояние — между предвкушением и предчувствием.

За неделю до начала съемок получаю сценарий. Там много смешных эстрадных монологов-превращений и напрочь разрушена история. Я понимаю, что это провал. И мой, и Генин.

Не сплю ночь.

Наутро звоню Гене в Прибалтику.

— Я не могу — это…

Гена отвечает:

— А я не могу — то.

Он рассказывает о своей мечте: прочитать свой вариант сценария в зале, где будет десять тысяч зрителей — чтоб я видела реакцию. И я снова подтверждаю — это будет эстрада, а не кино.

Мы расходимся. Я прощаюсь с ним. Прощаюсь тяжело. Говорю ему, что он талантливый актер. Но для его дебюта мы выбрали неверный материал. Ему нужно сниматься в драме, в мелодраме, в детективе — но не в комедии, где от появления Геннадия Хазанова будут ждать смеха. Много смеха.

Мне кажется, ни с одним мужем я так тяжело не разводилась.

Правда, и так быстро не уходила к другому.

Когда я пришла к Сизову утверждать другого актера, он никак не мог поверить, что я разошлась с Геной по сугубо творческим, принципиальным вопросам. Все искал какую-то другую причину, как бывший милиционер и детективный писатель придумывал коварную подоплеку. Конечно, трудно было поверить, что я сама ухожу от Гены после стольких месяцев борьбы за него. Но это было только так и никак не иначе.

Подарок судьбы

Оставалась неделя до съемок.

Лихорадочно соображаю.

Пробовать еще кого-то — нет времени.

Виталий Соломин.

Он пробовался еще до Хазанова. Но у Виталия — особая

стать, прямая спина, независимый разворот плеч… А наш герой должен быть юрким, шустрым, бойким, проворным… И все-таки, в первую очередь, как показал опыт, актер должен быть просто талантливым — и спина «приложится»…

Соломина не оказалось в Москве. С женой и только что появившейся на свет дочкой он жил на даче. В лесу. Поехала туда — не зная куда…. Меня вело наитие. Мне нужно было во что бы то ни стало!..

Вдруг посреди леса из маленькой деревянной избушки навстречу мне вышла молодая женщина в ослепительно белом комбинезоне с малышкой на руках. Это была Маша Соломина. Доброе предзнаменование. Красивое.

Я сказала Виталию:

— Прошу вас, будьте моим… Искренне ваша!..

Виталий — человек ироничный. Умный. Он просек ситуацию. Но на мое счастье в тот момент у него не было другой работы в кино…

Моя бабушка говорила:

— Судьба — она не глупее нас…

Судьба распорядилась хорошо. Я ей очень благодарна.

И очень благодарна Виталию по сей день за эту работу. Вдохновенно и обаятельно сыграл он своего лукавого героя. Виталий талантлив, профессионален, порядочен. И… дистанционен.

Мы не стали близкими людьми. Но всегда помню и всегда отношусь с признательностью и теплотой, всегда рада встрече.

Иногда бывает обратное. Во время совместной работы кажется, что актер N становится твоим другом на всю оставшуюся жизнь. А потом этот N, отснявшись, вдруг забывает твою фамилию, давая интервью журналистам. У него в это время другие планы.

Но в кино нельзя хранить обиды. Это слишком накладно. Эти обиды, они как пиявки — прилипают и сосут твою энергию, твою душу, твое настроение. Надо отрывать и выбрасывать…

…Когда съемка закончилась, устроили традиционное застолье. Виталий улыбнулся:

— Я очень боялся работать с режиссером-женщиной. Я вообще человек конфликтный. Думал, что поругаемся в первый же день. Но впервые за всю картину у меня не было ни одного конфликта.

Компьютер

Наконец мы встречаемся на съемке с Арменом Борисовичем Джигарханяном. С ним легко. С полуслова. С полувзгляда. Иногда кажется, что даже слишком легко.

Смотрю материал. Просто он нажал какую-то кнопочку в компьютере подсознания, и дальше не надо артиста трогать. Не надо ему мешать. Походка, плечи. Руки, ноги, голова, улыбка, глаза… Программа из подсознания становится явью. Это не трафарет, не шаблон, не заготовка… Это просто Талант.

Кажется, что Армен Борисович может наблюдать со стороны за артистом Джигарханяном — как на видаке — и не вмешиваться в процесс, а только присвистнуть:

— Ай да Армен! Ай да молодец!

Снимается эпизод в фойе. Армен, Ролан Быков, Соломин, Варпаховская и другие… Ролан везде ищет высший смысл, не забывая при этом обязательно оказаться лицом на камеру. Армен — великодушно снисходителен… Спиной — так спиной… Хотя спина иногда играет и… выигрывает. В одном эпизоде навстречу Армену спиной к камере идет моя восемнадцатилетняя дочь Кира… Смущается… Армен полушутя подсказывает ей: Пошевели органикой!..

Ну, она и нашевелила…

Маэстро

После долгого перерыва в общении я снова встретилась с Роланом Быковым… На съемочной площадке…

Я — как бы на сцене… Маэстро — как бы в восьмом ряду…

Хотя Ролан конечно же не тот человек, который, даже снимаясь у других режиссеров, может «сидеть в восьмом ряду» и с умилением смотреть «на сцену». Приглашаешь Ролана на роль — расслабься насколько можешь и получи удовольствие: от напора таланта, от ста пудов предложений, от фонтанирования без конца, от перетягивания на себя всех одеял сразу…

Но он был такой! — и другим быть не мог, и его можно и нужно было воспринимать и любить Таким. Или не соприкасаться и тогда не воспринимать вовсе… Талантливые люди редко бывают удобными…

Ролан сыграл роль, точнее, большой эпизод — театрального режиссера, который ставит детский музыкальный спектакль, а мечтает о «глобалке». Но ставит честно, истово, поскольку для него нет мелочевки… И еще у него запись на телевидении, интервью для журналистов, театральный курс, прослушивание

«девочек по протекции», и еще, и еще… Он сыграл себя — ярко, задиристо и… горько.

В небольшом эпизоде в роли актрисы снялась жена Ролана — актриса Лена Санаева. Пустой зал, на сцене уставший гений, которого донимает очередной проситель… А в зале она — его жена, его актриса, его Баба-Яга — одинокая, влюбленная, незаслуженно задерганная режиссером… Глаза влажные от набегающих и невыплаканных слез.

Меня вы знаете так слабо,
Во мне вы видите врага.
А я, во-первых, просто баба,
И только во-вторых — Яга…

— поет она самоотверженно куплеты, написанные Юрием Энтиным. А режиссер на репетиции неистовствует (почти весь текст Ролан импровизирует — для виду согласовывая его со мной. А я для виду соглашаюсь, понимая, что проще снять, чем вступать в длинную дискуссию):

— Ну какая вы Баба-Яга?! Это же роль! Это тебе не Дездемона, которая подставила шею — и зритель твой, потому что жалко! Ты должна увлечь зрителя! Это же сегодняшняя Баба-Яга! Когда сегодня пугают — это не страшно. Когда завлекают — вот ужас! «Меня вы знаете так слабо…» — чтобы кошмар, чтобы мороз по коже! Обратитесь к своему жизненному опыту… Вы же красивая барышня… Вы же понимаете, о чем я говорю… Ведь не один холостяк при взгляде на вас холодел от ужаса! Еще раз сначала!

Из маленького проходного эпизода Ролан создает фильм в фильме, но сопротивляться этому нерентабельно, потому что получается интересно…

А монолог о панихиде для меня по сей день звучит особенно пронзительно… И на панихиде по Ролану я все время вспоминала его слова и его голос…

— Дорогой мой, — обращается герой Ролана к своему прохиндею-директору (Армен Джигарханян), — наша жизнь состоит не только из дней и вечеров, когда мы работаем… В ней есть ночи, когда мы думаем… И думаем не о бифштексах и ставках, а думаем о гражданской панихиде, о своей, о том, кто на нее придет и что скажет. И что НЕ скажет. В молодости я хорошо спал. Я легко себя растрачивал. А сейчас у меня нет времени… Так что уж вы меня извините… (Звонит телефон. Герой Ролана хватает трубку и говорит о себе в третьем лице): ОН УМЕР. Вчера.

На сдаче картины генеральный директор чуть не вырезал этот

монолог Ролана, обращенный к себе. Я никак не могла понять, почему… Топталась вокруг, сопротивлялась, обижалась. Тогда Сизов мне объяснил — наедине: нынешний генсек К. У. Черненко при смерти… — о чем он сейчас должен думать? О панихиде? О своей? — и далее по тексту…

Мы снимали в Театре им. Пушкина. Снимали по ночам — дни и вечера были заняты театром — нам давали только ночи… На одной из съемок, запрыгивая на сцену, Ролан сильно подвернул ногу. Но не ушел, просто часть роли прохромал, так аккуратно и артистично, что в кадре этого не видно.

Два варианта

В одну из таких ночей снимался эпизод, когда герой Виталия Соломина приходит к герою Ролана — уладить кое-какие делишки, не для себя — для кое-кого, чтоб тот, в свою очередь, — кое-что для кое-кого следующего…

Ролан, как я уже говорила, усиленно рекомендовал мне другого актера. А у Виталия какая-то сумасшедшая чувствительность на искренность отношения к себе… и всегда тигриная выжидательная готовность к прыжку.

Напряжение повисло сразу, как только актеры встретились на репетиции. Но как интеллигентные люди — никаких внешних признаков, никаких прямых выпадов, никакого резкого проявления. Только мне — свои прямо противоположные предложения. Оговариваем сцену.

Виталий: — Я выйду из этой кулисы и пройду вон туда.

Ролан: — Нет, пусть он выйдет из той кулисы и пройдет вон туда.

Это не имело никакого принципиального и художественного значения. Но каждый из них должен был «поднять заднюю ногу».

Я, как заправский арбитр, сказала:

— Снимем два варианта. Из той кулисы и из этой.

Было три часа ночи. Я понимала, что успеем мы снять только один вариант.

И начала снимать с того, который предлагал Соломин. Да, Ролан был моим учителем и даже более. Но с Виталием мне предстояло снять еще полкаргины, а с Роланом — еще одну сцену, от которой я в крайнем случае могла отказаться.

Сняли вариант Виталия. Шесть утра. Конец смены..

— Всем спасибо. Съемка окончена. Больше не успеем. Извини, Ролан.

Ролан все понял. Говорит Лене:

— Она меня растоптала…

Лена тихонько мне:

— Не обращай внимания. Мы с ним поругались — он взвинчен.

Три месяца Ролан со мной не разговаривал. До озвучания. На озвучании он посмотрел материал. Остался доволен своей ролью и простил меня.

Потом Саша Митта, коллега, режиссер, напишет в журнале об этой работе: «Хвалить Ролана Быкова… все равно, что восхищаться рассветом. Он всегда прекрасен. Проблема в том, чтобы его не проспать. Быков — актер такого уровня, о котором не стыдно писать, заканчивая каждую фразу восклицательным знаком. Ниже уровня большого мастерства он не трудится нигде. Однако роль театрального режиссера, которую сыграл в картине Ролан Быков, выделяется среди его работ. Там есть и точность зарисовки с натуры, и злая острота самоиронии, и серьезная щемящая нота, когда по ходу действия мы мимоходом прощаемся с этим «сжигающим себя творцом» во время привычного для него сердечного приступа. И понимаем, как дорого он оплачивает свою круглосуточную круговерть».

Женщины

Пробовалось много хороших и разных актрис: Женя Глушенко, Лена Проклова… Но поскольку главной нашей задачей было найти Героя, то героиню, партнершу искали для него, единственного.

И так как долгое время этим единственным был Гена Хазанов — ему было комфортно, интересно и радостно с Верой Глаголевой. Мы ее и утвердили.

Потом Гена ушел, а Вера осталась. И сыграла роль театральной актрисы.

Красивая, умная, хрупкая… мастер спорта по стрельбе из лука — это все она…

До конца, до последнего кадра Вера боролась за то, чтоб ее героиня ходила в брюках и была положительной. Идея брюк не была для меня главной. Поэтому я легко пошла навстречу актрисе. А вот что касается «положительности»… Для меня было принципиальным, чтоб возлюбленная Паши оказалась потребительницей, покруче иных откровенных прохиндеев. Чтобы ее внешняя утонченность, интеллектуальный камуфляж, спекуляция на остатках романтизма бывшего астронома оказались бы роковыми для «мастера жизни».

Героиня Веры — это следующее поколение: расчет и выгода — и никакой ностальгии по утраченному

Лариса Удовиченко сыграла небольшую роль — жену героя. Это наша единственная совместная законченная киноработа, если не считать музыкального эксперимента «А вот и я!». Но эта актриса многое может, и, думаю, главные ее роли еще впереди, хотя мне очень нравятся ее работы у Леонида Филатова и Петра Тодоровского.

Кошка, которая гуляет сама по себе, — это про нее. В ней такой изгиб, напускная наивность, обвораживающее жеманство…

Я видела, как мужчины тают рядом с ней.

Художником на картине была Ирина Шретер. Старая школа. Внучка художника Нестерова. Она жила на Сивцевом Вражке в доме с красивой витой лестницей. На стенах висели картины деда. Она была очень естественна во всех поступках, что, как мне кажется, есть глубинное проявление внутренней культуры и высочайшей интеллигентности. Ирина Николаевна искренне и самоотверженно относилась к работе.

Привел ее на картину оператор Сева Симаков. Я поначалу притихла — она мне показалась «бабушкой на чайник». Потом я устыдилась своих первых ощущений. Работала она спокойно, профессионально и за десятерых молодцов.

Когда проходит время и картина начинает жить самостоятельно, из памяти уходит все, что вызывало горечь и раздражение. Остается благодарность. Я с удивлением наткнулась недавно на записные книжки того времени.

…Директор забрал с площадки машину и уехал по своей «нужде».

Начали снимать объект «Ресторан» — все не подготовлено.

Нужны карточки-визитки на пиджаки «научных» мужей — их нет. Даю Олегу Киселеву деньги — привезти хотя бы десять одинаковых наукообразных значков. Он привозит значки-«кораблики». Цепляю их на лацканы пиджаков участникам съемки вверх дном — получается нечто непонятно-загадочное.

На столах нет воды.

Приборы грязные.

Нет костюмов для певиц.

Редактор не утверждает тексты песен, а эпизоды под фонограмму уже сняты.

Кто-то отпустил актера — не можем снимать.

Кресла и диваны очень драные. Прикрыть нечем — только

спинами массовки.

Автор уехал отдыхать в Пицунду.

Директор снова забрал машину с площадки по своим большим и малым надобностям.

Массовка съела все яблоки.

Купила Соломину шляпу за свои 11 рублей.

Осветители пьяные на площадке.

У актрисы под носом болячка.

Идет дождь. Плохо. Потом солнце никак не зайдет. Снова плохо. Сняли!

Макет сделали в четыре раза больше, чем я просила.

Ролан сорвался. Лечится в Ленинграде.

Посмотрела материал Поликлиники. Что на глаз казалось смешным — увы…

Чугунная решетка упала на Соломина. Еще бы чуть… Я же просила починить ее!..

Виталий разошелся… импровизирует. Утром я ему «повменяла», что от него с экрана — никаких флюидов… Вот он их поднакопил и выдал…

Оператор ударил правую ногу… Ну что ж, будет снимать одной левой…

Смотрела «Кинопанораму». Рязанов цитировал Мандельштама. Счастливый… Читает… У него есть время читать. Суп, чистая рубашка, кран, гвоздь его не отвлекают. Мне нужна своя «жена», чтоб оставалось время на Мандельштама…

А потом еще одна фраза:

Очень устала… Но надо «шевелить органикой»…

Вифлеемская и другие звезды

Нужно было снять эпизод, где на экскурсию в обсерваторию приходят священники.

Можно было приклеить бороды, нарядить статистов в рясы, и — вперед. Но врать не хотелось. Аня Москвина, второй режиссер, пугала — нельзя вообще снимать такой эпизод… Это богохульство.

Я набралась нахальства и позвонила в Патриархию.

— У меня такой эпизод в сценарии. Это не противоречит?

— Нет.

— Значит, можно?.

— Можно.

— А дадите?

— Дадим.

Пришли пять священников. Красивые. Умные. Образованные.

Один окончил духовную академию, другой — завотделом проповедей в епархиальном журнале, третий — бывший капитан дальнего плаванья, четвертый — бывший инженер, отец шестерых детей, и еще один с фотоаппаратом. Шутят и отвечают на шутку

— Вы все такие красивые! Мои девушки отпали.

— Раньше надо было отпадать. Теперь поздно.

— Почему?

— Мы все женаты. А развод нам запрещен.

Мы думали, они денег за съемку не возьмут, но все же выбили им ставку для эпизодников, на всякий случай, поприличнее — аж 12 рублей на человека. Взяли. И даже больше взяли бы — если б мы им дали…

Но зато мы их не пользовали как обычных артистов, а организовали по-честному экскурсию. Я попросила настоящего сотрудника обсерватории рассказывать о настоящих звездах. Тот испугался:

— Но это же не по Библии.

— Не волнуйтесь. Участи Джордано Бруно вы избежите. Рассказывайте все как есть.

Священникам очень понравилось. Задавали много вопросов. Вели себя очень естественно в кадре — им было интересно.

В монтажной

Картина монтировалась тяжело. Было несколько финалов, несколько вариантов «генеральной линии» героя, было много опустошающих худсоветов, перечеркивающих предложения и оценки друг друга…

Худсоветы — советы худеющим.
Я же форму свою берегу.
И мечтать я, и жить, и надеяться
По советам чужим не могу…

Однажды в загородной электричке — я сбежала на природу, в лес, в тишину — встретила одну умную кинокритикеКсу. И решила — вот может выйти достойное применение: пришить ее ум к моему делу… И устроила ей просмотр материала, ожидая Большого Полезного Совета.

Она посмотрела… Потом, забросив ногу за ногу, плела нечто о сорокалетних, которые хотят себя проверить, а попадают в руки

девочек, а это и есть жизнь… Она как бы писала статью о картине, которой еще нет. И ничего по делу… Делать кино и писать о нем — разные-разные вещи…

Без понтов

На этой картине впервые встретилась в работе с каскадером Сережей Воробьевым. Потом мы с ним очень много работали, и я буду еще о нем рассказывать в связи с другими картинами. Профессионал. Придумщик. С прекрасным чувством юмора. С синими горящими талантливыми глазами.

Пришел и сказал:

— Мне нужно вот это и это.

Принесли. Он взял и попал под машину — такой был трюк. Быстро, точно. И без понтов.

Бывают такие каскадерские понты. Начинают рассказывать долгую историю, как и что они будут делать и как это сложно. И сколько коробок надо принести, и какие маты стелить, и сколько это будет стоить…

Знаю, что сложно. Знаю, что опасно. Но вы сами выбрали себе эту профессию.

Позвонил мне сочинский приятель Володя Бутылочное горлышко:

— Линишна! Как там Соломин?

— А что?

— Ну под машину же прыгал!

— Да это не он, Володя. Это каскадер.

— Вот у вас так всегда в кино. Как что страшное — так кошкодер. Слишком вы артистов балуете!

С-прессо-ванные мысли

«Искренне Ваш» в отличие от других моих картин очень редко показывают по ТВ. Это обидно, но и понятно: слишком все привязано ко времени. Хотя там превосходные актеры и смешные диалоги Азерникова.

Примерно тогда же питерский режиссер Виктор Трегубович делал картину «Прохиндиада, или Бег на месте». Там был примерно такой же герой. Но все-таки другой. Нашего Пашу Добрынина одна красивая газета назвала «маленьким Фаустом». В нем были грусть, самоирония, доброта. В «Прохиндиаде» герой остался прохиндеем.

Почти в это же время вышла «Блондинка за углом». Там астроном Андрея Миронова грузил ящики в магазине, пел поясняющие фильм песни и перевоспитывал продавщицу.

«Картина “Щиро Ваш…” утворює своєридну трилогию из стричками “Блондинка за рогом” та “Прохиндиада”»… — констатировал украинский журнал «Новины киноэкрану».

И не было практически ни одной газеты — от Москвы до самых до окраин, — которая бы, расчленяя каждую из этих картин, не объединила их для собственных умозаключений и не имела своего суждения или осуждения. Особенно строго некоторые «осветители» требовали четкой осуждающей позиции авторов по отношению к герою нашей картины.

«…Возникает вопрос, всегда ли создатели фильмов отдают себе отчет в том, где проходит граница между разоблачением зла и его невольной пропагандой?» — писала «Ульяновская правда».

«…Не сразу осознаешь, как губительно влияние таких типов на общество…» — разгадывал «Вечерний Минск».

«…Я глубоко убеждена, что всякий вид искусства несет в своем начале идеологию: буржуазную или только коммунистическую. Честно говоря, я не заметила в Вашем фильме коммунистической морали, а ведь компромисса никак не может быть!» — клеймила зрительница Ирина Гаврилюк.

«Не пытайтесь обнаружить подлинную социальную взволнованность авторов, взявшихся говорить о теневых сторонах действительности», — негодовала Эльга Лындина в «Советской России».

Но!

«..Герой фильма вызывает симпатию… И в том, что ему приходится действовать так, а не иначе, есть и наша вина. Почему именно этот Паша устраивает всему миру то, что по своему положению, долгу, наконец, зарплате, должны делать другие люди? Каждый на своем месте!..»— защитником героя от Системы выступила «Комсомольская искра» из Одессы.

И был еще один человек — вновь назначенный главный редактор тогдашнего Госкино СССР, демократичный, артистичный и интеллигентный Армен Медведев.

…Стояла жаркая пора сдачи картины. Редакторский худсовет Госкино уже вдоволь потоптался… Уже в воздухе болтались ярлыки… Уже картине грозило обрезание… Заключительное слово — новому начальнику. А он взял да и умыл всех: принял картину без поправок, поздравил с победой и очень интересно

рассказал, про что кино.

Армен Медведев заставил и меня смотреть свой фильм иначе… Ведь я практически ни разу после картины «Предположим, ты капитан…», в которой точно знала ЧТО хотела сказать и шла к этому ЧТО по слишком прямой линии, ни разу с той поры не ставила жесткой цели, ни разу не прорубала аллеи к Высшему смыслу. Шла интуитивно.

И когда меня сегодня спрашивают, о чем мой фильм, я честно, не лукавя, отсылаю их к просмотру и к собственному усмотрению… Нет, конечно, про что-то я кое-что… но это совсем не означает, что в результате так оно и есть.

ДЕСЯТЬ КАПЕЛЬ ПЕРЕД СТРЕЛЬБОЙ

Формула американского вестерна: сюжет не меняют — меняют лошадей. Автор сценария Эдуард Акопов, мой товарищ по Высшим курсам, пренебрег этой десятилетиями выращиваемой на Западе формулой и придумал очаровательную свою: пришел, увидел, показал.

А вот за что я…

Жанр будущей картины «Человек с бульвара Капуцинов» мы с Эдиком Акоповым определили так — ироническая фантазия в стиле вестерна.

Сценарий лежал на «Мосфильме» шесть лет, и все шесть лет он мне нравился (и не только мне). Я хотела его ставить (и не только я). Во-первых, материал давал достаточную свободу, чтобы делать не просто вестерн, а ироническую комедию с ассоциативными «коленцами» в любую сторону нашей жизни. Во-вторых, тема этой истории — тема человека, преданного своему делу (и это дело — КИНО!), — мне дорога.

Денис Горелов, журналист-«эквилибрист», написал к десятилетию картины статью «Крестный путь интеллигента от мегафона к “смит-и-вессону”»:

«Алла Сурикова сглазила демократическую интеллигенцию. Место… мистера Феста прочно занял мистер Секонд, исходящий из тезы: Потребитель всегда прав. Сам мистер Фест не умер. Никто не заметил, как брошенный зрителями и прокатчиками, оставшийся в обществе любимой беби и изумленного мецената из бывших налетчиков, Ланцелот впервые взял в руки револьвер. Ланцелот стал реалистом. Финальная песня начиналась словами: “Как следует смажь оба кольта…”»

Несколько лет спустя тот же Горелов написал статью о том, что картина была выпущена как противоалкогольная агитка.

А поскольку других картин Денис, видимо, не смотрел, то к следующей дате у него будет возможность поупражняться в связи с «Человеком с бульвара Капуцинов» и в углубленном анализе других тем, как-то: заказные убийства, вражда рас, влияние проституции на развитие искусства и осмысление жизни при смене профессии — от гробовщика к кинокритику и наоборот.

За достоверное изображение

Но материал сценария требовал большого риска. И не только с моей стороны, но и со стороны студии.

Тогда, в ноябре 1985 года, я лишь смутно догадывалась, что меня ждет в условиях нашего кинопроизводства. Может быть, это да еще определенная доля женского легкомыслия меня и спасли. Справедливости ради надо сказать, что мое легкомыслие разделили и вся съемочная группа, и дирекция киностудии «Мосфильм» (тут решающую роль сыграла неунывающая Нина Николаевна Глаголева), и даже Госкино. Куда они смотрели?! Ведь не случайно один из призов, доставшихся нашей картине, формулировался так: «За достоверное изображение Дикого Запада в диких условиях советского кинопроизводства».

Недавно «Независимая газета» провела независимое расследование, какие фильмы чаще всего показывали по разным каналам последнего года уходящего века. Оказалось, на первом месте «Человек с бульвара Капуцинов». Пустячок, а приятно! А «Дом Ханжонкова» 28 декабря 2000 года канонизировал нашу картину как лучшее кино о кино уходящего века и наградил всех участников встречи, в том числе и маленького Андрюшу Миронова, внука Андрея Александровича, медалями братьев Люмьер. И не пустячок — а снова приятно!

Первый

На самом деле фильм для меня начался даже не со сценария (пусть не обидится на меня Эдик Акопов), а с исполнителя главной роли — с Андрея Миронова. Меня часто спрашивают, мог ли главную роль сыграть кто-то другой. Я поставлю вопрос иначе: была бы вообще эта картина, если бы Андрей Александрович Миронов не захотел в ней сниматься? И это не преувеличение. Не дань памяти прекрасному артисту. Картина началась с Андрея. С того момента, как я поняла, что мистера Феста (в переводе с английского Фест — Первый) — человека с бульвара Капуцинов, фанатика кинематографа, решившего переустроить мир при помощи «синема», будет играть именно он. И он сказал свое «да».

Я храню в архиве текст его последнего газетного интервью — он дал его в день отъезда Театра Сатиры на гастроли в Ригу корреспонденту «Вечерней Москвы»:

«На кино не остается времени, все забирает театр. Но ставя «Тени», занятый по горло, я не мог отказаться от роли Феста в фильме Суриковой. И потому, что мы с ней работали над фильмом «Будьте моим мужем», и потому, что предложенный ею материал и на сей раз оказался очень симпатичным, прежде всего

по благородной идее, по характеру героя.

Что-то меня сразу подкупило в Фесте, подружило с ним. И то, что он по-своему Дон Кихот, и то, что, если можно так сказать, он не просто чудак, а очень своеобразный счастливый неудачник или неудачливый счастливец. Странное сочетание? А ведь живое, непридуманное, и для меня — и в экранной моей биографии — новое».

Что именно показалось «симпатичным» Андрею в исходном материале сценария?

«Человек с бульвара Капуцинов» — название картины для нас содержало определенную символику и почти исчерпывающую характеристику главного героя. (Когда фильм уже вовсю «раскручивался», я занялась исследовательской деятельностью — научное прошлое иногда прорывалось — и обнаружила, что во многих киноизданиях (не во всех) бульвар назван женским именем Капуцинок. На этом бульваре находился женский монастырь. Женским именем с клокочущей буквой К называть не хотелось совершенно. Тогда был объявлен среди своих конкурс на лучшее название за бутылку хорошего коньяка. Названия посыпались: «Заряжай!», «Не для слабых душ», «Приключения мистера Феста в стране боевиков», «Пришел и показал» (по аналогии с «Иди и смотри»), «Тушите свет!», «Я люблю Первого» и другие. Мне было более всего по душе «Десять капель перед стрельбой». С этими «каплями» я и пошла в Госкино… Но мудрый Армен Медведев сказал: во-первых, название «Человек с бульвара КапуцинОВ» уже существует во многих рекламных источниках информации, во-вторых, ошибся не Акопов, а переводчик той самой толстой книги о кино, которая уже давно стоит на наших полках… Объявленная бутылка была распита по-братски со всеми участниками конкурса.)

Именно на этом парижском бульваре размещался первый в мире кинотеатр братьев Люмьер, откуда двинулись по белу свету ретивые и наивные киномиссионеры.

В нашем фильме Андрей Александрович играет одного из них, играет вдохновенно, весело, страстно… самого себя. Только в фильме мистер Фест оживает, когда его убивает Черный Джек, а Андрей умер по-настоящему. Это был его последний фильм.

Но тогда, жарким летом 1986 года, когда мы — творческая группа — рискнули освоить совершенно новый для советского тогда еще кинематографа жанр вестерна, а на берегу Тихой бухты собралась потрясающая суперзвездная сборная советских артистов, настроение у всех было азартным и шалым. Главная сложность состояла в том, чтоб «звезда с звездою говорила» — в кадре.

Меня, как и многих других режиссеров, часто спрашивают, как удается уговорить звезд и собрать для работы такой состав — самых неуловимых людей. Секрет в том, что хорошим актерам хочется сниматься в комедии по хорошему сценарию.

Олег Табаков, исполнитель роли бармена Мак-Кью,

— на тот момент актер МХАТа, ректор театрального института, главный режиссер только что созданного молодежного театра (всем известной ныне «Табакерки»), Немало было сделано, чтобы Олег Павлович мог совмещать все это с работой над фильмом, потому что в этой роли и в этом составе я видела только его. Да и сам себя он видел. Подтверждение тому — как он работал. Он придумал себе такие трубочки в ноздри, которые делали его нос широким, а лицо «плюшевым», коварно-добродушным. Думаете, это очень приятно — целый день существовать с «растопыренным» носом?! А он — терпел! И даже улыбался. И даже не терял аппетит. Единственное, с чем постоянно приходилось бороться, — он поглощал исходящий реквизит, положенный его герою, задолго до начала съемок… Когда однажды мы заменили положенные бармену Мак-Кью орешки на бутафорские, он очень «удивился» и слегка заскучал… Мы не стали больше экспериментировать с исходящим реквизитом. Настроение артиста дороже. И на это он отвечал самозабвенной игрой и блестящей импровизацией. Правда, только до команды «Стоп!» А после — Олег Павлович мгновенно находил место для горизонтального положения и тут же засыпал: берег силы. Но если раздавалась команда: «Приготовились к съемке» — он первым, «огурчиком» стоял в кадре, будто талант его, в отличие от своего хозяина, и не задремывал ни на секунду.

Снимался он практически отдельно от других, а в монтаже — как будто не выходил из павильона даже на перерыв. Высокий класс профессионализма! Удивительный талант!

Моя восьмидесятидвухлетняя мама, дочитав автобиографическую книгу Олега Павловича, которую он подарил мне на день рождения, сказала:

— Ему тоже досталось от жизни будь здоров как.

Это была ее высшая оценка…

И еще. Когда мы только начинали картину, мне предстояла одна «животная» операция. Я мимоходом обмолвилась Олегу Павловичу. Мгновенная его реакция, очень редкая в нашей нынешней жизни и оттого ценимая мною выше многих других человеческих качеств: я могу чем-то помочь? Больница? Врач?

Спасибо ему. Это остается навсегда.

Николай Караченцов в роли ковбоя Билли Кинга

— к моменту съемок уже покорил Париж в ленкомовском спектакле «“Юнона” и “Авось”», а в нашем фильме, помимо всех своих замечательных актерских качеств — удивительной пластичности и музыкальности, — во всех трюковых сценах снимался сам, без дублера, даже тогда, когда сломал палец на ноге.

С Караченцовым мы никогда прежде вместе не работали и даже знакомы не были. Я пригласила его попробоваться на роль Черного Джека. Он пришел активный, решительный и бесповоротный: «Я это уже играл, мне это неинтересно». Потом выдержал паузу и прежде чем уйти, небрежно бросил: «Я бы, пожалуй, сыграл Билли Кинга».

Мы искали другого Билли Кинга. В сценарии это здоровенный ковбой. Как кулак разомнет — все вокруг разлетаются. Николай Петрович не соответствовал сценарному образу. Но мы сделали пробу. Караченцов был обаятельно напорист, заразительно драчлив и самоотвержен. Пришла идея: а почему, собственно, огромный? А если всех больших будет побивать не очень большой, но очень обаятельный и очень пластичный Петрович? На пробах мы дали ему «избить» Сашу Иншакова (ну кого же еще, если не главного «драчуна» — каскадера, постановщика всех потасовок?!). Коля замечательно его отметелил, Саша превосходно отыграл эту «метель». И Николай Петрович стал Билли «Петровичем» Кингом.

На эту роль претендовал и Алексей Жарков. Когда же мы утвердили Николая Петровича и я позвонила Алеше с извинениями и с надеждой, что наша любовь впереди, он так расстроился, что не смог выговорить ни одного приличного слова. Несколько лет мы вообще не разговаривали. Прошло время. Однажды мы встретились в Доме кино. Алеша встал на колени и попросил прощения. Мы снова стали дружелюбами.

За всю картину, за все время совместной работы, мы ни разу не усомнились в правильности нашего выбора. Николай Петрович прекрасно импровизировал, придумывал, предлагал. Моя задача была только отбирать да еще следить, чтобы через образ простого, наивного и порой даже глуповатого Билли Кинга не проступали черты умного и ироничного Петровича.

Недавно мы с Петровичем (он премьер, я президент) провели в Новгороде Великом фестиваль кинокомедии «Улыбнись, Россия!». И я снова — в который раз! — поразилась его отношению к делу. Для него нет на сцене несущественных

проходных эпизодов, деталей! Все, что делает, он делает тщательно, репетирует до самозабвения, поет, отдавая душу зрительному залу. И зал отвечает ему взаимностью…

Во всех эпизодах фильма Караченцов был чрезвычайно точен, собран. И талантлив. В основном ему достались сцены драчливые и пьяные. Сплясать с девицами — на раз. Выполнить на спор трюк — захват ногами головы противника с переворотом — на два… Но… предстояла сцена гибели мистера Феста. Мы решили снять ее одним куском — от плачущего до смеющегося Билли Кинга. Николай Петрович попросил минуту для подготовки. Тишина полная в павильоне. Он говорит: «Готов». Я: «Камера!» Умирающий Фест произносит слабым голосом: «Заряжай…» Герой Караченцова выполняет последнюю волю своего учителя, начинает крутить ручку киноаппарата, при этом плачет. Крупные, честные слезы выползают из-под прикрытых век. Невольно поднимает глаза на экран — там в это время Чаплин… Вокруг все потихоньку от всхлипываний переходят к смеху. Но Билли стесняется улыбнуться — ведь рядом лежит умирающий друг… Вдруг раздается смех оживающего мистера Феста. Билли Кинг поворачивает голову к Фесту и сквозь слезы тоже начинает смеяться, это еще не смех, а всхлипывания, но смех прорывается… И наконец уже — смех, смех… В полный рот. Группа аплодировала актеру. Сняли один дубль.

После этого фильма мы подружились, надеюсь, навсегда. Желание работать вместе вылилось еще в восемь названий. Три фильма больших и много разного другого: пробы, эксперименты, клип, фестиваль… Но об этом после. Я никогда не считала для себя зазорным спросить его совета, сверить с ним свои наблюдения и проверить режиссерские решения на площадке.

Михаил Боярский в роли бандита Черного Джека

— попал в нашу картину благодаря мистеру Фесту. Мои ассистенты с большим трудом вышли на него, когда он приехал в Москву на съемки к Светлане Дружининой. Картина у них вовсю набирала обороты. «Боярский намертво занят», — резко отбила атаку Светланина ассистентка. И была по-своему права.

Но мои пошли в обход: они тайно сообщили Михаилу Сергеевичу, что в главной роли у нас снимается Андрей Александрович и что он лично очень просит Михаила Сергеевича составить ему компанию. И попали в точку.

Дело в том, что незадолго до картины Андрей Александрович и Михаил Сергеевич провели вместе бок о бок неделю в составе болельщиков нашей сборной в Мексике. Поддерживали искусством нашу сборную. Там они познакомились и

подружились. Михаил Сергеевич буквально влюбился в Андрея Александровича. Потому и дал согласие на эту «компанию».

Михаил Сергеевич гораздо серьезнее, глубже и острее, чем роли, которые ему порой предлагают. Кажется, ему всегда не хватает сценарного материала, чтобы воплотить себя до конца. Но, что удивительно, он умеет быть при этом выразительным не только в больших работах, но и в искрометном эпизоде. Недаром Боярский столь популярен как исполнитель эстрадных песен. Ему всегда удается создать неповторимый и запоминающийся образ даже в музыкальной фразе. А в этом фильме с музыкой Геннадия Гладкова и ироничными словами песен Юлия Кима нужны были особенные исполнители — Андрей Миронов и Михаил Боярский, поющие актеры. Николаю Караченцову, тоже «душой» поющему актеру, досталась только одна строчка, которую он специально спел «мимо нот». Но что делать, метраж есть метраж. При монтаже у нас даже вылетел — не вписался в ритм картины — эпизод, где Джонни Фест одновременно и грустно, и насмешливо поет о неудавшейся любви: «Каждому свое, тебе — забава, мне — мученье, а время лечит только тех, кто болен не смертельно…» Тогда Андрей исполнил эту песню легко и без надрыва. После фильма, после смерти Андрея, она стала звучать удручающе символично…

Сейчас я иногда оставляю для себя эпизоды, не вошедшие в картину, а тогда мне это не пришло в голову — жаль. Две песни Андрея из нашей картины могли бы остаться сегодня для тех, кто его помнит и любит.

Замечательная джазовая певица Лариса Долина

— пела в фильме за нашу героиню. Она покорила меня тогда своим неповторимым голосом, профессионализмом, легкостью, умом, обаянием… Мы редко виделись за прошедшие годы. Я снимала кино, она пела. И становилась все моложе, стройнее и «звезднее». Но вот недавно я записывала песни к своей новой картине и осторожно обратилась к Ларисе с той же просьбой. И она снова покорила меня. Она прилетела в день записи с каких-то гастролей, выступила на концерте в Кремле, ко мне попала в 11 вечера, прекрасно спела две песни — и не взяла денег. Лариса осталась такой же талантливой, обаятельной и бескорыстной. Это дорогого стоит.

Диану, певицу из салуна «Бешеный бизон», возлюбленную мистера Феста, сыграла Александра Аасмяэ

— красивая и отважная актриса, известная зрителю по фильму «Экипаж» и по фамилии Яковлева. Просто в моем фильме

она снялась под фамилией своего второго мужа, мастера международного класса по прыжкам с парашютом — «нашла свое счастье в воздухе», когда снималась в фильме «Парашютистка», как она сама говорила. Здесь, в роли Дианы Литтл, Саша прекрасно почувствовала новый для себя жанр комедии.

На роль Дианы пробовались несколько молодых актрис: Ольга Кабо, тогда студентка-первокурсница ВГИКа, Ирина Розанова, выпускница ГИТИСа. Ира мне нравилась, я ее знала, но она пробовалась так, как будто ей было неохота сниматься: нехотя спела, вяло сыграла на гитаре. Мол, не больно-то и хочется.

Потом, на картине «Дети понедельника» она как-то призналась мне: не люблю пробы. Я не хочу нравиться «на мгновенье». Мне нужно или все, или ничего… А кто ж из актеров пробы любит?! Конечно, это дело малоприятное, а для актера с именем — унизительное. Но… есть поиск жанра, есть момент «попадания» в роль и не… Наконец, есть продюсеры, которые отвечают за деньги, и они «хочут»… и имеют право.

Было еще несколько красивых молодых актрис из разных творческих вузов и театров. Мы искали «американский тип»: с открытой белозубой улыбкой, с выразительной грудью под декольте — этакая «любовь ковбоя». Саша Яковлева потом шутила: «Алла Ильинична искала актрису с большой грудью, а нашла меня. Я — отдельно, грудь — отдельно».

Саша приехала почти по собственному почину. Не могу сказать, что она попробовалась удачно, но она очень хотела сниматься. Она сказала «ужасно хочу» и уехала. А мы продолжали поиски героини… Но Саша не сдалась. Она села на телефон и раскалила телефонную линию Ленинград — Москва: «Ильинична, я же болела, у меня была температура сорок. Лучше меня все равно не найдете, дайте попробоваться еще раз. Грудь я воспитаю».

Молодые актрисы проходили пробы без основного партнера — мистера Феста. Андрей Александрович был очень занят. Мы не могли его выдергивать для знакомства со всеми кандидатками на роль Дианы. Но потом я смонтировала видеоролик с основными претендентками и показала ему: «С кем захотите, с тем и будете сниматься». Для меня было важно его ощущение влюбленности в героиню. Он выбрал Сашу.

Как-то полушутя мы разговаривали с Андреем о его идеале женской красоты. Его всегда привлекали женщины, чем-то похожие на маму на Марию Владимировну. У Марии Владимировны было умное красивое лицо волевой русской женщины.

Саше повезло — она была ближе всех к идеалу.

Иногда Саша была обворожительна и самоотверженна. Она часами до изнеможения репетировала танец, ведь танцевать приходилось с профессиональными балеринами. Училась петь, вертеть кольт, скакать на лошади. Иногда ее перехлестывало, заносило — и тогда выдержать ее капризы было нелегко. Однажды в такой очередной «заскок» я сказала ей спокойно и жестко: «Мы отправляем тебя в Москву. Я договорилась с Госкино: все, что связано с тобой, мы переснимаем с другой акгрисой». Я блефовала, но была близка к тому, чтобы осуществить это на самом деле. Саша вдруг все поняла. И стала той очаровательной, красивой, талантливой и спокойной, с которой работать было комфортно, надежно и интересно.

Однажды Саша попросила меня почитать ее рассказы. Мне было некогда, я ловко увернулась. Тогда она обратилась к Андрею Александровичу. Он подозрительно на меня посмотрел — дескать, что делать? Вдруг это полный бред… Но все-таки взял. Прочитал и удивился: «Вы знаете, в ней есть искра Божья, есть дарование».

Лет через десять я встретилась с Сашей в другом ее качестве. Она организовала фестиваль — энергия у нее неуемная — под названием «Янтарная пантера» (кто-то из поклонников так ее называл). Те, кто был на фестивале, говорили, что это интересно, но очень похоже на Сашу — так же необузданно, ярко и не слишком организованно.

Саша даже сняла картину как режиссер. Звонит: «Слышь, Алла Ильинична, я кино сняла! Выхожу на площадку, ну, ни… не знаю, что делать, оператору говорю… (нецензурные слова опускаю. — *А.С.*), что сегодня снимать будем?»

Еще у Саши замечательные дети выросли, так, между прочим, между делом… Бабушка помогала.

Игорь Кваша

— в картине сыграл пастора Адамса. Игорь не случайно оказался в нашей картине. Во-первых, он был одним из ближайших друзей Андрея, а во-вторых (и в главных!) ему подвластно то тонкое чувство такта в отношении отрицательного персонажа, когда можно пройти на грани, по острию — и не споткнуться.

Игорь прилетел в Симферополь, откуда нужно было добираться до площадки часа два на машине. Администратор, который встречал его, поехал сначала в одно место, потом в другое, потом еще куда-то — по своим административным делам. Было жарко. Кваша устал после перелета. Посреди дороги он

просто вышел из машины («Я приехал сниматься, а не кататься по вашим делам»), поймал встречное такси и рванул обратно в аэропорт.

Вечером мне из Москвы позвонила его жена Таня, прелестная женщина и удивительный человек (дочь драматурга Штейна): «Игорь еще не улетел, он сидит в аэропорту. Он очень переживает, но отступить не может. Рейс завтра утром. Возможно, имеет смысл перехватить его?» Позвонила и Люба Горина, редактор нашей картины и подруга Андрея Миронова, Игоря Кваши, его жены и моя тоже… Попросила зла на Игоря не держать, и даже наоборот.

Дело уже к ночи. Стемнело. Подъезжаем к аэропортовской гостинице, стучимся в дверь его номера. Игорь видит меня и становится таким счастливым, забывает обо всех своих обидах: «Я так переживаю. Но я не мог иначе… Но я так переживаю. Я переживаю уже вторую бутылку водки». Мы купили еще водки и поехали «переживать» обратно. По дороге я почувствовала: водитель засыпает. Пришлось остановиться до утра — иначе заснет за рулем и не будет ни Кваши, ни меня, ни кино.

Так мы спасли ситуацию и репутацию. «Разведка» сработала — в лице жены и редактора, — и мы вернули Игоря в картину. На следующий день объявили выходной, работать было невозможно — всю ночь проездили.

Одноглазого ковбоя — героя Лени Ярмольника

— вряд ли кто вспомнит по имени. Изначально в сценарии у него была только одна фраза, и Ярмольник не очень хотел сниматься. Его герой Мартин, любитель выпить и подраться, должен был произнести: «Сдается мне, что это была комедия!» — после демонстрации фильма «Политый поливальщик», — и все.

Но Леня очень талантливый комедийный актер, ломающий любые сценарные рамки эпизодов. Если ему дать экранное время, он все равно прорвется и из одной реплики сделает целую роль. Он буквально фонтанировал всякими смешными «фенечками». И хотя в сложных трюках, как и все актеры, участвовал только в заключительной части — в «приходе» — выдумщиком был замечательным.

Это он придумал гэг с носовым платком — в изрядно пьяном виде ковбой не может попасть рукой в карман, чтоб положить белый носовой платок. Другая «фенечка» — по столу скользят стаканчики, щедро посылаемые ему навстречу, а он все никак не может поймать и выпить. История с ногами — тоже Ленина находка. Трюк такой: за столом сидит Саша Иншаков, закинув ноги на стол, следующий кадр — Саша встает и уходит, а ноги

остаются лежать, оказывается, ноги были — Ярмольника. Дар придумщика — бесценный дар. Мне кажется, что телевидение не в полной мере использует Ленин комедийный талант или, может быть, Леня не в полной мере использует телевидение. Но, как говорится, не нравится — не смотри. Я и не смотрю. А он сейчас и не показывает…

Вообще звездная команда была удивительная. Вождя индейцев должен был играть Фрунзик Мкртчян, но в это время он запустился как режиссер с картиной «На дне», которую снимал в горах Армении. Он не смог спуститься с гор. Тогда Андрей Александрович Миронов помог мне разыскать в других горах — Уральских — Спартака Мишулина. Чтобы сыграть вождя, Спартак, можно сказать, свернул эти горы.

Трудности возникли и с поиском актера на роль гробовщика, местного философа и первого кинокритика Санта-Каролины. Я планировала на эту роль Армена Джигарханяна. Он дал согласие сниматься, но… не приехал. Я не затаивала обид. Значит — не смог. Но и я, к сожалению, не могла остановить весь процесс, чтобы дождаться его. В результате был приглашен на роль гробовщика-критика Лев Дуров. Я давно мечтала с ним поработать, но все не находилось подходящей роли.

Негодяя-растлителя Секонда сыграл интеллигентнейший Альберт Филозов.

Даже в самых крошечных ролях и эпизодах снимались звезды: Михаил Светин — аптекарь, Олег Анофриев — тапер в салуне, Борис Брондуков — ковбой, возмутитель спокойствия, Наташа Фатеева — жена индейского вождя, Галина Польских с Семеном Фарадой — супружеская пара, Наталия Крачковская — мексиканская девушка Кончита, наперсница Дианы (она предлагала нам использовать на крупном плане свой бюст вместо бюста героини), и еще многие другие замечательные… Так что «звезда с звездою говорила» буквально каждый день.

Существует заблуждение, что со звездами работать сложно, они-де очень капризны, требовательны не только в творческом, но и в бытовом плане. Но это совсем не так. И даже более того… Как бы мы выкручивались без наших замечательных звезд в условиях тотального дефицита, когда были перебои даже с бензином?! Обычно мы делали так: подъезжали всей колонной к бензозаправке, звезду вперед — и девушки-заправщицы были «готовы на все».

Перья с головы вождя

Для того чтобы получилась комедия, нужен мешок юмора. С этим у всех наших актеров был ПОЛНЫЙ порядок. Чтобы комедия получилась лирической, нужен километр любви. Тут нас хлебом не корми — дай главным героям хотя бы посмотреть в глаза друг другу. Чтобы кино было музыкальным — нужны в титрах Геннадий Гладков и Юлий Ким. И это уже знак качества. Но чтобы это был еще и вестерн, нужно всего-ничего — Дикий Запад: лошади, драки, кольты, салуны, перья и т. д.

Этого в запасе не было. Не только у нас, но и в богатых реквизиторских цехах «Мосфильма». Мы собирали Дикий Запад по крупицам, отсмотрели кучу вестернов. Что нам нужно, мы уже знали. Оставалось выяснить, где это взять. В отечественном кино вестернов давненько не бывало. Самое близкое, где можно было что-то ухватить, — у соседей по лагерю, на чешской студии «Баррандов-фильм». И чехи дали нам несколько ковбойских седел, пару комплектов сбруй и кое-что по мелочи. Мы рвались к кольтам. Но чехи держались до последнего — оружия не отдали: «Самим надо».

Костюмы, шляпы сшили на «Мосфильме». Перья для индейцев нам привезли из Крыма (думаю, общипали крымских орлов), и Света Башлыкова, художник по костюмам, их красила специально для головных уборов и даже сделала дубликат перьевой короны вождя. В фильме есть эпизод, где Олег Табаков (бармен Мак-Кью) стрижет перья с головы Вождя, они мешают ему смотреть кино. Эпизод короткий, а работа у художника трудоемкая. Сперва подогнать перышко к перышку, потом подрезать, чтоб Табакову удобно было их стричь ножницами (они же орлиные, крепкие). Если у актера чего не вышло, или у оператора застопорилось, или вредный режиссер просто по собственной режиссерской прихоти попросит сделать дубль — надо надеть новую корону из перьев и повторить съемку, а значит, у нее перья должны быть наготове.

Дикий Запад — американский городок Санта-Каролину с банком, салуном, аптекой, пустыней и кактусами — построил в Крыму, под Феодосией художник Женя Маркович.

Еще до съемок декорация, только что выстроенная в узком коридоре Тихой бухты, стала заваливаться от ветра. Хотя выглядела она внешне как настоящий городок, все-таки это была декорация — ее передние стены сзади подпирали балки. Выбранное нами для съемок красивое место, как оказалось, имело удивительное свойство — любой ветер усиливался здесь в десять раз, и создавался эффект трубы-вытяжки. Столбы, которые должны были удерживать конструкции, вкопали почему-то неглубоко. И вот у меня на глазах рушится город моей мечты —

моя Санта-Каролина. Я схватила что-то типа лопаты и бросилась его спасать. Потом я поняла, что одна не справлюсь. Села и заплакала. Был яркий солнечный день. До съемок оставалось три дня. Два здоровых молодца из основного неактерского состава съемочной группы сидели неподалеку на берегу моря и играли в карты. И не поднялись… И продолжали играть… Но мне на помощь пришли каскадеры. Под сильными порывами шквального ветра они вкопали столбы. И город выстоял. С тех пор я нежно люблю людей, которые называются верным словом «каскадер».

Капитан Б.

Лошадей в картину отобрали в кавалерийском полку. Существовал такой полк при Госкино СССР. Он был создан специально для обеспечения съемок. К сожалению, наш фильм был снят вопреки этой традиции, а не благодаря ей.

Кавалерийским отрядом, приехавшим к нам в экспедицию, командовал капитан Б. Он и должен был всячески содействовать обеспечению. Но… «Или будет так, как я сказал, или не будет никак», — повторял он.

Капитан оказался человеком, мягко говоря, странным: на берегу моря в тридцатиградусную жару заставлял своих солдатиков бегать в противогазах.

В первые дни он вроде слегка расслабился и в съемках погони дал нашим каскадерам нормально поработать на полковых лошадях. Но потом разогрелся и стал качать права. Я так и не поняла: то ли он сам хотел сниматься, то ли хотел получить в карман. Но у наших директоров не очень-то получишь. Мы снимали на средства Госкино, и левых денег, как сегодня, взять было неоткуда. (Если они и появлялись, то директора не спешили с ними расставаться.) Свои желания капитан напрямую так и не обнародовал, зато по поводу вверенных ему лошадей высказался вполне конкретно, заявив, что каскадерам их не даст: «Лошадь — это тот же боевой танк. Мы не имеем права отдавать ее в чужие руки».

И вот у нас по графику съемки сцены с дилижансом. Я специально вызвала на роль возниц каскадеров, владеющих искусством управления экипажем. В упряжке — особые лошади, их по-особому запрягают; управлять четверкой лошадей может только опытный человек. Но Б. потребовал, чтобы возницей дилижанса стал его солдат. Положение безвыходное: пришлось согласиться. Сели актеры в дилижанс, солдат погнал четверку. А лошади его не послушались — он был неопытный, только год

отслужил, — понесли, и дилижанс чуть не перевернулся. Мы все были в шоке.

Я терпела, когда он не давал своих лошадей Боярскому и Миронову, подменял неопытными молодыми ребятами из полка моих каскадеров — мастеров спорта. Но тут, когда его выходка чуть не стоила людям жизни, я сказала: «Нет!» Но и он сказал: «Нет».

Как переживали солдаты! Как им хотелось провести лето не в казармах под Москвой, а на берегу моря и увидеть настоящие съемки! Но Б. был непоколебим: увез солдат, лошадей, а заодно прихватил и весь фураж. Нам, таким образом, ничего не оставалось, как снимать вестерн без лошадей. Вот такое вот кино.

Итак, настоящих, киношных, лошадей у нас не было. Но мир не без добрых людей… и не без краденых лошадей. Все видели, в каком мы положении, и приводили к нам лошадей… разных-всяких. Мои каскадеры-конники их обучали.

О хорошем отношении к лошадям

В перерыве группа уезжала обедать, а я чаще всего оставалась на площадке, потому что «художник должен быть голодным». И еще потому, что это была единственная возможность подумать в тишине. Лошади тоже отдыхали. За ними присматривали мальчишки из окрестных деревень. Однажды вот в такой одинокий обеденный перерыв подходят они ко мне: «Вы тут главная?» — «Ну, в общем, да. А что?» — «Скажите, тут жеребец Малыш кобылу просит, так дать?»

Этот вопрос застал меня врасплох, я не знала, как в такой ситуации поступить, но я всегда за то, чтобы по возможности всем было хорошо. И потому решила: если кобыле это тоже будет приятно, почему бы и нет.

Все возвращаются с обеда. Вдруг каскадер Витя Григорьев подбегает ко мне с перекошенным от негодования лицом:

— Что вы наделали?

— А что, Витя, в этом плохого, если кобыла не возражает?

— Да я его неделю бью, чтобы он вел себя прилично, ведь коню чем больше… тем он больше хочет. Его до конца съемок надо держать в строгости. Распустили вы его, теперь он будет плохо работать, шалить будет, требовать свое!

Да… Красивый жеребец для съемок всегда проблема.

Как-то Малыша у нас увели, просто-напросто украли, и кобыла пропала — Верка. Сперва мы подумали, может, они отлучились по случаю романа… Отлюбятся и вернутся. Но они не

возвращались… Что делать? Съемки же! Вестерн! Тут нам кто-то шепнул: «Надо милицию просить, чтоб нашли… Милиция знает, кто промышляет конокрадством и где держат ворованных лошадей». Объявили выходной.

И вот Андрей Миронов, режиссер Александр Згуриди (он приехал, чтобы снимать после нас в нашей декорации кусочек своей картины) и я двинулись в поселок Планерское к милиционерам.

Заходим в кабинет начальника милиции. Тот видит Миронова и… потеет от счастья и волнения. Андрей Александрович «добавляет» — строго, спокойно и по-деловому: «Уважаемый товарищ майор, к вам приехали лауреат Государственной премии Алла Ильинична Сурикова — между прочим, племянница министра внутренних дел Украины (что сплошь выдумка), лауреат Ленинской премии, народный артист СССР (что сплошь правда) Александр Михайлович Згуриди и я, актер Андрей Миронов».

Он изложил суть дела. И закончил примерно так: «Мы пойдем в Музей Айвазовского и на могилу Волошина, и нам бы очень хотелось, чтобы за это время жеребец по кличке Малыш (далее следовало краткое описание лошади) и кобыла по кличке Вера вернулись на съемочную площадку. Я еле сдерживаю Аллу Ильиничну, чтобы она не звонила дяде в Киев… Зачем вам неприятности?»

Когда, осмотрев положенные достопримечательности, мы ехали обратно, по дороге в Санта-Каролину встретили Малыша. Он шел в сопровождении милиционера на место съемки. Увидев нас, Малыш приветственно заржал — у лошадей тоже есть чувство юмора…

Удивительная команда

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как мы все собрались командой на эту картину… Конечно, работа была сложной. Но радостной. Режиссеры Юра Крючков и Толя Авшалумов, пиротехники Коля Неяглов и Андрей Трифонов, звукооператор Олег Зильберштейн, ассистент Таня Саулкина — их было много, замечательных и талантливых мастеров своего кинодела…

До съемок фильма мы провели большую серию проб и даже сделали эскиз фильма на видеокассете. Благодаря сотрудничеству с НИКФИ, а точнее, с моим будущим мужем Аликом Поташниковым, у меня появилась возможность в

подготовительном периоде провести большое количество бесплатных, не учтенных сметой каскадерско-актерских проб. Я снимала пробы именно каскадеров, которых предполагала пригласить для работы в картине. И к началу съемок у меня сложилась довольно объективная оценка актерских возможностей будущих исполнителей трюков. Появилась уверенность в том, что они справятся, многие эпизодические и небольшие роли смогут сыграть сами. Конечно, в этом был и мой «шкурный» режиссерский интерес: мне во что бы то ни стало нужно было постоянно иметь под рукой исполнителей трюков: не просто гастролеров, приезжающих на конкретный трюк в конкретной сцене, а людей, находящихся рядом, единомышленников, которые могут помочь, в любой момент что-то еще придумать эдакое трюко-гэговское.

Это была удивительная команда. Саша Жизневский, маленький очаровательный конник, сыграл старуху с клюкой, которая покупает у аптекаря (Михаила Светина) капли.

— Десять капель перед стрельбой! — советует старушке аптекарь.

— Да пошел ты!.. — шамкающим старушечьим голосом отвечает Саша, а потом как молния вскакивает на лошадь и мчится вдаль.

Саша Огнянов играл мексиканца. Колоритная походка, невозмутимость, черные чуть раскосые глаза. И абсолютно мексиканский (с нашей ковбойской точки зрения) взгляд на жизнь. Он спокойно ложился под каблук Альберта Филозова, для которого наступить ботинком на человека было, я думаю, психологически сложней, чем самому улечься под чужой каблук. Но Саша всем своим видом убедил Альберта, что ему не только не больно, но и даже очень приятно!

Вася Шлыков — красивый, с идеальной фигурой. Ему можно было доверить любое актерское лицо: он мог пронести свой кулак в миллиметре — и никогда не ошибиться. Вася попробовал себя в разных творческих качествах и в разных странах, но вернулся домой.

Володя Лесков. Мы называли его Сынок — за лукавую милую детскость и детскую леность…

Коля Астапов. В сцене драки ему надевают на голову бочку с водой, да еще бьют по этой бочке. Вода хлещет потоками, а он… хмельно-сосредоточенно застегивает пуговицу на рубашке. Эта его импровизация дорогого стоит. При монтаже, когда приходилось жертвовать многими интересными кадрами, этот незапланированный кусочек я выкроила и оставила.

Коля появился у меня в кино давно — на картине «Суета

сует». Приехал с Севера и пришел на студию с улицы. Я предупредила своих помощников, что ко мне идет какой-то человек — кто и зачем, я не знаю. Если будет убивать — закричу. Коля принес мне в подарок рыбу муксун и хрустальный рог и сказал: «Я вас очень прошу, возьмите меня на любой эпизодик. Я умею жонглировать, танцевать, могу быть каскадером. Мне хотя бы чуточку…» Тогда я специально в сцену на пароходе вставила крошечный эпизодик — официанта, жонглирующего тарелками. Наша дружба продолжилась по сей день. А тогда я познакомила Колю с каскадерами, он вошел в их группу. Потом преподавал пластику во ВГИКе. Меня он называет крестной мамой.

Каскадеры играли не только в индейцев и ковбоев, они играли в «старую» и «новую» жизнь. В один день могли сниматься сцены из той и из другой жизни (старая — «дикие» нравы до приезда миссионера кино мистера Феста, гульба и потасовки, и новая — облагороженная посредством синематографа). Соответственно моим ковбоям надо было переодеваться, менять лицо, бриться до синевы или не бриться вовсе. День начинался с вопроса: «Из какой жизни будем снимать? Сейчас старая? Ага!» — побежали переодеваться. «Новая? Ага!» — побежали «облагораживаться». Они точно знали манеру поведения: насколько они по виду выпивши, и чего — молока или виски.

Кроме того, они — одни и те же — играли по обе стороны «демаркационной линии» в одной и той же сцене — то ковбоев, то индейцев. Я беспокоилась, чтоб в монтаже не получилось, что Саша Иншаков-ковбой сражается с Сашей Иншаковым-индейцем. Но Сева Желманов — гример многоопытный: даже я не могла найти сходства между ковбоем и индейцем, сыгранными одним и тем же Сашей. Ну и потом — такое мощное актерское перевоплощение!

Ведь не зря же они дублировали в трюковых сценах, а иногда, на общем плане, и подменяли наших чрезвычайно занятых звезд.

Витя Григорьев — очень одаренный актерски человек — гениально дублировал Олега Павловича Табакова и Андрея Александровича Миронова.

А, например, подменять в трюке Наталью Фатееву пришлось пятерым мастерам: разгонялась она сама, потом на стену взбегала другая Наташа — Дариева (теперь жена Олега Корытина, конника из Питера), дальше по крыше бежал уже Саша Жизневский, затем прыгал Вася Шлыков, а заканчивал трюк Витя Григорьев. В результате динамичного монтажа Инессы Брожовской из пяти различных планов получился потрясающий прыжок одной жены одного вождя индейцев.

Вообще в фильме «Человек с бульвара Капуцинов» актеры

любили своих дублеров, а каскадеры — актеров. И не только «своих», в чьи костюмы переодевались на трюки, но и «чужих». О том, как они любили Андрея Миронова, свидетельствует один эпизод из фильма, который они сыграли с таким упоением!

Салунные девицы с криком «Хотим фильму!» несут на руках мистера Феста.

На самом деле Миронова несли переодетые в женские платья каскадеры. Девушкам из кордебалета Андрюшу было бы не поднять, одного таланта в нем было килограммов на семьдесят. Да он бы и не позволил, чтобы женщины его несли. Мы пошли по простому кинопути: кричали и домогались Феста на крупном плане женщины, а на общем — несли каскадеры в платьях и шляпках. Они были счастливы безумно — мужчины, оказывается, обожают переодеваться в женщин, особенно такие мужественные, как каскадеры. Они красили губы, показывали коленки, задирая юбки, кокетливо выставляли «ножки» в огромных сапожищах, — туфелек на такие лапы, конечно, не нашлось. Больше всех распоясались, почувствовав себя девушками, Саша Иншаков и Саша Огнянов. Каскадеры несли Андрея с огромным удовольствием, ведь не раз мысленно носили его на руках. Когда вечерами мы собирались у меня в номере и приходил Миронов, это был праздник. Особенно, если Андрей что-то рассказывал — например, как сам был исполнителем трюков на картине Эльдара Рязанова «Необыкновенные приключения итальянцев в России». Жаль, что никто не догадался включить видеокамеру или хотя бы магнитофон… Но ведь никто не думал, что это уже не повторится!

За лучшую драку между советскими актерами

Так назывался еще один приз, который получила в Одессе наша картина. И этот приз — признание работы наших главных драчунов, наших каскадеров.

На картине работало три группы каскадеров: конники, «драчуны», «техники». Началось с Саши Аристова, он привел Сашу Иншакова, который стал «заведовать» всеми драками. Саша Иншаков — такой молчаливый, длиннорукий, с длинными волосами — покорил абсолютно всех своей сдержанностью, невероятным умением все делать тихо, спокойно и очень надежно. Когда Андрюша Миронов впервые увидел его на пляже (а мы работали в общем-то в условиях предпляжных, и ребята-каскадеры ходили полураздетыми), то сильный красивый Сашин торс произвел на него неизгладимое впечатление: «Таких я

никогда не видел. И где же у него руки кончаются?»

Одна немецкая газета поместила фотографию, где я с размаху «бью» ногой Сашу Иншакова. Вообще с того времени Саша ближе чем на расстояние вытянутой руки ко мне не подходит. Я ведь вместо «здрасьте» все норовлю найти его «ахиллесову пяту», все рвусь его неожиданно приложить. У него такая реакция и спокойствие, что удержаться и не ударить невозможно. Особенно если знаешь, что не получишь сдачи. Конечно, если бы на моем месте был мужчина, Саша просто подставил бы локоть, и рука бьющего сама бы и отвалилась, но я понимаю свою безнаказанность…

Саша Аристов возглавил группу каскадеров, которые занимались технически сложными трюками, взрывами.

Конников возглавил Олег Корытин, кандидат технических наук, свободно владеющий английским, играющий на гитаре, с улыбкой, подкупающей и провоцирующей одновременно. Приезжая в Москву, он мне всегда звонит, а иногда и заскакивает посидеть на кухне. Питерцы вообще теплее, чем москвичи. Может, потому, что реже видимся. А когда живешь в Москве, кажется, что еще успеешь — и позвонить и надружиться…

Олег привез всех конников из Питера. Вначале между питерскими и московскими каскадерами возникло соперничество. Москвичи ждали «своего» конника — Женю Богородского. И я Богородского ждала, но ждала слишком долго. Он тогда был молод, горяч и не слишком надежен. Не приехал, не известил телеграммой. Мы расстались, и в фильме работала другая группа каскадеров — корытинская.

Нужно было соединить людей. В какой-то момент я увидела, как трудно затаскивают питерцы дилижанс с лошадьми в гору, а остальные стоят в сторонке. Я им сказала, что пойду помогать сама. Они поняли. Больше подобных ситуаций не возникало. Потом приехал замечательный каскадер с Украины Саша Филатов (сейчас он работает в основном в Соединенных Штатах), два каскадера из Прибалтики. Сложилась интернациональная группа и удивительная команда.

Говорят, на Западе каскадеры — одна из самых закрытых гильдий кино, там они не делятся своими секретами друг с другом. На нашем «Диком Западе», на съемках в нашей Санта-Каролине, царил общий дух поддержки, взаимопомощи. Трюк исполняет один, готовят его все.

Еще говорят, западные каскадеры работают с солидной страховкой, за каждый дубль получают отдельный гонорар. Это, конечно, правильно, но наши каскадеры в таких «нечеловеческих» условиях сниматься бы не смогли, а бюджет фильма был бы

исчерпан в первой же драке. Азарт и творческое горение у нас на съемках невозможно было сдержать: «А давайте еще и это!» Или: «Мы такой трюк придумали — умрете!» Умирать было рановато. Приходилось их останавливать. В целях соблюдения графика съемок. Но и они в ответ установили свою дисциплину: тренировки и пробежки каждое утро, даже я пару раз бегала с Володей Лесковым и Сашей Малышевым. Правда, недалеко…

Куда меня везут?..

Как-то в начале съемочного периода для налаживания нужных окрестных связей директор картины Володя Дудин организовал «экскурсию» на один из крымских заводов винконьяков. Мы поехали вчетвером: Андрей Миронов, Лев Дуров, директор картины и я. Съемки у нас в тот день начинались в три часа дня, а было еще только девять утра. Андрей Александрович, видно, поздно лег, подниматься жутко не хотел:

— Куда меня везут? Я еще не был на могиле Волошина! Я еще не побывал в Музее Айвазовского!.. Зачем мне этот завод?!

И так всю дорогу…

На заводе директор стал рассказывать про сорта вин, про беды отрасли (а это было время, когда вырубали виноградники), подчеркнул, что единственная польза от запрета спиртного — меньше стали ездить всякие цэковские начальники, которые вина и коньяки вывозили бочками. Потом началась дегустация… Мадера коньячная, коньяк «Праздничный». Настроение несколько улучшилось.

Прошли в следующий зал, в следующий…

И с каждым переходом настроение у моих актеров поднималось, а у меня падало. Музеи уже не выдвигались первоочередным аргументом. Я засуетилась, стала дергать директора завода за рукав: «У вас производство, но и у нас производство. Скажите, ради Бога, артистам, что у вас больше залов нет. Лучше выдайте все «оставшиеся залы» «сухим пайком» и отправьте нас обратно».

Артисты меня в этом порыве не поддержали: «Мы не пионеры, а вы не председатель дружины. До трех обсохнем!»

Но все же, вняв моим опасениям, Андрей Александрович в следующих залах лишь пригублял очередной напиток и, сливая вслед за директором завода остатки в специальный винный сток, с иронией приговаривал: «А это поплывет к нам на съемочную площадку «сухим пайком»!» И весело импровизировал на тему, кто и как будет этот паек дегустировать, как рухнет оператор

Григорий Беленький под тяжестью пайка…

На оператора мы рухнули в другой день и совсем по другому поводу. (Еще расскажу.) Вообще же Андрей Миронов славился потрясающей собранностью, точностью и обязательностью, что в киношной среде чрезвычайная редкость. Один раз он летел на съемки в Крым из Томска через Москву, больной, с температурой, едва живой. В Москве его, как водится, не встретили, билет на Симферополь наши администраторы ему не купили, и с чистой совестью Андрей мог бы отлежаться дома, полечиться в Москве… Когда же он прибыл на съемочную площадку вовремя, но таким, каким его никто никогда не видел, я не сумела найти слов и, разряжая ситуацию, просто встала перед ним на колени. Тут уж ему стало не по себе — Андрей не умел обижаться надолго.

Бои местного значения

Но вернемся к оператору. Профессионалов-трюкачей на площадке было хоть отбавляй. Но тем не менее многие трюки, особенно если речь шла о герое Караченцова — Билле Кинге, начинались одинаково: «Давай на спор сделаю сам!» Николай Петрович ударял с кем-то из каскадеров по рукам и начинал этот трюк азартно репетировать. Однако «производственных травм» ни у актеров, ни у каскадеров не было. Качественный синяк появился только у оператора. Вообще замечено, что в трюковых картинах больше всего достается операторам. В тот раз Григорий Беленький, человек с большим чувством юмора и с маленьким самозащиты, снимал прыжки индейцев. Андрей Миронов его подначивал: «А ближе подойти слабо?!» Гриша подходил, подходил… И все было бы нормально, не осыпься под ногой одного «индейца» грунт — рухнул несчастный абориген прямо на оператора, тот тоже упал, умудрившись спасти при этом камеру, самортизировав ее правым глазом. Все остальное в тот день пришлось ему доснимать одним левым.

(Кстати, это он, Гриша, окрестил меня Аллой Феллиничной, когда у меня было снято восемь целых картин и так много разного материала — проб, рекламных роликов и клипов, что все вместе тянуло на 8 1/2).

Со времен моей первой картины страх, что я не справлюсь с актерами, у меня как у режиссера прошел. Но тут я столкнулась с неожиданной проблемой. В нашем фильме много фоновых, второплановых драк. Эти драки целиком осуществлялись актерами массовых сцен, то есть теми любителями кино, которые за две с половиной копейки, «не щадя живота своего», готовы

проводить всю жизнь на съемочной площадке. У меня были сомнения, захотят ли актеры массовки участвовать в драках. Напрасно я озабочивалась. Мужчины любят драться. Мужчины — это выросшие мальчишки. В них сидят драчуны. Просто на улице ни с того ни с сего в драку не полезешь, да и отметелить могут, а тут — и несерьезно, и еще за кое-какие деньги… Но! Когда я говорила: «Мотор!» — слышали все и начинали самозабвенно молотить друг друга. Слова «Стоп!» не слышал никто, даже я сама. Ходом «боя» руководить было вовсе не конструктивно (из этого я сделала вывод, что всеобщее разоружение надо поручить женщинам). Я дожидалась, пока битва не начинала сама по себе стихать и отдыхать, «как пахарь»…

Хорошо, что я заранее позаботилась о том, чтобы «бои» прошли без потерь и без последствий.

Как соблазнить генерала

Отсматривая заграничные вестерны, все эти драки и трюки, я ужасалась, подобно всем простым зрителям, когда тяжелые столы, табуреты, барные стойки и бутылки разбивались о головы великих артистов. Я в сомнении ходила между сложенным реквизитом — своих актеров мне было жалко. Наконец я поделилась своими сомнениями с профессионалами. Саша Аристов мне объяснил, что это только в нашем кино любого народного артиста могут шарахнуть по голове дубовым табуретом. В мировой практике существует сверхлегкое бальсовое дерево, которое у нас не растет, а растет только в Эквадоре, вот из него-то и делают весь реквизит для такого кино. Не растет-то не растет, но ведь достать можно. Я разузнала, что у нас это дерево используют в дельтапланеризме и ведает им какой-то досаафовский генерал.

Пришлось вспомнить, что я женщина. Вообще-то на съемках я не очень люблю это делать. Но тут я отчаянно накрасилась, разоделась, как на первый и последний бал, и на пороге генеральского кабинета заявила: «Я пришла вас соблазнять!» И через паузу: «В творческом плане». Два часа ему рассказывала, какие замечательные артисты снимаются в моей картине, танцевала перед ним, пела и в конце концов уволокла бумажку, из которой следовало, что головы кинозвезд будут спасены всего одним кубическим метром бальсового дерева. На прощание генерал сказал: «Пришел бы мужик, ни за что бы не дал».

Так что в наших условиях вестерн может снять только женщина!

С бутылками оказалось еще проще. В Ленинграде мы нашли травмобезопасную смолу, и Саша Аристов из нее прямо в своей духовке отливал бутылки и стекла для окон. Они легко разлетаются вдребезги, без усилий, от любого удара. И никаких травм.

В результате мы были почти так же хорошо оснащены, как в Голливуде, а трюки, мне кажется, у нас получились даже веселей.

Как-то мы с Никитой Михалковым столкнулись в ресторане Дома кино и он сказал: «Смотрю кассету, вроде западное кино, а с другой стороны — наши артисты. Никак не пойму, что за фильм. Оказалось — твой. Поздравляю».

На родине вестерна, в Лос-Анджелесе, мы за этот фильм первый приз отхватили. Так что можем себя уважать! Не только Михалкова — даже американцев запутали.

Волшебная сила кино

И все же отличие есть: в моем фильме нет ни одного порезанного или окровавленного, нет ни одного убитого. Даже когда в Феста стреляет Черный Джек и он бездыханно лежит на полу салуна, где в течение нескольких недель демонстрировал различные киноленты, отвратившие завсегдатаев этого питейного заведения от виски, драк и прочих жизненных грубостей. Кажется, ему теперь ничто не поможет — ни скупые слезы друзей-ковбоев, ни трагические вскрики любимой девушки, ни сдержанное сочувствие самого убийцы. Но вновь на импровизированном экране возникает фигурка Чарли в котелке и с тросточкой. Вот это чаплинское начало — «Могущество смеха и слез — единственное противоядие против ненависти и страха» — определило для нас и общую стилистику картины, и мотивировку поступков главного героя.

Мы сняли для фильма несколько сцен, где в поведении героя, его пластике возникает некий парафраз Чарли. Ни одна из них в картину не вошла, хотя Миронов был в этих эпизодах свободен, элегантен, достаточно смешон и убедителен. И все-таки мы отказались от прямых ассоциаций. Ведь главное чаплинское начало и для Андрея, и для меня выражалось не в котелке, тросточке и походке, а в соединении юмора и доброты как источнике жизненной силы и оптимизма, без которых современному человеку просто не выжить.

Жаль, что волшебная сила кино действует не на всех. Помню, ехала с «Мосфильма» усталая, ну и нарушила правила. Меня остановил гаишник, а позади полно машин, я им дорогу перекрыла. И вот он начал кричать, а я ему объясняю: «Понимаете, я со съемок, кино снимаю». А он как заорет: «Я не-на-ви-жу ки-но!» Что на это скажешь? Я ему не поверила. Наверно, в этот день от него ушла любовь…

Прощание

До фестивалей и призов и даже до выхода фильма на экраны Андрей Миронов не дожил. Он успел только посмотреть допремьерный показ.

…Я шла в театр с букетом красных гвоздик. Шла мимо очереди — кажется, бесконечной. Мимо озабоченных милиционеров (они не ожидали такого скопления людей). Мимо заплаканных служителей театра, где он работал всю жизнь… Потом стояла у гроба, смотрела на окаменевшую Марию Владимировну, на искаженные болью и недоумением лица его друзей — знакомых и незнакомых ему — и… не верила. Ни своим глазам, ни тому, что говорили вокруг.

Пять дней назад в Яун-Кемери, на Рижском взморье, точно такие же гвоздики он принес в столовую санатория, где сидели мы с его мамой…

У него оставалось два часа до отъезда в Ригу. Вечером шла «Женитьба Фигаро», где он играл. И мы условились наши рабочие разговоры перенести на завтра. «Фигаро» он не доиграл и в санаторий уже не вернулся.

Когда через трое суток я летела в Москву, не понимая толком, как и почему я оказалась в этом, не то служебном, не то специальном самолете, и отупевшими глазами смотрела на такие же отупевшие лица его товарищей по театру — дирекция на один только день позволила прервать гастроли, для похорон, — я думала, что вместе с этим актером и у меня лично, и у всех, сидящих рядом, ушел огромный кусок личной и творческой жизни. Ушел невозвратимо, ибо всякая личность на земле неповторима, если она личность. И, значит, никому из сидящих в этом самолете и вообще никому из тех, кто вместе с Андреем выходил на сцену или съемочную площадку, уже никогда не

испытать именно того контакта, что возникал при общении актера Миронова с коллегами. Будет лучше или хуже, но иначе… Про себя я это знаю точно. Я ведь и в Яун-Кемери поехала, потому что после завершения «Человека с бульвара Капуцинов», в последний день озвучания, Андрей заговорил, что надо без особого перерыва, «той же компанией», начать что-нибудь еще. «Ребята, нам не надо расставаться», — сказал он тогда.

У нас был замысел, казавшийся интересным, современным и острым, и больше ничего: ни сценария, ни «единицы» в производственных планах студии. Нет, у меня еще было право на отпуск, а у Андрея — гастроли в Риге. И мы надеялись совместить приятное с полезным. Я знала, что Андрей будет жить на взморье, а не в городе, что туда же приедет и Мария Владимировна, и по утрам мы будем гулять и, может быть, придумаем новый фильм… Ведь и наш фильм «Человек с бульвара Капуцинов» начался с Андрея. Он включился в работу над картиной гораздо раньше, чем это обычно делает исполнитель — еще на стадии первых прикидок режиссерского сценария. Биографии и поступки многих персонажей, а не только уготовленного ему, занимали воображение Миронова. Мы встречались, фантазировали, спорили. Так, к примеру, изменилась судьба героини фильма, для которой именно Андрей нашел наиболее выразительное и точное завершение ее экранных перипетий. У Эдика Акопова в его замечательном сценарии она оставалась в лапах пастора. В фильме героиня вырывается и догоняет Феста.

И уже на съемках, когда возникал какой-нибудь спор, разумеется, по творческому поводу, с кем-либо из исполнителей или членов постановочной группы, Андрея часто звали в качестве третейского судьи. Я шла на это, хотя в принципе режиссерам, и мне в том числе, такая позиция не свойственна.

Андрей всегда был безупречен в любой конфликтной ситуации. Он исходил только из интересов картины, и это все знали. Однажды у меня возникли споры с актером, которого я очень люблю и в которого очень верю, — с Михаилом Боярским. У каждого был свой вариант ключевого эпизода. Позвали Андрея. Он предложил третий, как потом выяснилось — наилучший.

Много позже я спросила у Боярского:

— Вас не смутило, что в качестве арбитра я позвала другого актера?

— Вы позвали не просто актера, а Миронова. А он — один из немногих, кому я могу доверять не меньше, чем самому себе. К сожалению, в нашей среде нередко встречаешься с неким соперничеством, что ли… А вот с Андреем иначе. Не то чтобы

подножка… даже недоверие к партнеру для него было немыслимо.

Не помню случая, чтобы он оказался перед камерой неготовым. Внешне это выглядело как некое моцартианство — приехал, улыбнулся, вошел в кадр, «Снято!» Очень редко мы превышали заранее намеченное число дублей. Но за этой легкостью и элегантностью кинопрофессионала — часы репетиций, видеопросмотра этих репетиций (мы старались фиксировать на видео не только все эпизоды фильма, но и предварительные стадии работы), долгие «чайные» и «кофейные» посиделки по ночам, во время которых оговаривались даже самые незначительные детали.

Наверно, были часы и дни, когда и он и я чувствовали себя психологически скверно, наверняка были моменты, когда мы были недовольны друг другом, но вот вспомнить это ни он ни я после завершения фильма не смогли. И никто из группы тоже. Напротив, оставалось ощущение радости, которое очень хотелось вернуть и повторить.

Претензии, если что-то не получалось или оказывалось на экране неточным, Андрей прежде всего предъявлял к самому себе. Одна такая маленькая неточность есть у нас в картине. Вскоре после того как в Феста стреляют, он на несколько дней уезжает из Санта-Каролины за новыми кинолентами и свадебным подарком для Дианы. Его провожают радостные новоиспеченные любители кино и счастливая Диана.

Вот он приветственно взмахнул рукой, ловко вскочил в дилижанс и…

— И как я, идиот, не сообразил! — закричал Андрей в маленьком зале местного кинотеатра, где по ночам мы отсматривали материал. — Ну хоть руку надо было взять на перевязь…

Я пыталась обернуть дело в шутку, сказала, что это моя режиссерская промашка.

— Но ведь стреляли в меня, — не успокаивался Андрей, — в меня, и я должен был сообразить…

Положение звезды для него не снижало, а поднимало барьер требовательности к самому себе. Кстати, об этом самом положении суперпопулярного артиста. Разумеется, Андрей Александрович знал себе цену и умел сохранять дистанцию, проявляя при этом максимальную доброжелательность к окружающим.

В его навыки звезды входило и одно нетипичное качество — умение слушать других с подлинным, а не имитированным вниманием. В Феодосии уговорили его встретиться со

спортсменами «высокого ранга» — это публика своенравная и оттого специфически «закрытая». После встречи с Мироновым они его чуть не на руках понесли: «Не за то, что он пел и стихи читал, — цитирую одного из участников. — А за то, как он нас слушал и понимал…»

…Я была с уже готовой картиной в Ленинграде, когда туда на один день приехал по делам Миронов. Полностью до того дня он фильма не видел — не складывалось у него по времени. А тут узнал, что назначен дневной сеанс в маленьком кинотеатре в рабочем районе, и поехал туда. Я умоляла не делать этого. Будет ведь премьера в Доме кино или в «Октябре»… Там и звук лучше, и изображение четче. Но он будто предчувствовал, что ему нужно спешить и посмотреть фильм до официальных премьер.

Позвонил из автомата — я сидела в гостях у его брата Кирилла Ласкари, — как только закончился сеанс. Понимал, что я волнуюсь, сказал: «Ну что ж, у меня появилось ощущение трусливого оптимизма». Я поняла, что фильм Андрею понравился.

Я спросила, не жалеет ли он о купюрах. Мы «не влезали» в метраж, и на самой последней стадии работы мне пришлось резать «по живому».

Нет, купюры его не смущали, хотя песенку «А время лечит только тех, кто болен не смертельно» ему было жалко.

Тогда же мы договорились, что встретимся на Рижском взморье и начнем новую работу…

Личная жизнь

…Мы сняли фильм, в котором отдельные компоненты, я бы сказала, отдельные «отзвуки» мюзикла, вестерна и пародии соединялись ироническим к ним отношением и были умножены на проповедь доброты и веру в чудеса, творимые искренним искусством. Работа над фильмом творила чудеса и с нами. Чудеса были самые разные. Смешные и серьезные. Незадолго до съемок я познакомилась со своим будущим мужем. Случайно. Мы отдыхали вместе в Доме творчества в Болшеве. Вхожу в буфет и вижу: красивый, седой, с бородой, заказывает виски. Вот, думаю, богатый грузин. Оказалось, бедный еврей. Но было уже поздно. Нет, конечно, если бы не «Человек с бульвара Капуцинов», может, все бы и «обошлось»…

Но мой будущий муж отправился вслед за мной на съемки в Феодосию, в нашу Санта-Каролину.

Когда журналисты меня спрашивают: «Как складывается ваша

личная жизнь в период съемок?», я отшучиваюсь: «На время съемок личная жизнь не складывается, а вычитается».

Поэтому я отговаривала Алика ехать с нами на съемки. Ведь я понимала, что не смогу уделять ему достаточно внимания и легкий карточный домик начинающихся отношений может просто развалиться от первого ветра… От этого я буду нервничать. Это мне будет мешать.

И еще одно убеждение во мне сидело с первых моих картин: РЕЖИССЕР для всех членов съемочной группы — мать, отец, брат, муж, жена, друг. И никто из личной жизни режиссера не имеет во время съемок на него прав больше, чем кто-либо из группы — от главного героя до водителя лихтвагена

Но Алик все равно приехал. И очень помогал.

Мы жили в гостинице в Феодосии. Через пару недель после нашего отъезда из экспедиции в той же гостинице оказался мой двоюродный брат. Как человек любопытный, он спросил дежурных: «В вашей гостинице жил кинорежиссер?» «А, это такой с бородой (об Алике), с ним еще жена была (это обо мне)!» — охотно поделились они информацией.

Ну, во-первых, бабушки-дежурные точно разобрались, кто есть кто, а во-вторых, тут же и поженили нас заочно. На самом-то деле нам Андрей Миронов «сделал предложение».

Он частенько заходил к нам в гости и наблюдая, как Алик хозяйничает, говорил: «Если вы за него не пойдете замуж, я на нем женюсь».

Алик был не случайным человеком в кино, он хороший видеоинженер и помогал мне не только в быту, но и в творчестве. Он первый познакомил меня с преимуществами видеоконтроля на съемочной площадке. Я долго брыкалась, говоря, что мне это не нужно, а потом без этого уже не снимала ни одной картины.

Не принято, не положено…

Мы снимали картину на пленке «кодак». Тогда это был подарок судьбы. Но «кодака» было очень мало, и мы экономили, как могли, — снимали по одному дублю, поэтому очень тщательно готовили каждый трюковой кадр. Я помню только один случай, когда было снято пять дублей. По просьбе Андрея Александровича Миронова. Это был музыкальный номер «Синема-синема». Что-то не сразу получалось, не шло… ему не нравилось — а у меня сердце обливалось кровью, я кусала себе все, до чего могла дотянуться, но отказать Андрею было выше моих сил. Он никогда ничего не требовал без достаточных

оснований.

Я поражаюсь, как скупо мы работали. Если бы не видеоконтроль, не возможность все увидеть, отрепетировать заранее, мы ничего не смогли бы снять. При таком соотношении пленки — одна монтажная часть к полутора отснятым — снимать вообще-то невозможно. Даже один к трем — и то неимоверно трудно. На Западе самое дешевое в кинопроизводстве — это пленка. Я видела в Израиле съемки с Мэри Хемингуэй и Сильвестром Сталлоне. Снималась очень проходная сцена: двое стоят на фоне моря, «здрасьте — до свидания». Но — точек съемки! Разных камер! Дублей! Пленки! — немерено! Поэтому монтаж такой динамичный получается, и в принципе кино другое. Поэтому они могут сделать «экшн» из двух человек, которые сидят и разговаривают. А наше кино на Западе показывать нельзя, потому что у нас пытаются сэкономить на всем. Я не транжирка. Я за то, чтобы делать дело без ненужных затрат. И мне в принципе понятно, когда говорят об экономии. Но не за счет пленки это надо делать, не за счет пленки…

Когда мы закончили съемки, я обратилась к заместителю председателя Госкино с просьбой не разрушать наш городок Санта-Каролину, оставить его для отдыхающих.

Пока мы снимали, к нам каждый день приходили пароходы, приезжали люди — посмотреть на артистов, на съемочный процесс и просто на декорации. Ведь у нас были салун, улица, масса маленьких помещений — в хороших руках это могло бы приносить и радость, и доход. Достроить немножко, и все — готовый развлекательный городок (и часть денег — «Мосфильму»), Может, сегодня так и сделали бы. Но тогда он ответил, что и не такие декорации сжигали, вот сожгли в Суздале декорации к фильму про Петра Великого. Не принято, не положено. (Кем не положено, куда не положено? Не понимаю.)

Мы уехали из Тихой бухты, оставив военным, которые нам помогали устанавливать декорации, разбирать их на дрова. Мы договорились, что они возьмут себе все нужное им дерево и уберут территорию. Дерево они забрали, но пластик и бутафорию, то, что им было не нужно, — оставили. Ветер разнес это по всей бухте… А журнал «Крокодил» — по всей стране. В журнале вышла статья, что в хрустальной воде Тихой бухты режиссер Сурикова купала лошадей, потом жгла костры и ела шашлыки, а на прощанье всю Тихую бухту засеяла пластмассой. (Именами начальников воинской части и мосфильмовских администраторов публику не заинтересуешь, а мое имя — уже на слуху, у нас же потоптаться любят, особенно «гробовщики».)

Несоветская комедия

Худсовет принял картину неоднозначно. И хотя было понятно, что кино получилось зрелищным, споры в оценке фильма были достаточно острыми. Особенно нападала «старая гвардия».

Вера Павловна Строева: — Это не наша комедия, не советская! Что такое советская комедия? Это народный глубокий смех, вызываемый особенностью характера советского человека, всей его жизнью, всей средой, в которой он живет. А не чужой…

Реплика Костюковского: — А грузинская комедия — это советская или грузинская? Для меня «Человек с бульвара Капуцинов» — это советская комедия, чистая, добрая, с чувством меры, чувством вкуса и чувством жанра.

Александр Зархи: — Картина не готова! Такое количество пышущего дарования — это невозможно переварить! Хватит револьверов, хватит драк… Надо их выбросить, соединить остальное, позвать Джона Смита, пусть смонтирует, и тогда получится кино.

Так же разнообразны в оценках были и зрители.

Пенсионерки из Харькова:

«За что артисты получают ненужные травмы и боль? Куда смотрят их создатели? Снимите этот фильм с производства!»

Ученики 4-го класса из г. Владимира:

«Только не смейтесь и никому не показывайте наше письмо… Мы хотим, чтоб сняли этот фильм еще раз с нами! Мы можем сыграть все роли и выполнить все трюки и драки!»

Уборщица из подъезда — г. Ярославль:

«Алачка! Большое Вам спасибо у вас работа трудная и тяжолая».

Новый год в Болшеве

Год, в который мы сняли «Человека с бульвара Капуцинов», закончился для меня в Болшеве.

Болшевский Дом творчества кинематографистов — это (к сожалению, в прошлом) очень «свое место» для многих киношников. Там и отдыхали, и «романились», и семинарились.

Помню свой первый семинар. Я приехала туда со своим дипломным фильмом «Лжинка». И многие известные и знаменитые люди говорили добрые слова о картине всего в две

части. Выступал лично Григорий Горин (!) и всерьез анализировал, а Виталий Мельников всерьез защищал.

Не было года, чтобы мы не ездили в Болшево: оттуда многие мои дружбы и знакомства.

На зимние каникулы мы возили туда своих детей, там они перезнакомливались и передруживались.

Если бы Болшево оставалось и сегодня нашим, там выросло бы второе и третье поколение кинематографической команды. Мой старший внук Ваня Суриков еще успел его застать. А младший, Коля, — уже нет. Теперь ничего подобного не существует. Где они будут целоваться?..

Болшево, старенькое, уютное, теплое, дешевое, знало и Утесова, и Габриловича, и Райзмана. Там бывали не только киношники, но и люди эстрады, театра. Дом хранил в себе атмосферу искусства, доброты, дружеских встреч, любви, романов, светлых идей. (При том, что номеров с туалетами было очень мало, и за них всегда шли бои: только Герой Соцтруда мог с гарантией рассчитывать на номер с туалетом. Душ тоже был только на этаже.)

И вот — Новый год после картины «Человек с бульвара Капуцинов». Не знаю, зачем и как — я захватила с собой пару бутылок из травмобезопасного стекла, оставшихся после картины. Интуиция, наверно, сработала. Заранее мы особенно не сговаривались, кто едет, кто не едет. Всегда был элемент радостной случайности, какой-то сюрприз. И на этот раз мы встретились там с Альбертом Филозовым (Секондом) — плясали, дурачились, веселились. Уже наступил Новый год, когда я вспомнила, что у меня с собой есть заначка — «наша» бутылка, и рассказала ему. Мы тут же придумали трюк для всех.

Во время танца начинаем с ним жутко скандалить. Я выкрикиваю ему всякие гадости, что, де, он предатель, что подвел меня, что так настоящие мужчины не поступают. Хватаю со стола как бы первую попавшуюся бутылку и шарах его по голове. Альберт падает — все замирают в ужасе: «Все, убила артиста». Лица такие искаженные, притихшие. Сейчас — «скорую», милицию… Мы держали паузу как следует, от души — минуты три-четыре. Серьезная была пауза, и вдруг Альберт вскакивает и делает «Ап!»

Возгласы облегчения, удивления и — хохот. Думаю, для всех, и для меня в том числе, этот Новый год запомнился именно нашим розыгрышем.

…У нас в картине много бутылок билось о головы, но одна бутыль — огромная, с каплей воды на дне… Мистер Фест выходит из дверей; в это время свесившийся откуда-то сверху пьяный

ковбой бьет его этой бутылью по голове. Это не больно, это совсем не больно, я на себе не раз проверяла — она из того самого травмобезопасного стекла. Но когда с экрана слышится звук настоящего бьющегося стекла, возникает такой эффект, будто это всамделишная бутылка разбивается о голову Андрея.

И каждый раз, просматривая фильм, я вздрагиваю, хотя и понимаю — это никакого отношения не имеет к тому, что случилось с Андреем.

На родине вестерна

«Трусливый оптимизм» Андрея Александровича подтвердился полностью в Лос-Анджелесе на III Международном фестивале «Женщины в кино», где, как я уже говорила, наша картина (вместе с чешской) получила первый приз. Первый приз на родине вестерна — это приятно.

Я вылетела на фестиваль в Америку — как в четвертое измерение. У меня в активе зарубежных поездок была одна страна — Болгария. На большее я не рассчитывала: бывший муж со второй женой эмигрировал в 85-м из СССР.

И все-таки ЭТО состоялось. Я лечу! Причем совершенно одна, без единого погона. Мне потом сказали, что погоны охотно ездили на кинофестивали, где давали денежные призы. А на нашем фестивале приз был — красивая «стютюэточка», и все. Погоны поэтому заболели и остались, а я полетела без погон, но, правда, и без языка…

В аэропорту Кеннеди попутчики — физики, которые летели в Бостон на совещание по Антарктиде, взялись помочь мне пересесть на рейс до Лос-Анджелеса.

Когда мы шли к сдаче багажа, вдруг из абсолютно импортной толпы прямо на меня вынырнули два замечательных соотечественника: Саша Адабашьян и Ираклий Квирикадзе.

— Мы ищем вещи Ираклия, которые пропали здесь, в этом аэропорту… Поэтому смотрим исключительно под ноги. Увидели яуфы — в таких яуфах может ездить только наше советское кино. Поднимаем глаза — а тут ты.

Физики побежали сдавать мои вещи и свернули на свой Бостон. А я задержалась с ребятами — мне показалось, всего на пару минут… Когда мы выяснили, кто куда и зачем, Саша спросил меня строго:

— Сколько дали денег?

Я честно призналась — тут скрывать мне было нечего:

— Тридцать долларов и тридцать советских рублей — на

десять дней. (Да если б мне тогда не дали ни копейки, я все равно бы высвистелась и полетела… Только бы пустили!)

Саша полез в карман:

— Вот тебе еще двадцать три доллара. Больше, к сожалению, дать не могу…

Саша, Саша! Если б ты знал, как много по сей день значат для меня те 23 доллара!

Мы попрощались, и я побежала разыскивать мой самолет, мою авиакомпанию — ПАН-АМ. Когда я наконец нашла то, что искала, длинноногая блондинка с красной лентой через тощую синюю грудь показала мне на окно во всю стену — там плавно и практически беззвучно удалялся от меня мой авиалайнер, мой фестиваль, моя мечта…

Я стала выяснять на всех доступных мне языках, в том числе и на украинском, когда будет следующий. И как ни странно, поняла: следующий будет через три часа, и стоит это триста долларов. Помню точно, что я им сказала на доступном мне языке, что у меня есть тридцать долларов и тридцать советских рублей. Про Сашины двадцать три доллара я бы не проговорилась никогда. Тут я бы стояла насмерть, как Зоя Космодемьянская. Но о них меня не спросили. Не помню, что я там им наговорила еще, как размахивала руками, что показывала — но подействовало. Меня взяла на свое крыло — абсолютно бесплатно — другая авиакомпания, «Американ аир лайн», которая оказалась спонсором фестиваля.

Через шесть часов в Лос-Анджелесе меня уже встречали три обворожительные американки — Сьюзен, Барбара и переводчица Наташа.

Подробно о фестивале рассказывать не буду — иначе получится отдельная книга в книге, а места для нее нет.

Только несколько отрывков из дневника.

…Живу в доме у известнейшей кутюрье… Не прибыли мои вещи. Кино есть, а чемодана — нет. Передо мной раскрыт гардероб очаровательной хозяйки дома… Хоть бы мой багаж вообще пропал!

…Вещи, к сожалению, нашлись…

…Каждый день меня осаждают разные продюсеры, агенты, актеры… Что-то предлагают… Эх, мама, зачем я в школе учила немецкий!

…Везут в русский ресторан «Миша» — прием в мою честь. Будут бывшие советские актеры — Олег Видов, Савелий Крамаров… Рассказываю своим американкам, как Савелий с его врожденным косоглазием ведет машину: едет в одну сторону, а

смотрит в другую… Приезжаем в ресторан. Савелий сделал операцию. Не косит. Американки «косо» смотрят на меня — что я им такого наговорила?..

…Конференция на тему: «Что главное в комедии. Кто главный в комедии».

Одни говорят — продюсер, другие — редактор, третьи — сценарист, и так далее.

Беру слово — впервые со времен открытого партсобрания на Студии Довженко, где мне слова не дали. Беру и говорю:

— У нас, у советских кинематографистов, главное в комедии — это чувство ЮМОРА.

Чувство юмора должно быть у актера — чтоб сниматься за те смешные деньги, которые он получает.

Чувство юмора должно быть у автора — чтоб не разрыдаться, когда он видит на экране то смешное, что он якобы написал.

Чувство юмора должно быть у режиссера — чтоб выбивать смешные государственные деньги и снимать за эти смешные деньги актеров по сценарию автора, который рыдает над каждой своей буквой.

А если режиссер — женщина, чувство юмора должно быть у ее мужа, иначе — обхохочешься на всю оставшуюся жизнь…

У меня в этот день был хороший переводчик. Американки смеялись. У них хорошее чувство юмора…

ДЕТЕКТИВ КАМЕННОГО ВЕКА

Не так давно была в Америке и случайно прочла в русской газете: по русскому каналу будут показывать мой фильм. «Две стрелы». Позвонила на телевидение:

— Я здесь, у вас, в Нью-Йорке, если это вам интересно.

— Ну, — в этом русском «ну» прозвучала настороженность: чего, дескать, надо…

Я очень аккуратно попыталась выяснить, кто, когда и кому отдал право показа… В ответ услышала:

— О'кей! Приезжайте к нам выступить перед показом. Мы вам заплатим сто пятьдесят долларов…

Вот испугали! Но мне было любопытно увидеть «их» русское телевидение и узнать, как попадают туда наши фильмы. А эти деньги как раз оправдали бы мою поездку на телевидение, так как я жила в противоположном конце, а заехать за мной они не предложили.

Но практически ничего я так и не узнала — молчаливый человек типа охранника проводил в студию. Зажглась лампочка. Я сказала, что успела. Лампочка погасла. Я ушла. Расспросить было некого. В ведомости расписаться за 150 долларов было невозможно — никто не предлагал. Денег я тогда так и не получила. Но деньги все-таки отправили: в Россию. В Москве сказали, что оформлено все неправильно, и отправили деньги назад в Америку… Вот такое путешествие денег… Деньги повидали мир…

Зато выступила и как могла объяснила — о чем кино… Я понимала, что для людей, достаточно давно уехавших из страны, в этой картине не будет ничего, кроме внешнего ряда «каменных» событий. Так оно и случилось… Одна знакомая, живущая под Сан-Франциско, сказала мне:

— Твое выступление всем понравилось. А фильм… он какой-то безумный, что ли…

Наверно, это нормальное восприятие тех, кто живет теперь под Сан-Франциско. А в городе Горький, где ясные зорьки, и в городе Питер, где небо в граните, этот фильм смотрится иначе…

Выборы

Мой Полузять рассказывал мне, что «Две стрелы», показанные в ночь после выборов — когда подсчитывались голоса, когда решалась судьба и не спал никто из тех, кто вступил на путь

политической борьбы, — экстраполировались в сегодняшний день с оглушительной силой… Оказалось, мы совсем недалеко ушли от наших предков. И чтоб понять себя, надо заглянуть в наше Сегодня с высоты «каменного» Вчера. Это и сделал самый пронзительно-прозорливый драматург на свете Александр Володин.

Давным-давно Александр Володин написал пьесу о сломе политической власти. Детектив каменного века. Ироничный и добрый, наивный и глубокий. Рецепт переворота на все времена… Кого-то убить. На кого-то свалить вину. Стравить своих со своими — чтоб кровь, страх и растерянность. И бери ее, власть, голыми руками. Но помни: уже заточены стрелы и в твою спину.

Володин умеет во внешне неприхотливом, почти примитивном сюжете раскрыть глубины человеческой психологии. И не просто их исследовать, но обнажить злобу и зависть под личиной принципиальности, глупость — под маской патриотизма, пустословие и тщеславие, прячущиеся за свободу слова.

Я видела несколько разных постановок «Двух стрел» в театре. И каждый раз Володин «забирал» меня. Но о том, чтобы поставить по нему фильм, не думала.

Раньше — не разрешали. Говорят, по «Двум стрелам» хотели снимать кино и Александр Митта, и Георгий Данелия, и даже Михаил Ромм. Но тогда намеки и аллюзии наивного детектива вызывали дикую изжогу у кинематографических чиновников.

Наступили новые времена. Можно было попробовать.

И я попробовала.

Студия «Жанр», которой руководил Владимир Меньшов, дала добро.

Работали мы с Володиным легко. Даже слишком легко. То ли ему все мои предложения нравились, то ли он устал сопротивляться в прошлой жизни.

Саша даже снялся в крошечном эпизоде — в изодранной первобытной одежде на фоне догорающего родного пепелища сидит одинокий, трагичный и несгибаемый старец… Он был так выразителен в этом маленьком кадре, что я не решилась вставить его в картину… Слишком много на себя брал… Появлялся персонаж, который мешал бы восприятию образа Главы рода, запутывал бы зрителя…

Я сделала фотопортрет и передала Александру Моисеевичу ко дню рождения.

КоМеКАДЗЕ

…После «Человека с бульвара Капуцинов» мне захотелось снять что-то такое же большое и динамичное. Но не вестерн, хотя я и получила, как, возможно, помнит читатель, заманчивое предложение от школьников четвертого класса из города Владимира — снять тот же ковбойский сюжет, только уже с ними, мальчишками, в главных ролях. И все же, несмотря на такой сильный зрительский «аргумент», я решила искать «чевой-то новенького», неизведанного. Главный стимул — этого я еще не делала.

Я снимаю комедии. Одни смешнее, другие… Права была одна худенькая критикеКса, написав, что я в очередной раз верна себе. А почему я должна быть верна кому-то другому?!

История, за которую я берусь, должна быть мне близка. Герои должны нравиться. И жанр должен быть ироничным… А форма — конечно, привлекает «езда в незнаемое»…

Да, комедия востребована во все времена, а в нестабильные — и целебна. «Смейтесь, черт вас возьми!» — сказал Франклин Рузвельт своему народу во время Великой Депрессии. И, как мог, поддержал жанр.

«Жизнь — это не только чередование похорон», — утверждал Чаплин, полемизируя со сторонниками так называемого реализма, который, скорее, был просто пессимизмом.

Я тоже помогаю — чем могу… Улыбкой, сочувствием. «Фильм нельзя сделать смешным, если ты не сочувствуешь людям».

Но рассмешить гораздо труднее, чем заставить плакать… Удачных комедий гораздо меньше, чем картин, которые называют себя комедиями. И среди моих тоже. Режиссеры-комедиографы — это камикадзе (вернее, кОмЕкадзе).

Поиски и находки

На заре человечества, согласно Володину, люди смеялись и плакали, любили и ненавидели, дружили и предавали — так же, как и сегодня. Может быть, только чуть наивнее, откровеннее, обнаженнее… И так же кричали на своем Совете (на Большом или на Верховном): «Око за око! Кровь за кровь!», когда решались самые главные вопросы — власти, межплеменных отношений…

Одна из главных моих задач была — в костюме и гриме — не скатиться в капустник, в пародию.

Но я и не хотела, чтобы наши герои были мерзкими, замызганными, с обгрызенными ногтями и засаленными волосами. Мы должны были играть в первобытность. И играть легко.

…Мы пошли «на полусогнутых»… Мягкая стилизация, полунамек, наше представление о них или, точнее, — их представление о НАС, если бы они ставили о нас кино… Так или примерно так мы договорились сообща — поодиночке — все вместе.

И только на фотографиях, сделанных для журнала «Экран», мы с Леней Ярмольником придумали каждому персонажу по яркой современной детали — пачка «Мальборо» у Главы рода, журнал «Плейбой» у Ходока, современные часы у Человека Боя и т. д. А Вдова вообще сидела на капоте шикарной иномарки каскадера Александра Иншакова — постановщика трюков на нашей картине.

Журнал с этими фотографиями я увидела, когда картина уже была снята. И затосковала. Может, надо было рискнуть и ввести в фильм эти детали. Они здорово смотрелись на картинке в журнале. Если бы я ставила спектакль, обязательно попробовала бы. Ведь а театре в случае неудачи от чего-то можно отказаться. Из пленки, к сожалению, не выковыряешь. Это Чаплин мог себе позволить посмотреть, проверить реакцию на публике, переснять. А сегодня не только переснять — снять нормально нельзя: гонка без возможности остановиться, оглянуться… Поэтому иногда держу себя за руки, чтобы не «пере-». И повторяю, сама себя уговаривая:

«Мое кредо — недо-!»

Володин нашел очень точную «первобытную» интонацию в диалогах своих героев.

Геннадий Гладков написал «первобытно-общинную» музыку (он за нее получил приз). Эта музыка обволакивала, создавала грустно-нежное настроение, хотя, может, для древнего человека была местами слишком изящной.

Юра Пузаков поставил танцы. (С Юрой мы знакомы давно. Он помогал мне под руководством Гены Майорова еще на съемке моего первого фильма.) Танцы Пузакова грубоваты. Диковаты. Это хорошо и точно поставленные танцы. Недавно позвонил счастливый — поставил в театре в Чебоксарах «Ромео и Джульетту». Говорит, звали в Южную Корею на приличные деньги, но он предпочел Чебоксары — когда еще прикоснешься к Шекспиру!..

Пещеру в мосфильмовском павильоне построил Женя Винницкий — сын того самого Давида Эльевича Винницкого, с которым я делала когда-то «Будьте моим мужем». На Женину декорацию водили экскурсии. Правда, нам пришлось выдержать грандиозное сражение с мосфильмовской сантехникой — наше подземное пещерное озеро несколько раз протекало на нижний

этаж. Нам угрожали как словом, так и действием. Но мы выстояли.

Женя живет сейчас где-то на Западе. Во всю заграничную стену у него, говорят, висит наша отечественная первобытная пещера с тем самым озером.

Именно там, на этом самом озере, в пещере Глава рода советовал художнику Ушастому, находящемуся под арестом, бежать: «Скоро здесь будет очень плохо…» Ушастый остался, потому что там, какое бы это «там» ни было, ему не будет хорошо. «Это все равно, как будто после жизни, как будто я уже умру. И буду не я, а кто-то Другой. Я даже не знаю, какой он будет…»

А Женя воспринял совет Главы рода Ушастому — как обращенный лично к нему.

И уехал.

А Ушастый в конце картины погиб.

Звезды и кости

После «Искренне Ваш» я снова «вилась» вокруг Армена Джигарханяна, этого грандиозного актера, пытаясь найти и предложить ему роль, достойную его таланта. И эта роль, как мне кажется, нашлась — Глава рода. Ведь Армен для многих уже давно был признанным Главой кинематографической семьи, давно нес эту роль на своих мощных плечах. У него в жизни произошла глубокая личная трагедия. Но он не стал злее, угрюмее, мрачнее. Он стал мудрее.

Ходока (который не к Ленину, а по бабам) сыграл Сергей Шакуров. Сережа придумал себе смешную и точную профессиональную болезнь — радикулит: работа у него ответственная — поясничная. Мяса ему нужно больше, чем другим. Поэтому Ходок на стороне Человека Боя.

Николай Петрович Караченцов стал Человеком Боя.

Обаяние Николая Петровича, его стать, мужское начало предначертали ему круг его героев — положительных, благородных, справедливых, любимых народом.

Наш же Человек Боя — главный зачинщик ссоры, вражды, ненависти. Он рвется к власти любыми способами. «Потом мы займемся слабыми и беззащитными. Но пока пускай они потеснятся! А кто не хочет — от того мы будем избавляться».

И все-таки я пригласила на эту роль Караченцова, потому что неоднозначен он, этот Человек Боя! Потому что у него своя правда. И он верен ей. Потому что он силен и смел и может подчинить себе толпу. Он хочет навести порядок. Он хочет

сделать свой род могущественным и сытым.

«Клянусь будущим своего рода — я хочу мира, хочу покоя, порядка».

А обращаясь к Главе, который уходит в никуда, он просит:

«Не оставляй нас! Когда мы будем сидеть каждый у своего костра, то самый большой костер разложим тебе. Не думай, отец, что я все забыл. Ты хром из-за меня…»

Ну и потом, кто еще так же мужественно, как Николай Петрович, может переносить все тяготы первобытно-кинематографической жизни!..

Кто может так азартно и с таким звериным аппетитом грызть у костра огромную кость — тем более что кость искусственная, а мясо к ней прибито гвоздями и для достоверного блеска полито подсолнечным маслом! Только Николай Петрович! Только из любви к искусству, к Володину и чуть-чуть к режиссеру.

— Но зато в следующей картине — только в накрахмаленной белоснежной сорочке, во фраке, и еда только на серебре! — повторял на каждой такой «экзекуции» Петрович.

Наташу Гундареву мы пригласили на роль Вдовы. Володин страшно обрадовался, что Вдову будет играть Наташа. Он сказал, что давно и нежно любит эту великолепную актрису.

Наивная и хитрая, женственная и агрессивная, Вдова в исполнении Наташи Гундаревой — искренна и беззастенчиво беззащитна! Ей очень помогла костюмом Света Башлыкова (впрочем, и всем остальным исполнителям тоже), а гримом Саша Припадчев.

Вся мужская часть съемочной группы была тайно и явно влюблена в Наташу. А уж когда актриса решилась по ходу сцены искупаться в озере голышом — «мужчины затаили все дыханье»…

Позвонила Лене Ярмольнику. После роли «между строк» в «Человеке с бульвара Капуцинов» (одноглазый Мартин) он сказал:

— На маленькую роль не согласен.

— А на маленького человека?

Леня прочитал своего Долгоносика, загорелся.

В роли Красноречивого снялся противоречивый Стас Садальский. Подчас обаятельный, остроумный, широкий. А иногда каверзный, капризный, задиристый.

«Все сходится. Ребеночек не наш». Эта пущенная Стасом присказка гуляла по съемочной группе. В любых обстоятельствах и по любому поводу.

— Завтра выходной?

— Нет. Завтра работаем.

— Все сходится. Ребеночек не наш.

Правдолюб

В роли Длинного, писателя-правдолюба Каменного века, которого убивают еще в экспозиции, снялся Александр Иванов, известный поэт-пародист.

Саша даже придумал «историю» своего актерского дебюта в нашей картине: «Алла обратилась в Союз писателей. Чтобы дали кого-нибудь на растерзание — ведь в фильме предстояло писателя прикончить. В секретариате ей с радостью предложили на выбор: Солженицына, Войновича, Бродского, Довлатова… Но она выбрала меня: пародистов надо убивать в первую очередь».

Саша проявил себя на редкость дисциплинированным и точным актером. Единственное, что ему не очень удавалось — так это сцены со словами. Он даже просил: не давайте мне произносить слов…

Мы с Володиным не поверили и специально для него, думая, что ему это будет в радость, на два его слова в начальном тексте «Ты — украл» дописали еще двадцать два синонима: похитил, стянул, спер, спроворил, слямзил, стырил, слимонил, обжулил, своровал и т. д.

Однако Саша был честен по отношению к своим возможностям. Писать слова ему было гораздо проще, чем произносить их «с чужого плеча». Поэтому в картине этот эпизод идет под музыку. Без Сашиного голоса.

Но сцена, когда его убивают, сыграна им очень достоверно.

Он проявил недюжинную смелость: не каждый согласится, чтобы ему в спину летели стрелы. А Саша мужественно сказал: «Человек, который пускает стрелы в других (имелись в виду его сатирические стрелы), должен однажды испытать ЭТО на себе».

Конечно, стрелы летели не в саму спину, а в специальную дощечку, спрятанную под одеждой. Однако риск все равно оставался. Вдруг у стрелка дрогнет рука или расколется дощечка?

Не в глаз, а…

И такое действительно случилось, правда, не с Сашей Ивановым, а с Сашей Иншаковым.

И не в него полетело, а от него. И не он получил, а оператор. Оператором на картине снова был Гриша Беленький. Памятуя «глазную историю» на «Человеке с бульвара Капуцинов», Гриша

берегся от опасных стрел «скорпионов». Поэтому помогал каскадерам руководить боем, направляя его от камеры, что означало — ОТ себя.

Снимался эпизод: Иншаков (Скорпион) бросает копье в своего врага (Зубра). Мне хотелось, чтоб копье летело поверх камеры (наконечники были резиновые «под железо»). Но оператор не желал рисковать — и встал под углом. Саша бросил копье. Бросил сильно, по-иншаковски. Копье попало в дерево. Самортизировало и, отлетев в сторону, обрушилось… на оператора… Всего лишь шишка. Но от судьбы не спрячешься…

Бред

Несколько раз перед началом картины мы собирались — Леня Ярмольник, Сергей Шакуров, Николай Караченцов: репетиции, чтение сценария, обсуждение, предложения…

На «Человеке с бульвара Капуцинов» моим главным советчиком был Андрей Александрович Миронов…

Работа в «Двух стрелах» предстояла сложная. Очень важно было, чтоб мы договорились об условиях игры «на берегу» и чтоб актеры стали моими единомышленниками…

Чем больше актер, чем богаче он на талант, тем с ним легче работать. Ему есть чем делиться, есть что отдавать. У которых с талантом не густо, тем хочется больше «взять», чем «отдать», хочется урвать свой кусок славы. На съемочной площадке хочется выкинуть что-нибудь этакое. Чтобы блеснуть. Просишь:

— Встаньте вон там-то. Делайте то-то.

— Нет! Давайте я встану здесь и сделаю вот это!

Андрей Александрович Миронов, если хотел что-то предложить, всегда проявлял деликатность, отводил меня в сторонку и — тихо:

— Сейчас я скажу вам полную ерунду… бред… и вы можете со мной не соглашаться, но вдруг вам покажется это интересным…

И дальше Андрей предлагал свой вариант — это практически всегда было ТУДА, здорово, интересно, точно.

На съемке он делал это крайне редко. В основном все его предложения были в подготовительное время. Съемочная площадка — не место для публичных дискуссий. Вечером накануне (а лучше за месяц, в подготовительном периоде, когда режиссерский сценарий только пишется) можно сообща подумать, поспорить, принять другое решение.

На площадке на это нет ни времени, ни денег. Только с

согласия режиссера — и никаких других вариантов… Так уж устроен наш мир: режиссер — он всем режиссер. А не только сам себе.

Ушастые проблемы

Со звездами все выяснилось быстро. Искания и сомнения начались при выборе молодых исполнителей на роли Черепашки и Ушастого. Пробовались две пары: Оля Кабо — Саша Кузнецов и Ира Климова — Коля Добрынин.

И Саша, и Коля попробовались хорошо. Но что-то в Добрынине — диковатость, невычисляемость, нерв («четвертое измерение») — было мне ближе. Да и уши у Коли торчали, а у Саши — нет. А ведь героя-то звали Ушастый!

Ира Климова тоже мне показалась более точной. Оля Кабо, пожалуй, была ближе к XIX веку, нежели к каменному. Для Черепашки она была слишком классически красивой и… высокой.

Я уезжала на десять дней в Сирию с фильмом «Человек с бульвара Капуцинов». Нескольких наших кинематографистов пригласил большой друг Советского Союза, советского кино и советских женщин Ганем.

Решила не откладывать утверждение Добрынина на роль Ушастого, пока его не перехватили другие (он пробовался еще в нескольких картинах).

Предупредила:

— Фильм сложный. Работы много. Сниматься параллельно в двух картинах — не получится. Надо выбирать. Даю вам три дня.

Коля подумал и согласился.

Утвердили Добрынина и Климову Мы позвонили Оле и Саше и сообщили о нашем решении. Они очень расстроились. Я не люблю огорчать актеров. А Саша с Олей мне были очень симпатичны. Но…

И я укатила в Сирию

В Сирию я укатила в хорошей компании — Олег Руднев, президент «Совэкспортфильма», Алик Кумиров (оттуда же) и я.

Дом сестры Ганема. Сестра — чиновница от культуры. Светлый верх, темный низ. «Взбитая хала» на голове. Пистолет в дамской сумочке, сильный макияж на уже немолодом и непривлекательном лице.

Ганем все время беспокоится, пропустит ли строгая сирийская цензура мою картину…

— Я временно вырежу голую попочку Саши Яковлевой. А потом вставлю обратно. Или, если разрешишь, оставлю себе на память.

— Нет уж, потом положи попочку на место, — мы единодушны в требовании вернуть все части тела Сашки Яковлевой-Аасмяэ на родину.

Премьера моей картины в центральном кинотеатре Дамаска. В переполненном зале много людей в клетчатых арабских платках и при оружии. Мы — на сцене. Мне хлопают из вежливости. Не женское это дело — снимать кино, а тем более — стоять на сцене. Кумирову достается хлопков побольше. Но когда объявляют Руднева, зал взрывается грохотом аплодисментов, все встают. Потом тихо спрашиваю, почему. Переводчик объясняет: реагируют на слово «Президент» — фамилия их не интересует.

Приемы у именитых хозяев. Каждый из них норовит подарить нам по книге о политической жизни страны (естественно, на арабском языке), свою фотографию с президентом и обязательный рассказ о своем участии в становлении главы государства, а также о недооценке властью своих великих заслуг. Особенно сильное впечатление производят белая непрозрачная водка (кажется, анисовая) и домашние стрельбища из именного оружия в пьяном состоянии…

Еда была вкусной, обильной и очень национальной…

С утра кто-нибудь из нашей команды, включая переводчика, выпадал в осадок… То ли водка оказывалась несвежей, то ли наши желудки были не приспособлены к перевариванию арабской экзотики. У меня проблем не было. Я себя блюла… До одного дня…

Гостиница «Кемпински». По стенам стекают легкие водопады. Играет тихая музыка. Завтракаем в ресторане. Бокал вина. Я поднимаю голову — на меня смотрит синеглазый красивый господин… Он поднимает свой бокал, как бы приветствуя меня. Я улыбаюсь ему в ответ.

Через полчаса, когда я уже собираюсь на очередной прием «с анисовой», в моем номере раздается звонок. Его зовут Вилли. Он — австрийский полковник. Служит здесь в войсках ООН. Сейчас у него день отпуска. Он предлагает мне показать город.

Я тут же сообщаю коллегам, что настал мой черед лечить «полное расстройство» всего организма, и не еду ни на какие приемы. Мы удираем с Вилли в старый город… Я никогда бы не увидела этих улочек, базаров, ремесленных кварталов и построек, сохранившихся с доисторических времен…

Когда я вечером вернулась в гостиницу, мои коллеги уже беспокоились. Я сказала, что абсолютно выздоровела и потому позволила себе немножко прогуляться.

Вернулась из Сирии. В моей группе — траурное настроение.

Коля Добрынин отказался сниматься. Его утвердили в другой картине и вот-вот утвердят в третьей.

Коля пришел просить у меня прощения. Не знаю почему, сказала:

— Бог не простит. Так не делают.

Злости у меня не было. Было ощущение, что кто-то наверху распорядился судьбой картины, да и его, Колиной (в третьей картине его не утвердили, а вторая не состоялась вовсе).

Я давно его простила. Очень обрадовалась его блестящей работе в «Русском регтайме». Сейчас у меня с ним чудные отношения. Он все-таки снялся у меня — но только в минутном рекламном ролике (была у меня и такая работа — реклама телевизоров ТВТ), — здесь уж отказать мне он не смог.

Расставшись с Добрыниным, позвонила Кабо и Кузнецову:

— Больше никаких проб. Беру вас сразу и навсегда!

Потом Саша рассказывал, что у него чуть сердце от счастья не выпрыгнуло. Но чтобы не выдать волнения и не разочароваться еще раз, он, собрав в кулак всю свою волю и все актерское мастерство, сказал ленивовато:

— А у меня уже другие планы… и у Оли — она уехала в Румынию.

Но сопротивление было недолгим.

Ничего страшного

Часть съемок проходила в Светогорске, недалеко от Выборга. Места дивные. Первозданные озера. Богатейшие леса. Едва мы приезжали на место съемки, группа исчезала. Среди деревьев в высокой траве торчали только целеустремленные съемочные зады. С трудом оттаскивала их от грибов и ягод.

— Давайте немножко поработаем!

— Но только не очень… чтоб не устать. Сбор грибов, особенно белых, а также ягод, особенно черники с брусникой, требует много физических сил…

По утрам и вечерам, когда группа собиралась на съемку или возвращалась с работы, по гостинице плыл сумасшедший запах картошки с грибами…

Иногда перепадало и мне.

Стук в дверь — рано утром. Я выскакиваю из душа в «мокром» виде спросить «кто там»…

Но дверь у меня, оказывается, не была заперта, и «Кто-там» (а это был Женя Шелестов — бригадир осветителей, прекрасный работник), не дождавшись ответа, вошел в номер, чтоб поставить вкусную тарелку на стол. Тут мы и встретились. Точнее, столкнулись.

Я завизжала, пытаясь прикрыть части режиссерского тела.

Женя спокойно посмотрел на меня и сказал:

— Ничего страшного…

Потом хохотали все вместе. Все-таки его оценка была достаточно положительной…

А однажды целую сковородку жареных грибов притащил один каскадер. Я ее быстренько опустошила, а он сказал задумчиво:

— Правда, я в грибах не очень-то разбираюсь…

Тут уж я его утешила:

— Во время съемок меня отравить невозможно.

Съеденный артист

В «первобытной» картине снимались «дикие» животные. Дрессировщики должны были привезти из Москвы зайцев, волков и прочей твари по паре. Вместо зайцев приехали кролики. Когда их выпустили, они испуганно забились под кусты и никуда не хотели убегать, несмотря на все призывы режиссера. Волки же оказались такими замученными, что вызвали общее сострадание.

Зато был симпатичный дикий кабанчик Борька. В одной сцене, когда Глава рода разговаривает с Ушастым, Борька проявил творческий порыв. Он должен был пробежать где-то вдалеке. Открываем клетку — наш кабанчик бросается к воде. И плывет! Хватаем камеру, снимаем.

После съемок животных дрессировщики сказали, что кабанчика обратно не повезут:

— Пусть с вами живет.

Приближался День кино. Ко мне подошли водители:

— Кабана-то девать некуда…

— Почему? Выпустите на волю.

— Во-первых, на воле он погибнет… А во-вторых, праздник! Шашлык из свинины!

— Я артистов не ем. Выпускайте!

В День кино мы очень веселились. Вдруг кто-то из каскадеров подает мне кусок мяса:

— Попробуйте. Спецзаказ для вас.

Я поняла, что они все-таки зажарили «артиста». Отодвинула тарелку и расстроилась. Праздник был испорчен.

Долгоносик

Леня Ярмольник сыграл роль друга Ушастого, предавшего его и поплатившегося за это жизнью. По-моему, это одна из лучших его ролей…

Именно в Долгоносике, сомневающемся, предающем и все-таки обретающем мужество и смелость, Володин, как мне кажется, ближе всего подвел первобытного человека к нам. Ведь нет людей, которые не грешили хотя бы в помыслах. Особенно сегодня, когда грех стал единицей измерения благополучия. И все-таки наступает момент Раскаяния и обретения высшей свободы, высшего смысла… Ну, конечно же, это и о себе… И о каждом из нас…

Леня сформировался в борьбе за место под солнцем. Одним такое место уготовано от рождения: мама актриса, папа режиссер. Хорошая квартира. Новая машина. Просторная дача. Веселый институт. Красивое рабочее место.

Другие — и чаще всего это люди приезжие, периферийные — каждый клочок внимания к себе завоевывают, сдирая кожу.

И Леня тоже. Комната в коммуналке. Машина с черными латками через все бока. Зато глаза… В них — бешеная энергия и бешеный восторг перед будущей жизнью.

Хлебнув сполна, Леня не равнодушен к чужой беде.

Ассистент режиссера Д. тяжело заболела. Операция стоит дорого. Да и попасть в хорошую клинику не просто. Леня буквально выворачивается наизнанку: достает деньги, устраивает в больницу. Какая-то девчонка (он ее и в глаза не видел!) обращается за помощью: тоже предстоит операция. Он и ей не может отказать. Таких эпизодов в его жизни много. Но о них мало кто знает. А на виду другие, в которых много суеты. И этого ему не прощают.

Если бы меня спросили, как я отношусь к явлению под названием «Леонид Ярмольник» (актеру, продюсеру, другу, шоумену), я бы ответила, что к каждой ипостаси этого явления — по-разному. Часто до полной противоположности.

На «Двух стрелах» Леня работал прекрасным артистом и… хорошим товарищем.

Снимался эпизод, где чужое племя Скорпионов нападает на наше — Зубров. Женщин умыкают.

Нина Маслова играла нашу женщину, от которой мужчины отлетают по принципу «сам напал — сам и спасайся». Каскадер Саша Жизневский был воином из чужого племени. Он прыгал с дерева на Нину. Она затаскивала его за камень. Оттуда вылетала его одежда, и потом он убегал от нее голый, правда, спиной к камере. Саша Жизневский смутился:

— Прыгну с любой высоты. Но голым не побегу.

Я с тоской осмотрела «запасных игроков». По фигуре на Жизневского больше всего походил Ярмольник.

— Леня, пробежишь голым?

— Запросто. Только девчонки пусть не подсматривают. Боюсь за них. Ослепнут.

Все получилось замечательно: прыгал Саша — бежал Леня. Потом довольный Ярмольник подошел к Жизневскому:

— Дурак ты, дурак! Прыгал ты. Бежал с голым задом я. Потом режиссер все это смонтирует в один эпизод — и вся страна будет уверена, что это задница твоя, а не моя.

Через несколько лет я узнала, что с Сашей Жизневским, который ни разу не сломал себе ничего на съемках, совершая самые опасные трюки, случилась беда: он попал на дороге в аварию и повредил позвоночник. С тех пор недвижим. Ребята-каскадеры поддерживают его, как могут. Они так рискуют, наши каскадеры, и так мало получают, что если из-за несчастного случая выбывают из профессии, то не могут прокормить ни себя, ни семью. Хорошо, что у них существует такое понятие, как Дружба. Настоящая, а не показная.

Любовный круг

Мы долго думали, как снять любовную сцену Черепашки и Ушастого. Чтобы без пошлости. Только красота молодого тела. Только нестыдное бесстыдство первобытной нежности. Никакого опыта подобных сцен у нас еще не было. То, что демонстрировалось в «новом» кино, не имело никакого отношения к любви.

Нам нужна была мягкая динамика. Перетекание жестов. Обворожение…

Был сделан специальный вертящийся круг. На нем, обнявшись — Саша и Оля. Круг медленно вращался в одну сторону, а оператор с камерой — в другую.

После одного из просмотров ко мне подошла женщина:

— Я смотрела ваш фильм вместе с сыном. Ему тринадцать лет. Такую любовь, как у вас на экране, ему можно смотреть. Даже нужно.

Одна немецкая газета — картина побывала на «Днях “Мосфильма”» в Берлине — написала о любовной сцене Черепашки и Ушастого: «Это самая красивая эротика 89-го года».

Кроме этой «красивой» — было еще несколько просто голых, полуголых и первобытно-эротических сцен. В начале съемок я долго спотыкалась о необходимость предложить актерам обнажиться… Подбирала слова… К концу картины в группе раздавался клич — кто еще не снимался голым?! Надо сказать, что желающих было достаточно… Особенно азартной получилась сцена Шакуров — Маслова.

Один зритель решил даже поделиться письменно своими восторгами, которые он адресовал Нине Масловой:

«Особое впечатление на меня произвела сцена у реки, где девушка или женщина насилует мужчину-ходока. Роль исполнена с большим мастерством. Главное то, что эта девушка соответствует моему идеалу… Я сожалею, что мне в свое время (а время просрочено) не удалось встретить такой замечательной девушки. Не смею и мечтать, но хотелось бы с ней познакомиться. Я мог бы составить ее тихое счастье».

Я передала Нине его предложение. Но она почему-то не поспешила навстречу своему «тихому счастью»…

А мой сочинский почитатель Володя Бутылочное горлышко сказал задумчиво:

— Линишна… Ты, оказывается, вон чего… А я думал — только мордобой любишь. Да-а…

Девять Муму

Конечно, из пьесы «выудить» кино — сложно. Все равно остается достаточно много «говорящих голов». И тогда на помощь зрелищу приходят каскадеры: Зубры и Скорпионы.

Саша Иншаков приехал в экспедицию на красивой белой машине. Все обзавидовались… Но она оказалась не сильно «везде-ходом», чаще «везде-волоком». Зависть отсохла.

Воробей (Сережа Воробьев) привез в экспедицию таксу. Приделал ей корону из перьев и крылья. На хвост смастерил накладку из искусственного меха. Получился «страшный первобытный зверь»! Сережа хотел, чтоб этот «зверь» еще и летал: «веревочку через блок…» Но такса категорически от полетов отказалась. Более того, она сорвала с себя все присобаченные на нее одежды. Пришлось оставить таксу в покое. И самим заняться любимым делом: падать, летать, стрелять из лука, всплывать из воды…

Снимался эпизод, в котором из воды одновременно поднимаются девять голов. Каскадеры должны были под водой досчитать до определенной цифры и всплыть.

— Мотор!

Всплывают пять, потом еще трое, потом последний. Не годится. Снова ныряют.

— Мотор!

Первым всплывает парик «первобытного человека». Стоп.

Ныряют.

— Мотор!

Опять вразнобой.

— Ну мы не можем там усидеть — вода выталкивает!

Нашли большие тяжелые камни. Дали каждому:

— Будете как девять Муму. Теперь не всплывете. Досчитайте до восьми, отпускайте камни — и вверх.

— Мотор!

Всплыли. Ровно восемь.

— Господи, где девятый?

— Не знаем… Был на дне…

Начались поиски, ныряния… Когда все ушли под воду, всплыл радостный девятый:

— Не рано?

Диагноз

Последний кадр фильма — маленький остров, на котором остаются герои фильма (потом комбинаторы превратят его в земной шар) — снимался в районе Гагры.

К этому времени мы уже переехали из осеннего Светогорска поближе к теплу. Выбрали прекрасное место для съемок основных заседаний первобытного Совета — в ущелье по дороге на озеро Рицу, сняли эти заседания и готовились к финалу.

Прибыл высоченный кран со «стаканом». Уперся лапами в узкое горное шоссе, оставив маленькую полоску дороги для

проезжающих мимо машин и автобусов с туристами, и завис над местом съемки — над обрывом.

В «стакан» отважно залез оператор. Я рванула за ним. Мы поднялись на очень большую высоту.

«Стакан» покачивало. Экскурсионные автобусы с интересом наблюдали за нашим взятием высоты, то и дело норовя наступить на лапу крану. «Стакан» дребезжал от каждого порыва ветра, от каждой проезжающей машины. Было жутковато.

— Ну что, Сурикова, если спустимся из этого «стакана» невредимыми, придется принять стакан на грудь!..

— Два стакана. Мотор!

КИНО — это диагноз.

ЧОКНУТЫЕ МЫ НЕ ВСЕ, А ЖАЛЬ…

Один мой друг, Саша, преподаватель МГУ, учил по «Чокнутым» студентов. Другой, Игорь, ходил с этой кассетой по гостям в Лос-Анджелесе. Потом отчитывался: кормили хорошо и даже наливали. Третий, Шура, благодаря «Чокнутым» обрел семейное счастье.

Как-то вечером он ждал в гости девушку. Приготовил шампанское, фрукты и кассету с эротическим фильмом — «для вдохновения». Когда шампанское было выпито, фрукты съедены и настала очередь «вдохновения», Шура перепутал кассеты. Включил «Чокнутых».

Полтора часа они смотрели, смеялись… Забыв, зачем собрались.

— Она так красиво смеялась! — благодарил потом меня рассеянный влюбленный. — Я просто голову потерял…

Разворот на 180…

Сценарий «Чокнутых» написали в 1989 году Владимир Кунин и Ким Рыжов. С Володей Куниным мы были знакомы давно и давно питали друг к другу симпатию. Но никогда вместе не работали. Питать симпатию гораздо легче на расстоянии. (Кунин был автором сценариев «Интердевочки», «Хроники пикирующего бомбардировщика» и еще двадцати фильмов.)

Володя показал мне новую сценарную заявку. Про первую железную дорогу в России. (Она была написана совместно с Рыжовым, но потом, к сожалению, Ким умер, и заканчивали картину мы уже без него.) Заявка была обаятельная. Но меня тем не менее не вдохновила. К этому времени уже активно пользовались спросом дешевые легкие картины. Быстро снял, быстро продал, быстро прокатал, быстро разбогател. А здесь все было наоборот — костюмная, многонаселенная, трюковая картина. Дорогая. Железно-дорогая, как пошутил кто-то.

«Да зачем мне это надо? — убеждала я себя. — Что я, чокнутая?»

К этому времени у меня еще не «зажили раны» от двух предыдущих сложнопостановочных картин — «Человек с бульвара Капуцинов» и «Две стрелы». Я мечтала о фильме тихом, уютном, личном. Без драк, трюков, костюмов и массовок.

Вот и Николай Петрович Караченцов ждал от меня картину — чтобы в белом и на берегу синего!

Владимир Николаевич Досталь, тогда генеральный директор «Мосфильма», исходя из общей «двухкопеечной» ситуации в кино, как-то полушутя посоветовал мне:

— Возьми двух актеров, посади их в тюремную камеру и снимай — не хочу! Ну или в крайнем случае — посади их на пустынном пляже! Ни костюмов, ни декораций, ни трюков, ни проблем!

Словом, все было против того, чтобы снимать «Чокнутых».

И когда казалось, что победа над собой уже свершилась, я вдруг неожиданно для себя самой развернулась на 180 градусов и пустилась бежать впереди паровоза, переплетая любовную линию с железнодорожной. Это был бег с малодоступными препятствиями, с бьющим по голове шлагбаумом. Это была постоянная борьба за каждую шпалу. Несколько раз на протяжении съемок мне хотелось лечь на рельсы и прекратить свои мучения раз и навсегда.

Бездорожье, безденежье, безалаберность и бесшабашность! — как можно работать? Но и не работать нельзя — иначе беспросветность, бессмысленность, беспомощность и беспощадность.

За мной были съемочная группа и мои любимые артисты. Отступать было некуда. Пришлось стоять до конца.

Оператор «Чокнутых» Валерий Шувалов как-то сказал мне: «Знаешь, почему я не становлюсь режиссером? Думаешь, не смог бы? Смог бы — как другие операторы, перешедшие в режиссуру, и не хуже…. Но ответственность сумасшедшая! Я бы не выдержал — повесился».

Хобби замминистра

«Чокнутые» — это история о том, как в 30-х годах XIX века из цивилизованной, вполне конституционной Австрии отравляется в диковатую, реакционную Россию инженер-путеец Отто фон Герстнер. Чтобы здесь, в России, построить железную дорогу.

— Только в России, — восклицает наивный Герстнер перед отъездом, — талантливый иностранец может добиться свободы творчества, славы, денег. Только там. В стране, где есть спасительное самодержавие, а не наша слюнтяйская парламентская система!

Конечно же, конный экипаж инженера, едва ступив на русскую дорогу, мгновенно развалился. Но прогрессивная идея строительства чугунки овладела умами передовой части населения Российской империи.

Передовая часть включила в себя отставного поручика Кирюхина, здоровенного мужика Федора и таинственно прекрасную девушку Марию, олицетворяющую Божье провидение. Даже жандармский сексот примкнул к этой компании.

Ну а противостояла им группа «истинных патриотов» (Чаадаев называл их «разнузданными патриотами»), утверждавших, что «богомерзкая чугунка русскому духу противна». Она и Отечество сгубит, и народ развратит, и вообще «путешествие будет страшно опасным, так как в случае отрыва паровоза вместе с ним разорвет и всех путешественников».

Тогдашний министр финансов граф Канкрин говорил: «Железные дороги подстрекают к частым путешествиям без нужды и таким образом увеличивают непостоянство духа нашей эпохи». (Эта фраза очень перекликалась с заявлениями некоторых наших депутатов, в то время обсуждавших закон о въезде-выезде.)

Нам была очень нужна и даже необходима в работе помощь «железных дорожников». И мы, прославляющие их историю, вправе были на нее рассчитывать. Дали почитать сценарий заместителю министра путей сообщения. Высокий чиновник насупился:

— Я имею такое хобби (товарищ малость перепутал хобби с мнением), что фильм про железнодорожников не может называться «Чокнутые»! И я такой фильм не разрешаю.

Но его «хобби» осталось при нем, а картина вышла под этим названием.

Оля и Петрович

Главные роли в картине сыграли Ольга Кабо и Николай Караченцов.

Кабо вписалась в роль мгновенно, потому что Марию — чистую, нежную, чуть ироничную и прекрасную — Оле и играть было нечего. Эта роль замечательно ложилась на ее высокий чистый лоб, бархатные глаза в пол-лица… И хотя я смотрела других актрис, это было скорей просто опробование характера, а не поиск исполнительницы.

А вот с ролью корнета Родика Кирюхина у меня как-то не складывалось. Мы искали актера не старше тридцати. И не находили.

Олег Меньшиков, как всегда, «ускользал из объятий», и делать на него ставку было опасно.

Другой претендент смутил меня тем, что прежде чем

прочесть сценарий, спросил, сколько он получит. Может, это была его шутка, но чувство юмора в тот момент мне изменило.

Николай Петрович Караченцов пришел по старой дружбе просто помочь провести пробы, подыграть Оле Кабо. Но он так хорошо «подыграл», что я затосковала. Когда работа в кино перерастает в дружбу, это дорогого стоит и случается не часто. Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, что у тебя на экране.

Тем не менее мы продолжали пробовать других молодых актеров. В конце концов я поняла, что лучше возвести корнета в звание поручика.

Но Караченцов уже уехал с театром на гастроли в Питер. На душе сделалось тревожно: вдруг его перехватит другой режиссер и мы не сможем работать вместе?

Я помчалась в Питер.

Поезд подходил к Ленинграду, и по вагонному радио, которым по утрам будят пассажиров, вдруг зазвучал голос Николая Петровича. Он пел: «А жизнь во всем всегда права, и у нее свои слова». Он отвечал мне на мои поиски и терзания. Вот и не верь после этого в предзнаменования!

Я нашла Николая Петровича в гостинице «Октябрьская» и с порога спросила:

— Если я присвою вам звание поручика, вы будете у меня сниматься?

— Лучше бы сразу фельдмаршала! Но если у вас не нашлось подходящих эполет… Согласен пока на поручика.

Во время съемок стало ясно, что мы искали и ждали именно его, этого поручика. В нем сочетались озорство и суровое военное прошлое, ироничность и напор, авантюризм и безоглядная вера в правое дело. Ни в ком другом этого крутого замеса не было — молоды… Загадочная русская душа жила в поручике истинно и вольготно.

Загадочная русская душа,
В тебе сегодня песенная нежность,
А завтра безрассудная мятежность.
Так хороша ли ты — нехороша…

Юрий Энтин и Геннадий Гладков писали песню о загадочной русской душе, уже слыша голос Петровича, уже представляя удаль его героя.

…Кто-то может удивиться, что я настойчиво величаю Караченцова Николаем Петровичем. Это вовсе не приятельская шутка. Мы действительно общаемся исключительно на вы и по имени-отчеству. И хотя дружны много лет, но никогда не

переходили на ты. Иногда в момент особого творческого единения я могу назвать его «Петрович» — но все равно на вы.

Так же мы общались с Андреем Александровичем Мироновым.

А, например, с Леней Ярмольником мы давно на ты. Правда, иногда, когда ситуация заворачивает куда-то не в лучшую сторону, мы переходим на вы, чтобы поставить необходимый барьер:

— К барьеру, Леонид Исаакович!

— Извольте, Алла Ильинична…

Кроме «Человека с бульвара Капуцинов», «Двух стрел» и «Чокнутых» у нас с Петровичем есть еще маленький клип «Леди Гамильтон». Он — как «легкое дыхание», как междометие, как мечта о прошлом (слова Юрия Рыбчинского, музыка Владимира Быстрякова). Один кадр из этого клипа мне особенно дорог. Там офицер, которого играл Караченцов, уходит с дамой (Олей Кабо), из-за которой только что дрался, — уходит спиной от камеры. Но что это за спина! С приподнятыми от ощущения собственного достоинства плечами и победительно оттопыренными руками: ну что, взяли?! Это не вычислено. Это прожито…

Когда нам изредка удается собраться всем вместе, то еще «до первой» мы обязательно смотрим наш клип. А потом и после первой…

На премьере «Чокнутых» в Доме кино один коллега Николая Петровича по театру подошел ко мне с поздравлениями, а потом все-таки укусил:

— Но почему Караченцов? Что, уж и артистов нет других?! — При этом у него было абсолютно нецензурное выражение лица. Видимо, наш фильм наступил ему на самое то место, где больно. Мне стало его жаль.

— Ничего, — ответила я. — Не переживай так. У тебя еще все сложится.

…Мы снимали сцену объяснения в любви между Родиком и Марией. В этот день у Оли была температура тридцать девять. Я должна была бы отменить съемку, но Ольга сказала:

— Я же понимаю, что из всех температур для нас важнейшей является кино. Давайте снимать…

Она сыграла вдохновенно и прочувствованно. Быть может, даже более прочувствованно, чем было предусмотрено сценарием. Мне показалось, что Оля в тот момент думала о своей несбыточной любви и красивые крупные слезы, катившиеся у нее

из глаз, были не слезами киноактрисы, а своими, настоящими.

Караченцов, увидев их, немедленно среагировал и отыграл: он провел рукой по Олиному лицу и сказал: «Соленые… Настоящие, значит?» Это тоже не было предусмотрено сценарием.

Оля вообще человек самоотверженный. Рисковый. И все хочет делать сама. В фильме «Крестоносцы» она неслась на мотоцикле с Сашей Иншаковым в коротеньком сарафанчике, едва держась одной рукой за мужественное Сашино плечо. Мотоцикл попал на разлитое масло (какая-то Аннушка постаралась), и актриса просто осталась без кожи на руке и ноге. Заживали раны долго, болезненно. Но съемок Ольга не остановила.

Вдруг звонит мне из Турции:

— Завтра прыгаю из окна четвертого этажа гостиницы. Это финальный кадр картины.

— Ты хочешь, чтобы он стал финальным в твоей жизни? — почти закричала я. — У тебя что, три позвоночника? Ты сначала хотя бы выйди замуж, чтоб было отчего из окна выбрасываться! Я не разрешаю! Пусть прыгает дублер.

— Не волнуйтесь: мы прыгаем вместе с Сашей Иншаковым. Все будет хорошо!

На этот раз действительно обошлось. Но я и сейчас считаю, что прыгать ей не следовало. Я видела фильм. Прыжок был снят не лучшим образом и риска не стоил.

Так же отчаянно она впрыгнула в свое замужество. И так же самоотверженно выпрыгнула, оставив себе дочку Танечку.

Что для русского карашо…

На «Чокнутых» у меня впервые снимался иностранный актер. Это ведь была совместная картина с немцами.

Мы перевели сценарий на английский и немецкий языки и через внешнеторговую фирму «Мосфильма» стали предлагать его разным иностранным кинопродюсерам и кинокомпаниям. Немецкий перевод был сделан блестяще, английский же не удался.

Англичане, прочтя сценарий, вообще не поняли, о чем речь, почему это комедия. А немцы из фирмы «Домино» восхитились и пригласили нас с Юрием Доброхотовым, тогдашним главой внешнеторговой фирмы «Мосфильма», на переговоры в Гамбург.

До Франкфурта мы с Юрием летели самолетом, а там нас должен был встретить представитель фирмы «Домино» Матти

Гешонек, сын Ирвина Гешонека, очень известного в прошлом актера из ГДР (тогда стена между ФРГ и ГДР еще стояла нерушимо).

Матти когда-то закончил ВГИК и прилично знал русский язык и русские нравы. Наверно, поэтому именно его фирма «Домино» пригласила для такого необременительного сотрудничества. Ему выделили классный черный «Мерседес» и попросили довезти нас до Гамбурга.

В аэропорту нас с Доброхотовым никто не встретил. Мы прождали сорок минут, вспоминая о хваленой немецкой пунктуальности известными русскими словами. Юра занервничал и стал собираться обратно в Москву, как вдруг появился высокий плотный парень с красным лицом, красными глазами и красным мятым галстуком. Это был Матти. Он стал сбивчиво объяснять:

— Ich bin устать. Я ехать из Бонн, не спать целый ночь…

От него разило такой смесью неизвестных мне напитков, что меня просто зашатало…

Матти повел нас в огромный, на десятки тысяч машин, гараж аэропорта, долго искал машину, раза два пытался сесть в чужие. Наконец нашел ту, что была выделена нам. Мы уселись на мягкие сиденья, полагая, что теперь с комфортом домчимся до Гамбурга.

Матти стал выезжать, не рассчитал, разворачиваясь, и стукнул блестящий новенький «Мерседес» о гранитный столб. К моему глубокому удивлению, особого огорчения это у него не вызвало:

— Это не мой машин…

Мы смело выехали на трассу — правда, сразу на встречную полосу. Тут мое удивление стало еще более глубоким. Я поняла, что в следующий раз буду удивляться с небес, и… села за руль сама.

К этому моменту у меня уже был некоторый опыт вождения «Запорожца». Не более. Но лучше ехать три дня со скоростью 40 км/ч и доехать целыми и невредимыми, чем… Чем Mein Gott знает что!

Уговаривать Матти не пришлось. Он тут же отдал мне руль, показал, где и что нажимать, и уселся рядом. Я надеялась, что наш немецкий друг немного отдохнет и вскоре сменит меня. Вместо этого я увидела, как он незамедлительно полез в «бардачок», достал заготовленную там выпивку и сделал внушительный глоток. Потом еще. И еще. Потом «уставший» Матти, «добирая» всю дорогу, хватал меня за руки и бормотал:

— Ich liebe dich… я тьебя льюблю. Ты есть мольодец!

(Немецкая душа, прошедшая в нашем ВГИКе серьезный курс обучения, тоже может стать загадочной.)

Я же ехала, судорожно вцепившись в баранку.

Благо, у них хорошие машины и дороги. Сначала моя скорость была 40 км/ч, потом доросла до 50, потом — 70, потом — 90.

Километров через двести, когда мы остановились перекусить, Доброхотов участливо спросил меня:

— Устала?

Можно было и не спрашивать: пальцы были скрюченными, как будто меня вытащили из морозилки, руки не разгибались, ноги не выпрямлялись.

— Давай я тебя сменю, — предложил Юра.

— А ты водишь машину? — спрашиваю.

— Двадцать лет…

— Так что же ты сразу не сел за руль?!

— Если бы ты этого не сделала, я бы не сел ни за что, — ответил он твердо.

Сказалась закалка бывшего советского разведчика — не делать никаких опрометчивых шагов: а вдруг провокация?

Под вечер мы благополучно прибыли в Гамбург. Решили на фирме пока ничего не говорить о нашем путешествии: я приберегала этот козырь. Когда же ровно через три месяца немцы приехали в Москву подписывать контракт и начали мягко, но жестко выяснять, справлюсь ли я, кляйне фрау, с такой тяжелой в производстве картиной, я выложила им историю моего «управления». Козырь был вытащен в нужный момент. Немцы тут же капитулировали. Контракт был подписан.

Уля

Антона Францевича Герстнера, приехавшего в Россию строить первую железную дорогу, сыграл немецко-австрийский театральный актер Ульрих Плайтген. Он стал пятой из предложенных кандидатур. Две кандидатуры отпали, потому что испугались ехать в Россию. Еще две запросили бешеные деньги.

Как-то мы были в Вене на выборе натуры. К нам в гостиницу пришел долговязый человек с наивным взглядом. Его руки и ноги жили своей, отдельной от него жизнью. Он смеялся, забрасывая голову вверх и булькая, точно кастрюля с кипящей картошкой. Это был Ульрих. Я обомлела и, подобно Татьяне Лариной, выдохнула: «Это он».

Потом он рассказал нам, что в детстве всегда тащил маму гулять туда, где ходили поезда, то есть в душе был железнодорожником с младых ногтей. Рассказал, что очень любит

русскую литературу — Толстого, Достоевского, Чехова и почему-то Маяковского, русскую музыку — Чайковского и Шостаковича. А на его рубашке под воротником прятался талисман — маленькая красная звезда. Возможно, Уля нацепил эту звездочку специально для нас — он очень хотел сниматься, — но все равно было приятно.

На съемках Ульрих вел себя безукоризненно. Всегда был готов, никогда не позволял себе быть не в форме. Точно знал свою роль. Причем сложность заключалась в том, что он играл на немецком, а партнеры — на русском, которого Уля не знал вообще. Но он точно знал, какая сцена снимается, о чем она и как по-русски звучат последние слова его партнера.

Днем Уля никогда не обедал, чтобы не расслабляться, и никогда не брал на площадку свою очаровательную жену Анну, чтобы не нервничала.

Обозленным или, скорей, даже раздосадованным я видела Ульриха лишь однажды, когда реквизитор в очередной раз принесла ему пенсне со шнурком не того цвета. Как профессионал он знал, что в кадре не могут появляться разные шнурки. Ульрих так распереживался, что после этого реквизитор Нина стала проявлять к нему особое внимание и «завязала» экспериментировать со шнурками.

Ульрих не ставил себя в привилегированное положение и не предъявлял никаких «буржуазных» требований, кроме туалетной бумаги и минеральной воды в номере. Надо сказать, что даже эти пустяки были в то время проблемой, но мы мужественно справлялись. Ведь что для русского здорово — немцу карачун.

Мы называли его Улей, Улечкой и поначалу трепетно оберегали. А когда сдружились, стали позволять себе подшучивать — на смешанном англо-немецко-жестовом языке. Особенно Леня Ярмольник:

— Ну теперь-то ты в у себя в Германии наконец станешь популярным актером. У самой фрау Суриковой снялся! С самим герром Караченцовым! У тебя теперь жизнь изменится: деньги повалят, приоденешься как человек, квартиру купишь. Немцы звание дадут — заслуженный улей.

Уля смеялся своим булькающим смехом.

Стукач и моль

Леня Ярмольник снялся в роли стукача Тихона Зайцева, служившего у графа Бенкендорфа. Это была наша с ним четвертая картина. Роль Лене нравилась, и он фонтанировал, придумывал,

предлагал.

Работать с ним было интересно и надежно. Он никогда не опаздывал, прилетал на съемку из любой географической точки планеты. Однако очень не любил сидеть на площадке без дела. Если, не дай Бог, его вызвали, а площадка еще не готова, он воспринимал это как личное оскорбление.

Используя его обязательность, я максимально насыщала кадр юркой фигурой Тихона Зайцева, который снимался и за себя, и «за того парня», что отсутствовал в данный кинематографический момент. Иногда, правда, Леня бунтовал по этому поводу. Например, я просила:

— Лень, пройди вон там среди гуляющей толпы дворян в шубах.

— А молью не пролететь? — интересовался Ярмольник. — Такая зимняя моль из-под дворянского платья!

Он действительно очень много предлагал. И многое действительно «шло в дело». Предлагая самые рискованные трюки и гэги, Леня первый устремлялся к их осуществлению. Залезал по горло в мерзлую болотную жижу, часами репетировал в холодном венском фонтане, ломая ногти, вскарабкивался на толстенное дерево, как диковинная птица, таился в вороньем гнезде.

В «Чокнутых» второй раз мелькнул голый зад Ярмольника.

Оператор Шувалов смастерил шутку: «Бери Ленин зад на вооружение — теперь он будет твоим талисманом».

В Новгороде Великом, где мы проводили фестиваль «Улыбнись, Россия!» и где меня застал юбилей, Леня подарил мне на день рождения самый экстравагантный подарок — СТРИПТИЗ в собственном исполнении. Правда, до обнародования голого зада на сцене дело не дошло, но идея «главного талисмана» просвечивала в каждом движении.

Филиал «Лейкома»

В команде «Чокнутых» дебютировал актер театра «Ленком» Сергей Степанченко. Раньше он снимался в эпизодических ролях, но тут сыграл по-крупному: силача Федора по кличке Пиранделло. Федор собирал по рублю с проезжающих по сломанному мосту за то, что удерживал мост на своих могучих плечах.

На эту роль пробовался Юра Думчев, мой «крестник», Белое перо из «Человека с бульвара Капуцинов». А ленкомовцы привели Сережу. Хотя ростом он был пониже, но талантом все же погуще.

Теперь он снимается на равных со своими коллегами из «Ленкома» и даже «равнее».

Кстати, о «Ленкоме». В «Чокнутых» я создала небольшой филиал этого театра, поскольку в трех ролях у меня снялись его актеры — Караченцов, Проскурин, Степанченко. А еще одну роль, графа Лобанова-Ростовского, сыграл тоже ленкомовец, ныне, увы, покойный — остроумнейший, интеллигентнейший, матерщиннейший Всеволод Ларионов.

Нет правил, кодексов, законов
Для чокнувшихся от любви.
Мой синеглазый Ларионов!
Не отвергай! Не погуби!

Эту нежную записку я написала ему, завлекая в совместную работу.

Я очень благодарна Марку Захарову, который отпустил всех актеров ко мне на съемку и не только не ревновал, а даже приветствовал.

«Дорогой Марк Анатольевич! — писала я ему сопроводительную записку — дополнение к официальному посланию с просьбой отпустить актеров. — Я счастлива представившейся мне возможностью обратиться к Вам. Ваше грустное и талантливое лицо мелькает иногда на перекрестках моей судьбы. И это для меня тепло, трепетно и, простите, вдохновенно. Я люблю Вас Сегодня — Ваше творчество, Ваших друзей, Ваших актеров. Люблю Вас Завтра — надеюсь. Люблю Вчера. Из того самого Вчера, к которому была причастна, и дарю Вам эту фотографию». (Речь шла о фотографии из картины «Умеете ли вы жить?», где я была ассистентом.)

Вообще ТЕАТР — это Бесконечность со знаком Непререкаемости.

В кино (я не имею в виду лишь Комедию) можно проскочить, обойти на повороте за счет многих случайных совпадений, можно спрятаться за оператора и художника…

Театр обнажает и обнародует. Ты или Есть, или Нет. В театре, мне кажется, обмануть нельзя. За декорации не спрячешься, а репетиции нацелены на режиссера поточней гранатометов. Я люблю и преклоняюсь перед талантливыми театральными режиссерами. Они — вожди.

…Когда-то, посреди успешной научной работы, я сделала отчаянную попытку все бросить и уйти в театр. Я пришла к Юрию Петровичу Любимову, в Театр на Таганке. Смешно… Приехала зимой. На «шпильках», в капронах и меховой шапке. Как

пробилась — не помню). Почему он меня слушал — не понимаю. Читала Вознесенского «Травят зайца, несутся суки…». Потом Юрий Петрович сказал устало:

— У меня даже Зина Славина получает восемьдесят рублей. И жить ей негде — квартиры нет. И я помочь ничем ей не могу… Так что не бросайте пока вашей умной науки — матлингвистики.

А уже во времена курсистской молодости я позвонила Марку Захарову — просить о встрече, о совете, о возможном «худручестве» на дипломе. Мы долго говорили по телефону о том о сем. Договорились встретиться. А потом… потом оказалось, что Марка дома нет и что задушевно беседую я с его отцом, школьным учителем физкультуры.

Но не отменять же из-за этого встречу.

Мы с ним съели мороженое и сходили в Кинотеатр повторного фильма, что у Никитских ворот. На прощанье он сказал мне грустно:

— Я думал, вы старше…

Учитель физкультуры показался мне тогда очень одиноким человеком.

А еще я гуляла по ночной Москве с названым братом — Петром Фоменко. Гулять с ним было восхитительно! У Фоменко умная, тяжелая голова и легкие ноги, заносившие его в Неожиданное. Он тогда открыл для меня ночную Москву, подарил мне памятник Гоголю — тот, пронзительный, во дворике. Гоголь, сжигающий рукопись…

…После премьеры «Чокнутых» Захаров пригласил меня в передачу «Киносерпантин». Там у нас с ним состоялся любопытный диалог о кинокомедии. (Впрочем, скорее это был монолог Марка. Он спрашивал и он же отвечал, иногда давая мне возможность вставить пару слов.) Я тогда высказала пожелание, чтобы народные депутаты перед своими заседаниями смотрели фильмы Чаплина. Может, они стали бы менее агрессивными и быстрее нашли общий язык. Марк Анатольевич на это иронично заметил:

— Но Сталин смотрел Чаплина, и это не помогло.

А я читала у бывшего дипломата, сотрудника ООН господина Миллера, что когда на особо острых заседаниях обсуждение заходило в тупик, кто-нибудь старался пошутить посмешнее, рассказать анекдот. Обстановка разряжалась, и вопрос решался легче.

Террорист

Виктор Проскурин играл в картине роль Ивана Ивановича, бисексуала-террориста. Я видела, как гениально он сыграл в спектакле «Палач». Знала его прекрасные киноработы.

Пробы к «Чокнутым» он тоже прошел замечательно. Я уже утвердила его на роль, когда Витя вдруг позвонил и сказал:

— Алла, не бери меня. Ты со мной не справишься.

Я, честно говоря, сначала не поняла, о чем он. Думала, шутит. Но он повторил свою просьбу.

Однако я не испугалась. В моей кинобиографии уже была встреча даже с крокодилом. Мне ли бояться «террориста-бисексуала»?

Стала уговаривать Проскурина: роль-то была бенефисная. Но он стоял на своем. Решила отмолчаться. Созреет — сам позвонит. Но Витя не звонил, и я стала вести переговоры с другим замечательным артистом. Уже склоняла его к сотворчеству и почти склонила. (Очень не люблю актерам отказывать и поэтому, если в человеке уверена, стараюсь не пробовать на эту роль других. Печальный опыт противостояния в «Искренне Ваш» оставил след.) И в тот момент, когда я чуть было уже не назначила встречу, раздался звонок от Проскурина:

— Не передумала? Я буду сниматься.

Но прав он был все-таки, когда отговаривал меня брать его на эту роль.

Витя, конечно, сыграл хорошо — роль и ремесло сделали свое дело. Но все же… не могу сказать, что справилась…

Бенкендорф в тапочках

Граф Александр Христофорович Бенкендорф был одним из тех, кто поддержал и всячески способствовал строительству железной дороги в России. Он даже вошел в состав дирекции Общества железных дорог, добился освобождения их от налогов. Но! Запретил курение на железной дороге, и на всех станциях им были учреждены должности комиссаров — агентов Третьего отделения…

В «Чокнутых» Бенкендорфа сыграл Алексей Жарков. По-моему, безукоризненно.

Леша тщательно готовился к этой роли. Читал литературу. У него даже изменилась походка. И лицо… «Лицо, всегда усталое, имело обманчиво доброе выражение», — писали современники о Бенкендорфе. Мне кажется, Леша был «бенкендорфее» самого Александра Христофоровича.

Жарков долго накапливает свою роль. Мягкой застенчивой

походкой приближается к ней. Чуть ссутулившись, слегка улыбаясь, он как бы обнюхивает роль со всех сторон. А потом — ап! «Кнопка зажглась», глаза заблестели, спина выпрямилась, шея стала негнущейся: Бенкендорф готов идти к царю на доклад.

Кстати, с этим докладом был забавный случай. Мы снимали эпизод в Петродворце. Всю съемочную группу обязали обуться в музейные войлочные тапочки, чтобы не портить паркет. Актеров обували на время репетиций.

Начали снимать сцену доклада. Вельможа Бенкендорф шествует к государю сквозь длинную анфиладу комнат.

Государь же (Михаил Боярский), вместо того чтобы величественно принимать главу Третьего отделения, ведет себя несерьезно. Смотрит на сапоги Бенкендорфа. Шевелит усами. А охрана государева просто сползает по стенке.

Оказалось, Жарков забыл снять тапочки, обутые поверх сапог.

Организм

Съемочная группа — это организм, созданный на одну картину. К концу съемок организм изнашивается, устает, быть может, портится.

На любых съемках для меня самый близкий человек — оператор. На «Чокнутых» оператором был Валерий Шувалов. Без него я бы эту картину не одолела.

Обаятельный, талантливый, образованный и… скандальный.

— Валерочка, — спрашиваю как-то. — А ты не можешь не кричать?

— Я же с режиссером М. пять картин отработал. А он, если с утра свой стакан крови не выпьет, — не человек. Так что ты не обижайся. Извини сразу за все до конца картины.

Он оборачивается и видит, как плохо упакована присланная кинопленка

— Ну ты посмотри! — кричит. — Эти…… рваные даже пленку …… не смогли, …., прислать нормально!

Правда, это его качество помогло нам выстоять в той безумно тяжелой работе. «Труд этот, Ваня, был страшно громаден, не по плечу одному…»

Пять утра. Лес.

— Световой режим уходит! — неистовствует Шувалов. — Где директор? Почему лошади не запряжены?!

— Валерий Павлович, — отвечают, — дышло не привезли.

— Пусть он лучше не появляется! — кричит Шувалов. — Не

то это дышло будет у него в ж…!

Но все-таки эпизод снять успели. Возвращаемся в гостиницу умиротворенные, усталые.

— А где директор? — на этот раз спокойно интересуется Валерий Павлович.

— А он не смог вас встретить.

— Почему?

— У него дышло в ж…, — усмехаются в ответ.

К концу картины, если все складывается нормально, «дышла» забываются. Хотя и не всегда. Но кино тем замечательно, что потом, если не хочется больше работать вместе, можно никогда не встречаться….

Начинал нашу картину художник Ф. В Австрию съездил — натуру посмотрел… Отчего же не съездить — красиво, «суточно» и безответственно. А потом перед началом съемок — слинял… Работа предстояла тяжелая. Плохо, что перед началом, но слава Богу, что слинял, иначе Шувалов все равно бы его убил. И пришел Володя Королев. Не пришел — а попал! В прямом и переносном смысле. Первое строительство первой железной дороги, строительство моста, вокзала, отеля «Кулон», декорирование под эпоху каждого сантиметра кадра!.. Как говорил наш Пиранделло, «мало не покажется»… Но Володя осилил. Посмел. Смог. Жаль, что он потом ушел в бизнес. По-моему, чужие деньги — это не его дело.

Черт-те что под юбкой

На каждой картине возникают какие-то словечки или свои шутки, которые становятся присказкой. На картине «Чокнутые» такой присказкой стала одна фраза Оли Кабо.

Она снималась в платье с большим количеством нижних юбок, которые крепились на специальных проволочных каркасах. (Художник по костюмам Алина Будникова, вопреки всем попыткам урезать нас и урезонить, создавала костюмы, согласуясь с эпохой и своей художнической интуицией.) И в этом платье барышня Мария ходила по полям, по лугам. Весь строительный мусор, не считаясь с высоким предназначением героини, цеплялся за нижние юбки и сбивался в колючие стаи. Однажды посреди сцены, где Оля должна была весело, почти танцуя, вышагивать с солдатами, она вдруг остановилась. Ее веселое лицо перекосило. Музыка стихла. Все умолкли.

— В чем дело? — строго спросил в мегафон второй режиссер.

— У меня черт-те что под юбкой!

Мы все грохнули. А фразочка стала крылатой.

Кашель Ширвиндта, очки Державина

Есть актеры, которые приходят, снимаются, и — «всего хорошего!», и в отношениях не остается никакого послесловия. А когда я встречаю Мишу Державина — чувствую тепло.

Державин сыграл в «Чокнутых» Булгарина — русского подданного, изменившего России, поляка, предавшего Польшу, — дважды изменника и неутомимого осведомителя Третьего отделения — того самого, о котором Белинский сказал: «Он может зарезать отца родного, а потом публично плакать над его трупом». Миша удивил своим отношением к работе. К малюсенькой роли. По такому случаю из запасников музея Петропавловской крепости тогдашний директор и будущий министр культуры Наталья Дементьева выдала нам подлинные очки Грибоедова. В них и снимался Державин.

Так однофамилец величественного Гаврилы Романовича Державина в очках блистательного Александра Сергеевича Грибоедова исполнял роль малопочтенного Фаддея Венедиктовича Булгарина.

Александр Ширвиндт был в нашем фильме Стефенсоном — изобретателем и владельцем первых паровозов.

Ширвиндту (впрочем, как и всем нам) в Австрии платили суточные — двадцать пять долларов. Александр Анатольевич снимался в паре с большим пушистым ленивым белым котом.

— Это заграничное животное, — делился потом своими впечатлениями Ширвиндт, — которое лишь спало у меня на плече и портило исторический костюм, зарабатывало в день двести долларов. А я, народный артист всего Советского Союза, — двадцать пять долларов суточных. Может, потому, что я не такой белый и пушистый?

Александр Анатольевич должен был уехать за день до окончания съемок: вечером следующего дня у него был спектакль в Театре Сатиры. А мы как раз снимали сцену в паровозном депо. Он сказал:

— Меня же все равно нет в этом объекте!

— Как же нет? — говорю. — Вот написано: «Стефенсон закашлялся».

— Ты что же, хочешь, чтобы меня из-за этого кашля выгнали из театра?

Аргумент был весомым. Пришлось отпустить, а кашель воспроизвести уже за кадром на озвучании этого эпизода. Сейчас

Александр Анатольевич, став самым главным в своем театре, наверно, мог бы отпустить себя покашлять еще денек в Вене… А может, и нет… Ведь для театрального актера театр — это святое. Остальное — случайность.

Хотя, конечно, широкую популярность актеру обеспечивает все-таки кино. Особенно кинокомедия. Особенно прежде, в советские времена. Стоило ему сняться в успешной комедии — и он становился народным героем. Я видела, как «старички», которые помнили пик популярности Савелия Крамарова, пытались донашивать его на руках во время приезда актера из далекой Америки в Сочи.

У Андрея Александровича Миронова было много серьезных работ в кино. Но вся страна знала Андрея именно по комедиям. Не зря ведь после одной комедийной премьеры к нему рванул из толпы зритель и, перепутав от волнения все слова, которые берег для актера, срывающимся голосом выкрикнул: «Андрей Александрович! Я ваш кумир!»

Император

Миша Боярский незадолго до съемок сломал руку. Но это не помешало ему стать в нашей картине императором Николаем Первым. Мы не пытались ни защищать, ни обвинять его, просто прошлись по касательной его биографии там, где она пересекалась с нашими железнодорожными интересами. И тем не менее на премьере Слава Говорухин на нас за него обиделся. Что уж такого обидного для Николая Первого, которого современники называли Палкиным, углядел Слава в нашей картине? Ну, с фрейлинами в шахматы играет, за дамами ухаживает… Но красиво! — правда, благодаря отваге Михаила. Сергеевича. Спасая эпизод, в котором лебеди никак не хотели плыть по фонтану в нужную нам сторону, Михаил Сергеевич (сам предложил) храбро вошел в скользкий фонтан, пересек его, взял на руки очаровательную Марию и так под восхищенные и завистливые возгласы фрейлин продефилировал обратно — и все это с поломанной рукой! Это был подвиг. Не только актерский. Но и просто, если можно так обозначить, «мужской».

В моей биографии это был его подвиг номер два. Первый раз Миша просто спас мне жизнь. Еще, конечно, себе и своей жене Ларисе… Мы ехали в машине по Соединенным Штатам Америки, выступая в различных русскоязычных городах: концерт Миши и картина «Человек с бульвара Капуцинов».

Нас принимали два бывших наших человека: Сережа Левин

из Питера и Виктор Нечаев из хоккея. Они все время ссорились, называя друг друга самыми некрасивыми русскими словами, все время выясняли какие-то свои отношения. При этом ехали довольно быстро, с большим превышением скорости.

Полицейский возник посреди пустынного шоссе между Бостоном и Нью-Йорком будто из-под земли. Мало того, что он задержал нас надолго, мало того, что наши продюсеры получили штраф на серьезную сумму, оказалось еще, что в компьютере у этого полицейского Виктор Нечаев числился как бандит, угрожавший жизни человека. Мы и пикнуть не успели, как полицейский надел на Виктора наручники, посадил в свою машину и укатил в участок.

С криком «Вот это их хваленая свобода!» Сережа Левин прыгнул за руль нашей машины, и мы помчались следом.

Пока Сережа дозванивался своим адвокатам, пока выяснилось, что эта информация — подлог конкурентов, мы провели в полицейском участке часа четыре. Виктор, конечно же, перенервничал и устал. И когда мы снова тронулись в путь, заснул за рулем — на большой скорости. Спас нас Миша. Он сидел рядом и успел перехватить руль.

Козло!

Был у нас еще один персонаж — коза Маня. Ее нашли, вырастили, «выучили на артистку» питерские каскадеры из команды Олега Корытина.

Да, Маня умела кое-что. Например, жрать сигареты, газеты и семечки. Она была безумно хороша собой и приятного характера. Единственное, что она делала очень плохо, — говорила на своем козьем языке. А нам иногда это очень было нужно…

Снималась сцена, где Караченцов пел романс «…Мне опостылел высший свет, мне в этом мире все не мило…», и коза должна была его перебить своим козьим словом. Но она и не собиралась этого делать. Тогда я взяла в руки мегафон и ровно в положенном месте произнесла: «Ме-е-е!» Громко и нахально. Даже Караченцов вздрогнул и перестал петь — как и задумывалось по сцене.

— Эх, такую песню испортила! — в сердцах произносил Родик Кирюхин в лице Николая Петровича.

А звукооператор Ян Потоцкий обрадовался такому моему успеху и назначил меня главной «козой». Он много раз ходил вокруг Мани с микрофоном, пытаясь записать ее козьи душеизлияния. Но мое козье «слово» оказалось лучше. В

результате все «реплики» козы — нежные, задиристые, веселые, сердитые — исполнила я.

А наша белоснежная красавица Маня даже не дотерпела до окончания съемок, и ее пришлось сменить на другую «актрису». Дело в том, что она забеременела. С артистками такое случается. Найти замену — такого же чистого белого цвета и с такой хорошей фигурой — оказалось не просто. Помощники обшарили все ближайшее Подмосковье (павильонные съемки проходили в Москве) и наконец привели сероватое существо неопределенно-среднего рода: рога как у козла, а с выменем вообще получилась неловкость: вместо трех сосков висел один. Короче, досталось нам козло, но времени на поиски идеала уже не было…

По ходу сцены герой Ярмольника должен был еще и доить это козло. Пришлось снимать как бы при закрытых ставнях, чтобы не светить, куда не следует. Сняли. Льющееся в процессе дойки молоко отыграли потом звуком. В других сценах старались псевдо-Маню показывать мельком. Козло оно и есть козло. Зрители этого не замечают. А я всякий раз отворачиваюсь. Неловко.

Теперь когда я еду на машине и мне на дороге попадается водитель, который вытворяет что-то не то, я кричу ему вслед: «Козло!»

Американец-хохол

В эпизодической роли одного из бандитов снялся американский актер и режиссер Донован Скотти. (Он играл, например, в «Полицейской академии».)

Произошло это случайно. Мы собирались снимать эпизод, когда карету инженера Герстнера останавливают бандиты. В роли главного бандита должен был сняться питерский актер Анатолий Сливников, но приближался день съемки, а его все не было. Мы боялись, что съемка сорвется, и стали подумывать о замене.

Как-то мы стояли у гостиницы в ожидании автобуса. В это время подъехала машина с импортными номерами и оттуда вышел невысокий полный человек забавной наружности. С ним был кто-то из наших мосфильмовцев. Нас представили друг другу. Это был американец Донован Скотти. Вместо положенных слов приветствия я неожиданно для самой себя выпалила:

— Приглашаю вас сняться в кино! Роль небольшая, но замечательная. Обещаю целых двести рублей и любовь всей женской половины съемочной группы.

— О’кеу! — улыбнулся Скотти. (Потом мне сказали, что

любовь именно женской половины группы его абсолютно не интересовала.) Он оказался человеком авантюрным и легким, и на следующий день мы поехали в город Пушкин на съемку.

Неожиданно прилетел Толя Сливников, которому и предназначалась роль главаря. Я поняла, что не могу отказаться от одного и обидеть другого: режиссеры народ жадный до хорошего и хитрый на творчество.

Я разделила одну роль на две — командира бандитов и их комиссара. Командира и сыграл Донован. Озвучивали мы его с украинским акцентом: уж очень он на него «ложился». По сценарию раззадоренный герой Степанченко должен был забросить «хохла» на дерево. Скотти так разошелся, что полетел бы и на Луну. Но летал, конечно, не Донован, а каскадер Валерий Кудряшов.

Булдафон хренов

В «Чокнутых» много падают в воду. Кто-то из критиков даже пытался усмотреть во всем этом фрейдистский подтекст. Подтекст прост, как хозяйственное мыло: в воду легче падать, чем на камни… А там, где «летали» наши герои, не было возможности ни подстелить соломку, ни помочь специальным матом.

Что же касается трюков, гэгов, драк, то если есть возможность добавить в жанр зрелищности, я всегда ЗА. Даже и по Фрейду.

Как я уже говорила, трюки в «Чокнутых» ставил питерский каскадер Олег Корытин.

Он безотказно падал в венский фонтан за Сеню Фараду, скатывался с австрийских лестниц и с паровоза за Леню Ярмольника, летал с питерской колокольни, из окон Петропавловки, с перил отеля «Кулон» — за себя и «за того парня».

Но в какой-то момент Олегу понадобилось уехать в Финляндию на трюковые съемки. Там платили совсем другие деньги, и упустить такую возможность ему, конечно, не хотелось. У нас-то каскадеры работают за копейки. А у меня была своя задача: доснять кино вовремя и без потерь. Поэтому войти в ситуацию Олега я не могла. Он дал расписку в том, что, если сорвется в его отсутствие съемка, он выплатит мне наличными тысячу восемьсот долларов (не помню уж, откуда возникла именно эта цифра). Съемка прошла благополучно, но расписка у меня сохранилась. И сегодня Олег грозится разбогатеть и купить у меня эту расписку за двойную цену. Я очень желаю ему благополучия. Он этого заслуживает.

Олег долго ухаживал за каскадером Наташей Дариевой, очаровательной, хрупкой и отважной женщиной. Но у Наташи тогда был другой человек. Она вышла за того Другого замуж и родила Другому ребенка.

А Олег продолжал ждать. И когда Наташа развелась, он снова стал за ней ухаживать. Теперь у них замечательная семья и двое детей. В Репино — своя конюшня, свои лошади, свой выезд.

В «Чокнутых» было несколько крупных драк.

В одной из них мы рушили шикарный павильон, выстроенный художником Королевым. Там в основном «свирепствовали» каскадеры.

В другой — почти вчистую дрались герои Караченцова и Проскурина. И поскольку эту драку серьезной не назовешь — корзина и грабли, — усилить ее надо было словом. Я против мата на экране, но и без крепкого боевого слова драки не слепишь.

Нырнула в словари. Стала изобретать, искать, исследовать. Вспомнилось матлингвистическое прошлое… Вывела собственный рецепт: берешь какое-нибудь слово, ассоциативно-перспективное, цепляешь к нему негативный эпитет — и вперед!

Белендрясы драные.

Булдафон хренов.

Буерак сопливый.

Пентюх вонючий.

Валуй сиплый

и так далее… от артиста… до экрана.

А уж для сопереживателей и болельщиков драки — синонимов слова «бей» так много, что и придумывать не пришлось: лупи, вдуй, стегани, дери, громи, хлобысни, отдубась, накостыляй, отмутузь, трепани, отколоти, врежь, засандаль и т. д.

На художественном совете студии при сдаче картины кто-то сказал: «Каждая фраза стреляет. Даже там, где ничего не взрывается».

Снова неравнодушным ко мне, к дракам, к историческим событиям выступил главный мой оппонент — Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, почти восьмидесятилетний Александр Зархи: «Слишком много таланта. Картина будет смотреться неоднозначно. А чтобы была однозначной и судьбоносной, надо строже отнестись к себе. Монтаж — это не женское дело. Должна быть рука Эйзенштейна».

Георгий Николаевич Данелия ответил ему: «У нее было еще столько же таланта. Она уже тысячу метров этого таланта выкинула».

Картину приняли без поправок.

Хотя сейчас понимаю, что кое в чем Зархи был прав: сегодня

я бы еще сократила картину. Время другое — скорости другие…

Постель императрицы

Самое прекрасное время при подготовке к съемкам — это поездки на выбор натуры.

А если кино снимается в Питере!

Этот город наполнен неожиданными открытиями, особенно для тех, кто влюблен в него.

Идем в какое-то РЭУ договариваться о съемках на близлежащей улице, а попадаем в розовый будуар дореволюционной куртизанки с прекрасно-легкомысленными стенами. На том месте, где должна стоять ее кровать, — большой совковый письменный стол. За ним на фоне резвящихся ангелочков руководитель этого самого РЭУ — облупленный ночной горшок со взбитыми сливками.

Райком партии — в бывшем княжеском особняке. Позади секретаря, у которого мы должны испросить высочайшего разрешения, — камин. На камине часы. С Амуром и Психеей… Все из мрамора. И только белое покрывальце, стыдливо прикрывшее голую грудь Психеи, — из гипса. Негоже в кабинете у первого секретаря держать голую девичью грудь… Замазали…

Другой райком — в другом бывшем особняке. Водит нас мелкий замзав какого-то отдела. Потом в своем кабинетике открывает узкую дверцу красивого старинного шкафа — а там лаз в подземный ход, уводящий далеко от райкомовских указов… Спрашиваю: почему не замуровали? Он хитро улыбается: может еще пригодиться…

Павловск. Шикарный и умиротворяющий…

Тамошние очаровательные тетушки, влюбленные в каждую ножку каждого антикварного стула, провели нас по дворцу, все показали, рассказали, напоили чаем. Но снимать не разрешили — у них был печальный кинематографический опыт. Как-то одной съемочной группе позволили снимать в опочивальне императрицы. И актриса, учуяв царицыно ложе, так вошла в раж, что буквально прыгнула на историческую кровать. Одна ножка подломилась. Главную смотрительницу чуть не хватил инфаркт.

Ломоносовский дворец… Сюда еще не ступала ни одна кинематографическая нога. А нам разрешили. С многочисленными оговорками: ничего не трогать, ни на чем не сидеть и желательно не дышать. Но все-таки…

В одном из залов — потрясающей красоты и тяжести мраморная скульптура мальчика. Она — в неснимаемой стороне

зала, где осветительные приборы. А нам очень захотелось, чтобы скульптура оказалась в кадре. Главного хранителя, человека сурового, в тот день не было, и мы уговорили молодую девочку-смотрителя разрешить нам перетащить этого мраморного мальчика в кадр.

Мы подложили под его постамент сорок пар музейных войлочных тапочек, и человек двенадцать принялись буквально по сантиметру двигать тяжеленную скульптуру. В том момент, когда мы уже довезли ее до противоположной стены, вошел главный хранитель. Он сказал:

— Вас увольняю. Вас выгоняю. Съемки отменяю. А мальчонку — на место.

Два часа мы потратили на то, чтобы ублажить этого хранителя и продолжить съемки. Еще полсмены тащили мальчика обратно. За оставшиеся считанные минуты сняли нужную сцену — но, увы, без мальчика… А был ли мальчик?!

Чуточка

В кино вообще и в комедии в частности мы очень часто зависим от чуточки. Нет ее, маленькой, незаметной, — и все может развалиться в момент. А она в руках такого количества лиц, характеров, ситуаций… случайностей!

Три месяца, три недели и три дня готовили мы самый феерический эпизод фильма — «Поезд пошел». Для съемок нашли замечательное место под Питером — Знаменское, бывшая барская усадьба. Построили там наш «первый российский вокзал».

На Витебском вокзале под стеклянным колпаком стоял макет первого поезда — паровоз и четыре вагона. Расконсервировали.

Когда перевозили тяжелый поезд, под ним чуть не провалился асфальт на одной из питерских улиц.

Изготовили специальные конфетные коробки и шейные платки с паровозной символикой.

Три дня заряжали фейерверки, которые крутятся, сверкают и, горят — но всего сорок секунд.

Собрали и одели массовку. Простой люд — человек четыреста, дворяне — около двухсот, да конница, да военный оркестр, да царь с охраной, и еще священнослужители с иконами и хоругвями (настоящими, между прочим).

Наш поезд должен был тащить тягач. Для этого мы специально проложили метров триста настоящих рельсов.

Отправлением командовал не кто-нибудь, а бывший замминистра путей сообщения, наш консультант по «паровозным»

делам.

Настал день съемок.

Как летчик перед взлетом, тщательно проверяю все подразделения. Еще раз все проходим, обо всем договариваемся: дам команду «начали!», выстрелит пушка, все придет в движение, я махну замминистра — поехали, замминистра махнет тягачу, и поезд тронется! Не опаздывать! Фейерверки горят 40 секунд!

— Мотор! Начали!

Оператор взмывает на кране. Петрович бьет в колокол: «Ну, с Богом!» Пушка стреляет, конница скачет, народ ликует, господа садятся по вагонам, герои запрыгивают на паровоз, фейерверки загораются. Даю отмашку замминистра — поехали…

Замминистра дает отмашку тягачу…

Поезд стоит.

— Поехали! — кричит замминистра куда-то вперед.

Поезд стоит.

— По-е-ха-ли!!! — кричим мы с замминистра.

Поезд стоит.

…Когда фейерверки прогорели и массовка рассыпалась, поезд тронулся.

Мне потом рассказывали, какие слова я выдохнула в этот момент. Честное слово — я таких не знаю.

Оказалось, водитель тягача отошел за угол пописать. И отмашки не видел — вот такая чуточка произошла…

При монтаже потом Инна Брожовская постаралась так все «закрутить», чтоб праздник состоялся. И все получилось… Но мне чуточки чуть не хватает…

Штурм Зимнего

В «Чокнутых» есть ироничный парафраз штурма Зимнего из фильма Эйзенштейна «Октябрь»: группа героев взбирается на ворота.

На самом деле по сценарию герои, возмущенные поведением царя, должны были вбежать во двор Зимнего. Но дирекция музея запросила такие деньги за эти съемки, что мы решили ограничиться штурмом.

Снимали ранним утром. Никого вокруг не было. Однако во время репетиции я заметила невесть откуда взявшегося сильно помятого человека, во внешности которого угадывалось что-то интеллигентское. Он долго, пошатываясь, наблюдал, как люди в исторических костюмах «штурмуют» Зимний. Потом вдруг воскликнул:

— Господа! Но вы штурмуете совсем не то. Здесь давно Музей. Пойдемте, я вам покажу, где большевики засели.

С приветом — чокнутые…

«Чокнутые» были показаны на разных фестивалях и днях России в Вероне, в Сочи, в Минске, в Сеуле, в Александрии, в Тольятти, в Набережных Челнах, в Питере…

В Сочи на «Кинотавре» то, что нам вручили, называлось «За мужской характер и женское кокетство». Какое отношение это имеет к фильму — непонятно. Но даденому призу в формулировку не смотрят.

В Вероне я чуть не сорвала собственный просмотр — мне показалось, что механик пропустил часть. Я давно не видела собственную картину и забыла, что в последний день монтажа мы резанули с монтажером большой кусок — сами…

В Александрии, куда я ездила вместе с Ольгой Кабо, арабы готовы были отдать нам все призы и весь берег моря в придачу за ее благосклонность. Но Ольга пренебрегла возможными наградами. Она была влюблена в москвича и не собиралась разменивать эту любовь на дешевое арабское золото.

В Питере в самом шикарном зале «Октябрьский» была устроена потрясающая премьера! Ее вели остроумные, легкие и молодые Андрей Ургант и Андрей Максимков. А прелестный Бен Бенцианов, народный артист РФ, посвятил «Чокнутым» целую поэму. Он так вдохновенно и искренне ее прочел, что, несмотря на завышенные эпитеты в мой адрес, я рискну процитировать некоторые строфы из нее…

…Когда вокруг одна чернуха,
Разврат, эротика, порнуха,
Не видно солнца из-за туч,
Она в защиту света встала,
Короче, Сурикова Алла —
Как в темном царстве светлый луч…

За это вечное дерзанье
Мы говорим спасибо ей.
КОМЕДИЯ — ее призванье,
И Алла «ЧОКНУЛАСЬ» на ней.

Пусть те, кто чокнутые малость,
Живут, нам душу веселя.

На чокнутых всегда держалась
Многострадальная земля.

Никто не смог затмить их лики,
Никто их не опередил…
Был чокнутым Толстой великий,
И Пушкин в чокнутых ходил.

С душою светлой, с сердцем чистым,
В тиши затеяв круговерть,
Шли чокнутые декабристы
С дворянским титулом на смерть.

А Сахаров? А Солженицын?
Они не прятались в тени…
С трибун их гнали… Из столицы —
За то, что чокнулись они.

В дни путча страшными ночами,
Когда весь мир бросало в дрожь,
На танки с голыми руками
Шла чокнутая молодежь.

И Ростропович без опаски
Летел как чокнутый — притом
Не в Белый дом американский,
А в наш российский Белый дом!

Я так считаю — в век наш вьюжный
Всем чокнутым сплотиться нужно.
Уверен я — чем больше их,
Тем жизнь светлей для остальных…

В то послепутчевское время любое слово с трибуны, со сцены, с экрана воспринималось очень политизированно. Ассоциации кружили головы. Эпитеты стреляли. Глаголы жгли сердца людей! Зал жил ожиданием новой жизни. Казалось, вот только — и сразу… Но, увы, чокнутых было совсем немного… Остальным нужно было сегодня, сейчас и как можно больше…

И все же наша картина пришлась… Она вселяла надежду.

Она стала одним из лидеров проката 91-го года. Об этом мне сказала команда статистического исследования. Десять миллионов зрителей! По тем временам это был огромный успех.

Правда, на моих деньгах он никак не отразился.

С деньгами, между прочим, у меня вообще отношения не складываются. Я про себя давно поняла: нацеливаться на сытое благополучие бесполезно.

Домашние «радости»

Меня трижды грабили.

Когда мы с Викой Токаревой, известным писателем и моей подругой, поселились в одном доме на улице Довженко, она пошутила:

— Если к тебе вор залезет, ты будешь за него переживать: у тебя ведь взять нечего.

И вот залезли. И даже дважды. И даже нашли, что взять.

Первый раз — старинные бабушкины золотые часы и нутриевый полушубок, который я только что привезла из Чехословакии. Судя по всему, хотели унести даже старый телефонный аппарат, но он просто развалился у грабителей в руках.

Явно искали видеомагнитофон и камеру — тогда это была редкость. Не нашли: они были спрятаны в шкафу. О чем я широко оповестила всех друзей и знакомых.

Когда залезли в следующий раз — перерыли весь шкаф. Но видак с камерой теперь случайно оказались в диване.

«Народная тропа»

А в третий раз меня ограбили в Краснодаре.

Пару лет там просуществовал фестиваль комедийных и музыкальных фильмов. Организовывал его краснодарский энтузиаст Геннадий Дубров. Я была сначала председателем жюри, потом президентом фестиваля.

Мне был отведен лучший номер в гостинице «Москва».

Это меня и «сгубило». Как потом выяснилось, в этот «крутой» номер грабители протоптали «народную тропу». А залезть в номер не составляло никакого труда. Люкс соединялся единым балконом с баром. Бар работал всю ночь. В гостинице топили так, что окна на балкон я держала открытыми всю ночь. Почему топили летом? Наверно, истопник работал в паре с грабителем.

Около четырех утра я проснулась от истерического крика дежурной по этажу. Она стояла у меня посреди комнаты и

причитала:

— Алла Линишна! Там ваша сумка зарэзана. У меня пид столом, и там ваша карточка. На карточке напысано, шо это вы! Дак я вас и знайшла. Я на хвылинку пошла белье посчитати…

Просыпалась я тяжело. Жутко болела голова: меня явно чем-то потравили. На тумбочке у изголовья — ни колец, ни часов, ни браслета… Я долго не могла понять, о чем кричит эта женщина в моем номере. Какая сумка? Какое белье?

Самым неприятным было то, что кто-то шарил по комнате, когда я спала. Курил, неторопливо разглядывал мои вещи, выбирал — на ковре нагло и небрежно лежал Его окурок… (Примерно в это же время и точно таким же способом в Питере была ограблена замечательная актриса Инна Чурикова.)

Потом была милиция, которая сочувственно кивала головой, но никого, разумеется, не нашла да и не искала.

Когда же я попыталась получить с гостиницы какие-то деньги за причиненный ущерб, они сфабриковали веселенькую историю о том, что меня ограбил мой любовник. Причем фантазии, чтоб сочинить идеальный образ любовника, не хватило. Воспользовались тем, что было «под рукой»: среднего телосложения, среднего роста, средних мужских лет и лысый — ну вылитый Аркаша Инин… Я ему сообщила. Он не сопротивлялся, но кольца возвращать отказался категорически…

Фонд помощи

Как-то в 1989 году, получив свои постановочные и потиражные по картине «Две стрелы» (по тем временам — квартира), я решила как приличный человек положить их на срочный вклад в Сбербанк. И не трогать: пусть преумножается мое состояние. Через пять лет пришла проверить. И оказалось, что Моя «квартира» превратилась в «буханку хлеба».

Как раз в то время один ушлый околокиношный человек, некто господин Ш., заманил меня, а также всенародно любимого актера и режиссера Евгения Семеновича Матвеева и милого, интеллигентного декана режиссерского факультета ВГИКа кинорежиссера Аркадия Сиренко «войти в сговор» по созданию Фонда помощи российскому кино.

— В первую очередь, — вещал Ш., — это будет помощь вам для ваших картин. Сколько вам надо?

Мы дружно составили красивое жалостливое письмо и пошли на прием к главе Сбербанка. Он принимал нас в субботу. В тишине.

И тогда, пользуясь случаем, я возьми да и спроси главу про свой пропавший вклад. А он возьми да и ответь: «Вот только страну восстановим, и сразу!» Я не стала уточнять сроки «восстановления»: мы же пришли за деньгами на благо кинематографа. Но, видимо, все-таки глава испытывал передо мной некоторое чувство вины, что и сыграло на руку ушлому г-ну Ш. На его письмо была наложена нужная резолюция. Деньги выделены. Не такие большие, как хотелось, но достаточные для того… чтобы Ш. украл их и сбежал за границу.

Мне звонили какие-то люди из Сбербанка, которые разыскивали сбежавшего. Они были очень недовольны. (А уж как нам это не понравилось!)

А знаменитая «Чара»? Я подписывала письмо в защиту этого банка, когда они меня же грабили. Они-то уже, судя по всему, знали в тот момент, что закроются.

Десант

Рожденный тратить — копить не может. Но иногда и потратить красиво — не получается…

По «Мосфильму» разнесся волнующий слух, что один режиссер с одной картиной и со своей съемочной группой съездил в Тольятти и купил для себя и для других машины! Пришел к директору АвтоВАЗа Каданникову, показал, выбил!

На дворе стоял 1991 год. Тогда прийти в один из многочисленных салонов — как сейчас — и купить машину было невозможно.

Наш директор Володя Птиченко загорелся этой идеей и провел переговоры с АвтоВАЗом: мы (Караченцов, Кабо и я) дадим в Тольятти шесть бесплатных концертов, покажем новую картину «Чокнутые», и за это на свои деньги купим новенькие «Жигули».

Прилетели в Тольятти. Встречала нас милая блондинистая женщина со смущенным выражением лица.

— Вот не ожидала, что вы действительно приедете, — сказала она, глядя в сторону.

— Почему? — улыбнулись мы.

— Да кто же сейчас бесплатно-то ездит?

Тут у меня закрались некоторые сомнения в успехе нашего визита, но я постаралась избавиться от них.

Выступления проходили замечательно. Лучше всех принимали, конечно, Николая Петровича Караченцова. Настоящий кумир.

Он и работал на сцене дольше всех — даже специально привез с собой аккомпаниатора Володю Комоликова, который тоже надеялся, что и ему что-нибудь обломится, какое-нибудь колесо…

И мы с Ольгой тоже развлекали публику в меру своих выступательных сил.

У Ольги в запасе было несколько забавных историй.

Например, она рассказывала, что своей удачной актерской карьерой, как ни странно, обязана Леониду Ильичу Брежневу.

Когда ей было лет двенадцать, ее отобрали для почетной роли — выступить от лица пионерии на открытии очередного съезда КПСС и вручить букет лично генеральному секретарю. Репетиции были очень основательными, и чуть ли не месяц маленькая Оля вообще не появлялась в школе.

В торжественный день открытия она читала со сцены Дворца съездов такой стих:

Я от всех детей хочу
Пожелать с любовью
Леониду Ильичу
Крепкого здоровья,
Подарить букет цветов
Цвета огневого
И обнять от всей души —
Как отца родного!

— Потом, — вспоминала Ольга, — я бежала куда-то по ступенькам вверх, чтобы вручить цветы Брежневу.

На одной ступеньке я споткнулась, чуть не упала. А когда добежала — увидела, что у Брежнева в руке уже почему-то был один букет. Мне ничего не оставалось делать, как сунуть ему второй в другую руку. Я поняла, что это позор на всю мою жизнь.

После этого случая я решила «с политикой завязать». Но зато меня ужасно потянуло в актрисы.

Спустя годы она сдавала экзамены во ВГИК. Во время одного из туров студентам, которые стояли на сцене перед приемной комиссией, дали спичечный коробок: «Придумайте, что это может быть? Обыграйте его».

— Моя очередь была последней, — продолжает Ольга, — и я решила: пусть это будет пудреница. И вдруг девушка, стоявшая рядом со мной, тоже стала изображать из коробка пудреницу. Что было мне делать?

Тогда я от неожиданности и страха крикнула: «Ложись!», бросила коробок в приемную комиссию и сама упала на пол.

Повисла тяжелая пауза.

Потом председатель комиссии Сергей Федорович Бондарчук сказал гробовым голосом: «Всем спасибо».

Мы вышли в коридор.

Через какое-то время меня вызвали обратно и сказали:

— Ваша «граната», девушка, попала в народного артиста СССР Евгения Семеновича Матвеева!

А ведь Матвеев играл самого Брежнева! Я поняла, что это конец. Но оказалось — начало.

Меня приняли во ВГИК. И мне захотелось обнять Евгения Семеновича, «как отца родного».

Я тогда решила: «Нет, Леонид Ильич в моей жизни неспроста».

Итак, дав в первый же день в Тольятти три концерта, мы начали робко и осторожно интересоваться, а когда же и кто задаст вопрос, какие машины мы хотели бы купить.

И туг выяснилось, что ни о каких машинах речи не было. То есть первая часть договоренности, касавшаяся бесплатных концертов, всех устраивала, и нас с удовольствием принимали. А вторая часть, касавшаяся покупки машин, как-то осталась за кадром. Самого Каданникова в Тольятти не было, так что пожаловаться оказалось некому.

Мы провели экстренное совещание. Можно было тут же уехать. У каждого из нас были дела, которые мы бросили ради этих шести выступлений в Тольятти. У Ольги — съемки, у меня — встреча с продюсером, Петрович отказался от каких-то очень денежных концертов.

Но мы были единодушны в своем решении: надо соответствовать названию своего же фильма. Короче, чокнутые! Только чокнутые могут сегодня выступать без какой-либо выгоды для себя. И остались. И честно выполнили свою миссию до конца. Тем более что люди, которые собирались прийти на наши концерты, ни в чем не были виноваты.

Однако лидер тамошнего профсоюза, понимая, что ситуация сложилась малоприятная, стал нас расспрашивать, какие машины мы бы в принципе хотели приобрести, какого цвета и так далее. Он уверял, что постарается что-то сделать. Наша артистическая фантазия разыгралась аж до «десятки». Мы оставили свои «заявки» на бумажках и уехали в Москву, слегка воодушевленные.

Прошло какое-то время, но никто из Тольятти с нами не связывался, никто не рвался к нам с приятной вестью. Тогда Караченцов сам позвонил этому профсоюзному деятелю. И Николаю Петровичу выделили «шестерку»! Лично!

Но надо знать Петровича! Он джентльмен. Он настоящий мужчина, что среди актеров, впрочем, как и среди представителей всяких других профессий, редкость.

И эту вожделенную «шестерку» джентльмен Караченцов передал мне. Но я тоже оказалась «джентльменом». Поскольку у меня все-таки была какая-никакая машина (старая «пятерка»), а у Оли Кабо — никакой, я отдала «шестерку» ей.

Когда Оля с отцом отправились за машиной, я передала в подарок для Каданникова кассету с «Чокнутыми» и слезное письмо.

У меня уже был опыт подобных писем. Когда я только въехала в свою квартиру на Довженко, у меня не было телефона. Получить тогда телефон было не легче, чем машину.

Я пошла на прием к директору тогдашней Московской телефонной сети и, бия себя в грудь, стала трагически увещевать: у вас в руках судьба кинематографа. Он велел мне писать письмо, «но чтоб было побольше слез». Я сочинила, а он спросил: «А слезы-то где?» Тогда я состряпала второе, куда уже «накапала слез» вволю. Не прошло и месяца, как «у меня зазвонил телефон»…

И вот, вспомнив про эти слезы, я теперь щедро оросила ими страницы письма Каданникову. (Автомобиль для меня действительно всегда был лучшим другом, помощником. Свою жизнь я мота бы изложить в виде авто-биографии, то есть автомобильной биографии.)

Я написала, как важно режиссеру иметь машину, а режиссеру-женщине вдвойне. И это письмо Ольга повезла в Тольятти.

Вдруг получаю телеграмму: «Приезжайте за машиной». Машина к этому времени уже подорожала, но еще не на всю катушку. Я побежала к друзьям одалживать деньги. (Тысяч двадцать из них мне отвалили купюрами по три рубля. Сумка с этими «трешками» была неподъемная. Потом полдня бухгалтерия ВАЗа не занималась ничем другим — пересчитывала мои грязно-зеленые купюры.),

Так я заработала свою «шестерку».

Позже была «семерка».

Потом потертая «Джетта» — семейная кличка «Кабирия». Сейчас я села во французскую машину турецкого производства «Рено» по кличке «Одуванчик».

А Ольга от «шестерки» давно уехала на «Мерседесе»…

Свергаемое лицо

После съемок «Чокнутых» мы с мужем поехали отдыхать. Путевку нам достали не куда-нибудь, а в крымский министерский санаторий в Меласе. Там же отдыхали очень важные люди: сестра Иосифа Кобзона, крупный стоматолог, директор московского ресторана.

А по соседству, в Форосе, набирался здоровья и сил Михаил Сергеевич Горбачев, первый и единственный президент СССР.

Я знала, что наши правители любят на отдыхе смотреть кино. При себе у меня была кассета с «Чокнутыми». Я подумала, может, Михаилу Сергеевичу передать кассету — пусть развлечется.

Несколько смущала одна фразочка террориста — Проскурина:

— Свергаемое лицо легче всего свергается в момент отсутствия свергаемого.

Я опасалась, что Горбачев воспримет это как намек. Так я колебалась несколько дней. Наконец узнала, что Михаил Сергеевич скоро собирается уезжать… Решила: следующим утром пойду, объясню все охране и передам кассету.

Утром я увидела, что все отдыхающие, вместо того чтобы беззаботно плескаться в волнах, облепили свои приемники. И лица у них очень тревожные. На морском горизонте виднелась мрачная цепь военных судов.

— Что случилось? — спрашиваю.

— В Москве переворот!

— ???

— Горбачева свергли!

— Так он же здесь…

— Поэтому и сверши! Улучили момент! Свергаемое лицо легче всего… (и далее по тексту)…

Я так и не успела передать кассету…

Казус импровизус

В декорациях «Чокнутых» моя группа под мое имя во главе с театральным режиссером Женей Каменьковичем практически «без отрыва от производства» сняла еще телевизионный фильм — «Казус импровизус» по пьесе Александра Буравского «Учитель русского».

В спектакле, который также поставил Женя в театре Олега Табакова, главную роль играла Мария Владимировна Миронова. Она как-то пожаловалась мне, что почти ничего из ее и их совместных с Александром Семеновичем Менакером работ на сцене не сохранилось, потому что их не снимали на пленку. Я

почувствовала ответственность за это — и решила организовать съемки фильма по пьесе.

Мы ведь дружили с Марией Владимировной. Во всяком случае, мне хочется верить, что это было именно так.

Надеюсь, там, где она сейчас находится, она простит меня за это смелое заявление. Но у меня есть основания так думать. Потому что когда она меня бранила, а я всячески сопротивлялась, она «давала справку»: «Если бы вы мне были безразличны, я бы вас не ругала. Прислушайтесь — прислушайтесь. Я ведь не Мария Владимировна — я ЗАРАТУСТРА Владимировна».

…Мы познакомились в 87-м году в санатории «Яун-Кемери», на Рижском взморье. Я поехала туда со своей подругой Ольгой Трифоновой, вдовой писателя Трифонова. Путевки достала Оля. В те времена отдельные номера были редкостью, в основном селили вдвоем. Но мы были достаточно молоды, и нам это было в радость.

Этот санаторий Мироновы называли своим «семейным», потому что главврач, Михаил Григорьевич Малкиель, был их близким другом. Мария Владимировна ездила туда каждый год. Раньше с Александром Семеновичем Менакером, теперь одна. Иногда в санаторий наезжал и Андрей.

В этот год отдых в «Яун-Кемери» совпал с гастролями Театра Сатиры в Риге…

Андрей Александрович представил нас с Ольгой, и Мария Владимировна предложила нам сесть за свой стол.

На следующее утро Мария Владимировна, как человек вежливый, поинтересовалась, какие процедуры я себе выбрала. Я начала перечислять: бассейн, массаж, гидромассаж, ванны сероводородные, грязи… Она со смехом перебила меня: «Аллочка, зачем же так много!» Тут на арену вышел Андрей Александрович: «Мама, ты что, не видишь, девочка из деревни. Только что оторвалась от печки да чугунов. Она, кроме своих поросят, кур и коров, ничего в жизни не видела, мама. Ей все хочется попробовать. У нее жажда познания, мама».

Нам было весело, мы дурачились, радовались жизни, любили весь мир — отдых представлялся трехнедельной сказкой…

И вот наступил день… 12 августа… Андрей собирался на спектакль «Фигаро»… Перед отъездом мы с ним и с Олей Трифоновой гуляли по парку санатория: он показывал нам свои любимые места. А до этого утром играл в теннис, завернувшись в пленку, чтобы похудеть. Он собирался с Ларисой в Голландию и хотел хорошо выглядеть.

Провожая Андрея на спектакль, мы встретились с Малкиелем.

— Миша, — сказал Андрей, — приготовь вечером баню. Вернусь после спектакля, вымою девчонок и подарю тебе.

На том и порешили.

Спектакль должен был закончиться в десять вечера. Мы с Ольгой прождали Андрея до половины двенадцатого — его не было. Наверно, устал и остался у Ларисы Голубкиной, у жены, в Юрмале.

На всякий случай в дверях номера, где жила Мария Владимировна и останавливался Андрей, оставили записку: «Мы в таком-то номере. Если вернетесь не слишком поздно — будем рады вас видеть».

В час ночи к нам постучала Мария Владимировна. В первый и единственный раз я видела ее такой беспомощной, такой потерянной.

— Девочки, Андрея увезли в реанимацию. Посидите со мной. Мне страшно.

На сцене Андрею стало плохо. Последние его слова были: «Шура… Голова…» Он облокотился на Александра Ширвиндта, который по пьесе был его противником, и… потерял сознание.

На этом спектакле — такое странное совпадение — присутствовало много знакомых и близких. Как будто чувствовали… Была дочь Андрея Маша. В этот вечер она собиралась на другой спектакль, но, как потом рассказывала, ей приснился плохой сон про отца, и она решила прийти сюда. Был нейрохирург Эдуард Кандель, замечательный специалист, который до того в Пицунде спас композитора Шнитке. Ему пришлось оповестить о несчастье Марию Владимировну: «Андрею делают все, что возможно, но надежды немного. Обширное кровоизлияние. Сердце и легкие работают на подключении». Грише Горину он сказал: «Даже если Андрей выживет, это будет уже не тот Андрей».

Но мать молила Бога, чтобы он был жив, какой угодно, только живой…

Андрей умер.

Удивительно, непостижимо, но Мария Владимировна не рухнула. Она держалась стойко, мужественно и собранно. Это меня потрясло.

Потом она часто повторяла: «Зачем я живу? У меня умер такой замечательный сын. У меня умер такой прекрасный муж».

И это ее состояние продолжалось до тех пор, пока Олег Табаков не пригласил ее играть в спектакле «Учитель русского».

С этого времени она словно бы обрела вторую жизнь.

Не могу сказать, что фильм «Казус импровизус» стал нашей удачей. Ко времени выхода на экран пьеса уже начала устаревать. Тем не менее это была возможность запечатлеть Марию Владимировну в кино.

Мария Владимировна прекрасно вела себя на съемочной площадке. Конечно, смертельно уставала, иногда у нее дрожала рука: все-таки ей тогда было уже под восемьдесят. Но никаких поблажек себе не делала.

Я была на ее юбилее, который устроили табаковцы. Она говорила о своей любви к ним, о своей благодарности, о том, что они дали ей ощутить новую жизнь.

Она не только вернулась на сцену, но и включилась в активную общественную работу. Маргарита Эскина, директор Дома актера, назначила ее председателем попечительского совета. Когда Дом актера сгорел, Мария Владимировна ходила с ходатайством к Ельцину и добилась того, что актерам отдали дом на Арбате. Благодаря ей музей Бахрушина получил статус государственного. Она передала в Музей прикладного искусства замечательную коллекцию фарфора, которую вместе с Александром Семеновичем собирала всю жизнь. Теперь в музее есть комната Мироновой и Менакера.

Когда в театре Райхельгауза праздновали юбилей Марии Владимировны (ей исполнилось восемьдесят пять), была Наина Иосифовна Ельцина, был Чубайс, тогда стоявший у власти. Были и другие видные политические деятели. Все они признавались в своей любви к актрисе. Рядом с нею, властной, величественной, они выглядели подчиненными. Мария Владимировна была яростным сторонником Ельцина в первые годы его президентства. Борис Николаевич послал ей в подарок икону, которая дает мудрость.

На сцене четырехлетний сын Маши Мироновой — Андрюша Миронов, подстриженный под маленького Андрея Александровича, поцеловал руку Марии Владимировне. Это было так впечатляюще, что у многих на глазах стояли слезы…

Среди тех, кто вручал актрисе цветы, был и мой отец. Мария Владимировна и мои родители — люди одного поколения, ровесники. Помню, как мама и папа, забросив все дела, усаживались у телевизора, если на экране появлялась их любимая пара: Миронова и Менакер. Смех, радость праздника… Я уже тогда заочно полюбила их. И мне было так приятно видеть своего отца, протягивающего цветы кумиру своей молодости.

Сейчас в доме Марии Владимировны, который стал музеем, на каждую памятную дату, связанную с этой семьей, собираются

друзья, знакомые, родственники: Лариса Голубкина и обе Маши с детьми — Маша Миронова с сыном Андреем и Маша Голубкина с дочкой Настей; замечательный рассказчик, искусствовед Борис Поюровский; Наталья Дементьева, замминистра культуры; Марк Захаров; друзья школьного детства Андрея Саша Ушаков и Лева Маковский с женами; Федя Чеханков, Вера Васильева с мужем и другие…

На всех праздниках всегда был Гриша Горин…

Дом остался домом, не музеем. Он живой, и каждую минуту кажется, что сейчас из коридора или из кухни выйдет Мария Владимировна и что-нибудь ТАКОЕ скажет, что мало не покажется…

Про это ТАКОЕ прекрасно рассказывает Борис Поюровский. Да и все, кто близко общался с Марией Владимировной, свое получили. У каждого есть свои воспоминания…

— Мария Владимировна, я хочу к вам заскочить.

— Алла, вы что, блоха, чтоб заскакивать? Это только блохи скачут. Люди — заходят. Если заскочить, то вообще не надо.

Звонок по телефону. Мария Владимировна. В голосе — гром и молнии:

— Вы что, ненормальная? Столько цифр наговаривать? Кто их запомнит? (На автоответчике были номер пейджера и телефон дачи.) Но ваша подруга еще хуже. Звонит и спрашивает, не хочу ли я продать что-нибудь из антиквариата. Она что думает, что я стою в переходе с протянутой рукой, и решила меня облагодетельствовать? Это все равно, как если б я позвонила Радзинскому и сказала, что у Никитских ворот дают хорошие ботинки.

Я, пытаясь отвлечь внимание Марии Владимировны, перевожу разговор в другое русло:

— Как дела? Как здоровье?

— Какие дела? Какое здоровье? У меня большие неприятности: предстоит операция. Глаукома.

— А иначе нельзя?

— Нельзя. Хотя лучше я видеть не стану. Но зато не ослепну.

— И когда вас кладут?

— Не когда меня кладут, а когда я сама захочу лечь. Мне надо еще сделать массу дел: разморозить холодильник… пристроить Ромку (попугай. — *А.С.*)… сыграть в спектакле («Уходил старик от старухи» — с Михаилом Андреевичем Глузским. — *А.С.*)…

— Ромку я могу взять на себя.

— Нет-нет, ни в коем случае. Вы уморите его. Вы же носитесь, как ошпаренная куропатка. Нет, я лучше зарежу его собственными руками, гильотинирую, выражаясь научно, чем он у вас умрет в страшных муках.

— Ну, давайте я предложу его своей подруге. Она очень домовитая.

— Ни за что! Ромка оцепенеет! Да он от страха перекрасится в черный цвет, но сначала потеряет от ужаса все перья!.. Самая большая моя трагедия, что я совершенно одна… Обычно после такой операции выписывают быстро. А я буду требовать держать меня до полного выздоровления.

— Чтобы вас успокоить, скажу, что при почти полном наборе родственников я бы в такой ситуации тоже предпочла подольше оставаться в больнице.

— Между прочим, мне Элла Памфилова подарила маленький диктофон.

— Наговариваете?

— Да.

— А операция тяжелая?

— Что за идиотский вопрос! Операция есть операция. Я когда-то спросила профессора Седых, какая самая легкая операция. Он ответил: «Аппендицит». — «А какая самая тяжелая?» — «Аппендицит».

Французские страсти

После «Чокнутых», неожиданно для себя, я стала миллионершей. Даже миллиардершей — в пересчете на франки. Спасибо французским товарищам — господам — журналистам.

Вообще у меня две истории, связанные с французскими журналами. Первая была с «Фигаро». После «Человека с бульвара Капуцинов».

Они взяли у меня интервью, но как желтому изданию им требовалось чего-нибудь соленого. И от себя они добавили, что я дочь крупного кинематографического начальника. Имелся в виду Александр Суриков, директор «Совинфильма», который моложе меня на год. Также они утверждали, что я прямой потомок живописца Сурикова. Так с их подачи я оттеснила Никиту Сергеевича Михалкова во второй ряд знаменитого родства.

Еще они написали, что у нас принято устраивать коллективное мытье в бане, а также, что ГПУ я расшифровала как «гласность, перестройка, ускорение».

Мне позвонили откуда следует и сказали что следует.

С этого момента я старалась давать интервью, прислушиваясь к собственному голосу.

Но… не прошло и четырех лет, как…

Ко мне обратилась веселая француженка из «Пари матч»:

— Пожалюста, расскажите что-то хорошее о себье. Все у вас плачут — наш журнал может немножко намокать.

На эту роль я охотно согласилась. У каждого из нас есть свои сорок бочек неприятностей. Как говорил Гриша Горин, неприятности — это единственное, чего нельзя достать по знакомству. Они зарабатываются честным трудом. Мое кредо — делиться радостью, а неприятности переживать в одиночку. Твердому слову «кредо» не всегда удается соответствовать. Но я стараюсь.

Конечно, было бы странно плясать чечетку на развалинах отечественного кинематографа. Поэтому я отшутилась: живу в московском «Беверли Хиллз» (серо-голубые блочные дома), за фильм «Чокнутые» получила аж тридцать тысяч рублей (копейки по тем временам), имею две машины (одну даже на запчасти не покупали). Каждую из моих картин в разное время посмотрело от тридцати до шестидесяти миллионов зрителей (это была правда).

Вскоре в «Пари матч» вышла статья под названием: «Шесть новых русских миллиардеров делятся секретами своего успеха». Четверо из них были бизнесмены (двоих потом убили). Пятый — модельер Валентин Юдашкин. Шестая — я, ласточка. Фотография на фоне старого телевизора.

Корреспондент немножко перепутала, и миллионы зрителей обратились в миллиарды франков.

Телепрограмма «Время деловых людей» тут же передала отрывки из этой статьи в эфир. Мне посыпались заманчивые предложения.

Военный: Отдайте одну машину малообеспеченному полковнику.

Дети: Дайте миллион — нам не хватает на экскурсию в Австралию.

Некто: Мы тут привезли из Душанбе золото. Недорогое. Не желаете?

Продюсер из Южной Кореи: Что же вы ждете от меня денег на новый проект? У вас же их вон сколько.

Доброжелатель из Израиля: Мы организовали кружок любителей русского кино имени Аллы Суриковой. Необходим уставной капитал.

Я позвонила телевизионщикам. Пригласила домой: покажите, что брать у меня нечего и денег никаких нет. Все, что было, — вынесли.

Сама обратилась к адвокату. Если французы обозвали меня миллиардершей — может, удастся отщипнуть у них миллион-другой? Эдуард Успенский порекомендовал мне очень толкового адвоката. Но предупредил — она берет сто долларов за час.

«Управлюсь за пятнадцать минут», — подумала я.

Адвокатесса налила мне кофе и улыбнулась:

— Не торопитесь. Все, что до одного часа, — сто долларов, все, что после, — двести.

Я расслабилась. Мы всласть наговорились. Я поняла, что во французском суде мне ничего не светит — слишком там дорого. И с этим пониманием, заплатив положенные доллары, вышла на улицу. Моей машины на месте не было. Гаишник, взяв с меня штраф за парковку в неположенном месте, сообщил, куда эвакуировали мое авто. Я поймала попутку и, заплатив за дальность и за срочность, помчалась на Рябиновую улицу выручать свою машину. Там я заплатила еще один штраф и еще выложила деньги за стоянку. Общая сумма затрат, наверно, покрыла бы расходы на французского адвоката… Но…

В чистом поле четыре воли.

Кому на донышке, а кому с переливом.

Кому спозаранку, а кому на поминках.

Это из прибауток, загадок, поговорок и пословиц, которых я вволю накопила для чокнутых строителей «чугунки».

КАНИКУЛЫ

Между двумя картинами — «Чокнутые» и «Московские каникулы» — прошло долгих четыре года.

Четыре года я искала деньги, сценарии, себя.

Не одна я, конечно. Тогда, в первой половине 90-х, в схожем положении оказались многие режиссеры. Это были вынужденные каникулы.

Проекты начинались и лопались. Картины запускались и останавливались. Деньги находились и испарялись.

У меня есть пробы к пяти неснятым картинам…

Тогда же родилась идея телепрограммы «От незавершенки к нетленке». Режиссеры должны были рассказывать о фильмах, которые не сняли, артисты — о ролях, которые не сыграли, композиторы — о музыке, которую не написали, и т. д. Такой праздник «со слезами на глазах». Идеей загорелся Игорь Угольников, но потом извинился и начал делать «Добрый вечер» с собой.

Грустный «романс»

Одним из авторов сценария фильма «Кенигсбергский романс» был мой Первоисточник — Эмиль Брагинский.

Именно с «романса» начался мой «роман» с продюсерами. Долгий и непростой.

Мне был предложен договор на тридцати восьми страницах. Согласно ему я обязывалась не беременеть. А также не заниматься дельтапланеризмом, подледным ловом и вообще не подвергать свою жизнь риску. Мария Владимировна Миронова отреагировала:

— Ну тогда вам надо было бы жить в другой стране.

Но я жила в этой стране и с этими продюсерами.

Сперва я пыталась что-то исправить. Изменить «беременность» на что-нибудь более лояльное. Продюсер придумывал другие «запятые»… Тогда я решила подписать любой устраивающий его договор. Этим занялся мой муж Алик: моя корректность была на исходе, нервы на пределе. Но продюсер сам все вносил и вносил какие-то исправления. Неподписант оказался очень изобретательным. Потом Эмиль Вениаминович скажет мне грустно: «Им эта картина и не нужна была вовсе…»

А в это время уже шли пробы актеров, выбор натуры…

Предполагалось, что фильм будет совместным с немцами.

По сценарию в Калининград, бывший Кенигсберг, приезжает господин Диттер. Он ищет дом своих родных. Встречает русскую женщину, которая ему помогает, и влюбляется в нее.

На пробы приехал прекрасный немецкий актер Уве Оксенкнехт. (У меня сохранилась маленькая фотография с ним в обнимку. Благодаря ей охрана немецкого посольства как-то беспрепятственно пропустила меня в здание — даже не проверив мои документы.)

Могла бы получиться славная брагинская «лав стори»… Увы.

Потом у меня будут разные продюсеры и разные отношения с ними. Но никогда больше при упоминании имени продюсера у меня не будет такого тягучего, горького, болезненного ощущения…

В ту пору я прочитала в «МК» заметку про растение борщевик. Оно разрослось пышным цветом в Подмосковье. Сок борщевика ядовитый — вызывает на теле ожоги. Следы от них остаются навсегда. Очень похоже…

…Я уже заканчивала пробы по картине, монтировала. А продюсер тем временем за моей спиной вел переговоры с другим режиссером — Л. К. Предлагал ему снимать это кино.

Три месяца Л.К. чего-то мастерил, проверял по заданию продюсера мои разработки, писал свой вариант режиссерского сценария. А позвонил мне, когда ему «наступили на обе ноги»:

— Он мне ничего не заплатил!!!

— Наверно, тебе стоило позвонить мне раньше…

— Он сказал, что обо всем с тобой договорился, что ты не хочешь снимать это кино….

Некоторые мои коллеги «слабы на передок», как выражался мой средний муж. Ну, набери телефон и сам спроси — все станет ясно.

А вот и я

Были пробы и к картине «Игра воображения». Тоже по сценарию Эмиля Брагинского. Вернее — по пьесе.

Как-то по дороге в свою любимую Италию Эмиль познакомился со слепым офицером-афганцем Геннадием С.

У Гены была своя фирма с нежным названием «Аленький цветочек», и он очень любил «смотреть кино». Именно так и говорил:

— Я очень люблю смотреть кино. Давайте попробуем сделать фильм вместе, — предложил он Эмилю.

Эмиль предложил мне. Название фирмы меня тронуло,

особенно своим контрастом с бизнесом бывших афганцев.

Я уговорила Эмиля попробовать новый, неизведанный жанр, жанр, которого не было, жанр, который мне давно мерещился…

Вместе с Эмилем мы уговорили Гену сделать пробы к картине в экспериментальном жанре. Обозначить его толком я не смогла. Остановилась на очевидном варианте — музыкальный.

Я хотела сделать кино, в котором не поют и не танцуют — но! живут под музыку. Ходят под музыку, накрывают стол под музыку, выясняют отношения под музыку. А если запоют или замолчат — это будет резким драматургическим поворотом, новым качественным скачком в отношениях героев. Если же музыка вдруг вообще стихнет, это покажется взрывом.

Поэт Юрий Ряшенцев переписал две сцены из пьесы стихами. Максим Дунаевский написал музыку. Даже не музыку — дал кое-какой ритмический рисунок.

— Все равно ничего не получится, — махнул он рукой. — Наши артисты этого не умеют. Только американцы — и то не все, а негры.

Ну что ж, наши «негры» включились в игру: Николай Караченцов, Лариса Удовиченко, Женя Симонова.

Они разыграли историю о том, как муж возвращается из командировки, а дочь ему докладывает, что мама ушла к другому. Но заботливая мама и бывшая жена приносит суп в семью и приводит подругу на освободившуюся вакансию жены.

Нет, сначала, конечно, артисты попристава ли ко мне с вопросами: что за жанр, как его понимать, с чем его употреблять и какова мера…

Но пришла шалая, жадная до любой новизны Светлана Воскресенская, классный хореограф, которая понимала меня с полужеста (слов все равно не хватало). Артисты успокоились, и началась работа.

Рядом встали художник Володя Королев и оператор Володя Нахабцев.

Однако фильм «Игра воображения» я все же снимать не стала. Его снял потом нормально, без всяких жанровых тупостей мой сокурсник, режиссер из Минска Миша Пташук.

— Ну почему же вы не хотите делать это кино? — сопротивлялся Гена-продюсер.

— Потому что я не хочу вас разорить. Чтоб снять такое кино, надо год репетировать, писать фонограммы, строить специальные декорации — а это очень дорого, и вовсе неизвестно — окупится ли, потому что история про сорокалетних, а жанр для молодых.

Но пробы не пропали. Мы смонтировали маленький видеофильм под названием «А вот и я». Я отнесла его на

Российское телевидение, и они с удовольствием купили.

Максим Дунаевский потом сказал:

— Если бы я знал, что у тебя из этого что-то получится, я, конечно, написал бы нормальную музыку.

Оператор Володя Нахабцев тоже:

— Если бы ты сказала, что понесешь это на телевидение — я бы хоть снял поприличнее.

Сейчас я иногда подумываю о том, чтобы поставить это на сцене. Если хватит жизни — может быть…

Не-сотворение любви…

Однажды мне предложили сделать картину с романтически-пафосным названием «Сотворение любви». Сценарий рассказывал о любви русской и китайца. И фильм задумывался как совместный с китайцами, что и привлекло — не скрою. Сценарий Анатолия Шайкевича давал возможность для сотворения.

Я даже съездила в Китай пообщаться со своими и тамошними продюсерами.

В Китае меня ожидало несколько потрясений.

Первое — это императорский дворец.

Он кажется фантастической декорацией. Трудно поверить, что здесь жили люди, что было тепло и уютно, что люди могли здесь любить… Нет! Только китайские церемонии, поклоны, косые взгляды, шорохи, застывшие полуулыбки…

Второе — сто китайцев воскресным утром учатся танцевать танго.

Легкая изморозь. Парк с зимними клумбами и голыми кустами. Скользковато-серая бетонная площадка. Аккордеонист в сером плаще и кепке. Женщины и мужчины средне-серого возраста. Танго «Брызги шампанского». Пары старательно, чуть сбиваясь, пытаются попасть в такт с новой жизнью. Так наивно и трогательно.

И еще — китайцы, бегущие по утрам с горшками.

Едва мы приехали, я обратила внимание: на одной из центральных улиц в жилом квартале через каждые два дома — надпись «Туалет». Спросила, почему. Оказывается, в домах туалетов нет. И китайцы перед работой трусят мелкими перебежками до общественных туалетов опорожнить ночные горшки. Веселенькое занятие.

А также — толстые, ухоженные, разодетые мальчики детсадовского возраста.

Китайцам запрещено рожать больше одного ребенка. Поэтому

мальчик — кормилец, добытчик — желанное дитя. Его холят, лелеют, сдувают с него пылинки…

В Китае наши продюсеры попили китайской водки и провели ряд не очень успешных переговоров, выявив свою полную неподготовленность.

В Москве мы (моя постоянная группа) успели снять пробы к будущей картине и даже одну полномасштабную жутко зимнюю сцену на катке…

Ну и конечно, как водится, — ни копейки, ни любви, ни сотворения… Я оставила себе в качестве гонорара секундомер. Не отдала — и все. Отомстила. И еще у меня остались фотографии китайского продюсера — из семейного архива. Он очень просил не потерять. Вот я и храню — на долгую память…

Екатерина и Александр — Ольга и Петрович

Ольга Кабо искала для себя материал, искала свою роль — было ей дано некое полуэфемерное обещание материальной поддержки от одного полумецената. Она пришла ко мне за советом. Я предложила ей подумать над прекрасной и романтичной историей любви Александра Второго и княжны Екатерины Долгоруковой. Она загорелась. Я познакомила ее с драматургом Валентином Азерниковым (мы делали с ним фильм «Искренне Ваш»), Вале идея очень понравилась. И он нырнул в эпоху. Глубоко и всерьез. Ушел в исторический запой. И пока не написал — не вышел. Он перерыл массу литературы, общался с историками, со знатоками эпохи. И знатоки многое из вымышленного позволили… допустили…

Например, мы с ним обсуждали необходимость некоего персонажа, который призван был опорочить Екатерину в глазах государя. Его на самом деле с таким именем и такой фамилией не существовало. Но он вполне мог быть… Пока Александр флиртовал то с одной, то с другой фрейлиной — двор умилялся: так было принято. Но когда появилась Екатерина и государь влюбился по-настоящему и надолго — двор вздрогнул. Это тревожило одних и ломало планы другим. Ведь Александр перевез Екатерину к себе во дворец. Она родила ему троих детей. Каждый свой шаг, каждое свое императорское слово он сверял с мнением любимой женщины.

После смерти императрицы государь, не дожидаясь окончания траура, сделал Екатерину своей супругой. А для того чтобы она мота стать императрицей, пытался срочно провести реформирование некоторых законов. Но, увы, не успел. В

счастливом браке они прожили несколько месяцев. Александра убили террористы. А Екатерина навсегда покинула Россию.

Однажды посреди Любви — когда и Он, и я светились счастьем, когда единение душ и тел было на высшем пике гармонии — я вдруг поняла, что ТАК не может быть, и стала метаться… Откуда-то притащился озноб… И она пришла. Беда. У Него открылась смертельная болезнь… С Ним ушел праздник, ушло ожидание чуда… Слишком большой был этот кусок счастья…

Сначала мы задумывали один большой фильм. У Азерникова история вылилась в целых четыре. Читалась упоительно. И что особенно важно — с прекрасным тонким чувством юмора, вполне соответствующим стилю эпохи.

Ольга достала денег, и мы поехали в Питер снимать пробы в самых красивых и любимых местах. Нас пускали — история этой Любви открывала все закрытые двери. Мы уже предвкушали радость новой совместной работы: Петрович — Александр Второй (после портретного грима Александра Сергеевича в телефильме «Дорога к Пушкину» никакие исторические гримы ему были не страшны), Ольга — княжна Екатерина. Это была ее роль, ее боль…

Но в это время по телевизору прошел сериал на ту же тему, снятый в Белоруссии. Не очень цветной… Однако тема «засветилась». Продолжать работу не имело смысла.

Вместо меня

Название рассказа Виктории Токаревой «Вместо меня» тревожило и настораживало. Но тем не менее я приступила к работе.

В пробах участвовали три пары актеров: Олег Ефремов — Игорь Угольников, Леонид Ясиновский — Дима Харатьян и Армен Джигарханян с Колей Добрыниным. Я уже была готова представить их на утверждение, но все лопнуло. Денег в Госкино на продолжение работы не было. Я предложила почитать этот сценарий одной ООО-даме. Дама попросила отдать его — к юбилею Вячеслава Тихонова в режиссуре Ростоцкого… Две отечественные легенды в одном проекте! — как я могла отказать…

Позвонил мне Станислав Ростоцкий:

— Ты что сценариями разбрасываешься?

— Если вы будете ставить, а Тихонов играть — я согласна.

— Да нет, уже не буду… Я живу на острове…

И Тихонов сниматься не стал.

Но проект ко мне не вернулся. Снял это кино — вместо меня — Володя Басов. В главной роли — Олег Стриженов.

Только раз…

Эдик Акопов когда-то написал пьесу о том, как встречают вместе Новый год три пары разновозрастных влюбленных — такая новогодняя сказка для взрослых.

А я сняла пробы к фильму «В ночь под Новый год, или Только раз бывает в жизни встреча…» — за собственные деньги.

Нет, сначала были обещания — дать денег на все кино «под большое декольте» — певицы Любы Успенской.

Один богатый поклонник ее таланта обещал сделать красивый жест. Потом даже не возместил потраченного…

В одной из ролей пробовался сам Евгений Семенович Матвеев. И хотя он играл не совсем того человека, что предполагал сценарий (тот персонаж должен был быть куда пассивнее, робче, а Матвеев играл настоящего мужика), — проба получилась интересной. Евгений Семенович вообще меня поражает: у него всегда «горит глаз». Женщина рядом с ним всегда чувствует себя женщиной. И это никак не зависит от его возраста.

…Венгрия. Давний год. Гуляю по вечернему Будапешту. Поперек тротуара — маленькая улочка. Даже не улочка — ручеек! Но со светофором. И горит красный. Долго горит!.. Воспитанные в послушании и уважении ко всяким правилам венгры стоят сырокопченой венгерской колбасой и терпеливо ждут зеленого. Вокруг ни одной машины и ни одного полицейского…

Я не выдерживаю. Мне их правила… по семечкам!..

Навстречу мне, с той стороны «ручейка», трогается какой-то представительный господин в светлом костюме. Вот, думаю, хоть один нормальный венгр нашелся!

Посреди «ручейка» мы сталкиваемся — Матвеев! Евгений Семенович!

Хохочем так, что светофор не выдерживает и дает нам зеленый. Евгений Семенович в Будапеште по делам картины. Я — по безделью и отдыху на Балатоне.

Потом гуляем вместе по ночному городу. Гуляем азартно и почти влюбленно. «Наши» в чужом городе…

Потом у меня на этот проект было еще несколько обещающих продюсеров. Но Кино никак не залаживалось: то снег выпадет —

деньги растают, то деньги выпадут — снег растает…

Так продолжалось до сегодняшнего дня.

Сейчас, в 2001 году, я заканчиваю к Новому году эту картину для ТВЦ. Но в ролях у меня уже другие актеры…

Документальная затея

Однажды в поисках денег на кино я забрела в какую-то юридическую контору к одному улыбчивому господину. Он был большим любителем фарфора, и в обмен на зыбкое обещание кинематографических денег я занялась поисками интересовавшей его фигурки «С легким паром!» (Эмиль Брагинский и Эльдар Рязанов в бане. По одной ноге у каждого — в шайке. «Одна шайка» — так окрестила моя будущая героиня свою работу.)

Я стала расспрашивать Брагинского об авторе этой «Шайки». И узнала о скульпторе Асте Бржезицкой. Эмиль сказал:

— Я вас познакомлю — и вы немедленно в нее влюбитесь.

Все так и произошло. Мне тут же захотелось снять о ней кино. Документальное. Кира Прошутинская (АТВ) дала мне съемочную группу. Ирена Лесневская (РЕН ТВ) помогла с монтажом.

Получился фильм «Фарфоровая затея». Он несколько раз шел по телевидению. Те, кто его видел, говорили добрые слова. Но это не моя заслуга. Гуля (так домашние и друзья называют мою — теперь уже девяностолетнюю — героиню) — удивительный человек: добрый, интеллигентный, красивый. У нее замечательное чувство юмора и великолепный русский язык.

Вот несколько ее историй.

* * *

В 19-м году отец привез меня в Крым, оставил у матери и уехал.

В этот момент в Крыму собралось огромное количество изысканной русской интеллигенции, которая решала для себя вопрос: быть или не быть, остаться или уехать… Всех лихорадило. Но мама мне сказала: «К тебе это никакого отношения не имеет. Едут люди или не едут — расти малограмотными нельзя». И поэтому я и дочери адвоката Овчинникова занимались французским, немецким, балетом, рисованием…

Нас загружали всем, чем можно было загрузить детей, чтоб они не просили есть. Голодно было жутко! Мы все писали стихи,

ходили на рисование в Мисхор к преподавателю Хотимцевой… Она была приятельницей Чехова… А в это время стреляли красные в белых, белые в зеленых… Но все привыкли. Никто не пугался. Вечерами все ходили к даче толстой Нюры слушать у калитки музыку. Там в это время жил пианист. Мне почему-то казалось, что это был Рахманинов… Но однажды мы пришли туда, а за калиткой в открытом окне развевалась тюлевая штора. И все.

Дворник сказал: «Уехал, уехал он, навсегда…» Вот эта тюлевая штора, влетающая в пустую комнату, как признак какой-то опустошенности, гибельности — влетела и в мою щемящую детскую душу… навсегда.

* * *

Валерий Павлович Чкалов был замечательный человек… Однажды наши журналисты пристали к нему с вопросом:

— Почему вы стояли потупившись, когда первая красавица Америки надевала на вас венок победителя?

— А я на ножки ее смотрел, — честно признался Чкалов.

Он никак не почувствовал того, что стал «величайшим и крупнейшим». Он по-прежнему любил Чайковского, преклонялся перед настоящей живописью, и хотя с него писали портреты и лепили скульптуры — ему это было как-то мимо.

Валерий Павлович помог мне поступить в институт. (Он знал меня по отчиму, скульптору Менделевичу, которому как-то позировал, а я была на подхвате.)

Я опоздала на все экзамены… Чкалов, а он в это время был человеком номер один — на всю страну, позвонил Грабарю и сказал: тут одна очень способная молодая скульпторша опоздала — примите ее хоть на каких-нибудь условиях, а я вам буду век обязан. Грабарь тут же решил, что я чкаловская любовница. Когда я на следующее утро к нему пришла, он оглядел меня со всех сторон и, убедившись, что у Валерия Павловича неплохой вкус, тут же зачислил меня в студентки с испытательным сроком. Уж как я выкладывалась, чтоб не подвести своего благодетеля…

* * *

В одной из зарубежных поездок (дело было в советские времена) группу наших художников сопровождал аккуратно стриженный светловолосый молодой человек с всегда безукоризненно чистыми ногтями и отсутствующим выражением

серых глаз. Нам его представили как искусствоведа. На нем был строгий черный костюм, который сделал бы честь любым похоронам…

Поначалу он бдил неусыпно и неустанно. А когда понял, что я уж точно никуда сбегать не собираюсь, расслабился, проникся ко мне доверием и осторожно попросил:

— Подскажи мне несколько простых искусствоведческих фраз, чтоб я мог хоть как-то соответствовать профессии….

Я посоветовала:

— Подойди к скульптуре, прищурься и скажи: «Смотрится!» Потом отойди на несколько шагов, склони голову набок и скажи: «Вяжется!» Потом обойди и скажи: «Компонуется!» Смотрится — вяжется — компонуется! Запомнил?

Он так хорошо запомнил, что потом ездил уже на другие выставки в другие страны абсолютным искусствоведом. Но все равно в штатском.

Таких и других не менее остроумных и интересных историй у Гули множество — хватило бы жизни, я опубликовала бы их все. Они стоят того.

Честь имею, а денег снова нет…

Сняв «Фарфоровую затею», я почувствовала вкус к документальному кино. Родилась идея сделать цикл портретов под названием «Имею честь представить» — о ярких личностях, жизнь которых знаменует собою связь веков Девятнадцатого и Двадцать первого. Тогда их было еще много.

Так я попала к Никите Богословскому.

(К этому моменту у меня уже была своя приличная цифровая видеокамера «Сони». Мне подарил ее Эдик Саркисян, мой коллега по «Детектив-клубу» — «из уважения к твоим фильмам»…)

Фильм прошел по ТВ-6 в день рождения Никиты Владимировича. Бесплатно.

Конечно, вместить одного Богословского даже в два фильма невозможно — композитор, поэт, писатель, рассказчик, самый известный сочинитель розыгрышей, острослов, ценящий людей, «которые мыслят иронически и правильно говорят по-русски», а также Кавалер с большой буквы — все это Никита…

Ухоженный, изысканно одетый, лощеный, всегда вкусно пахнущий Господин. В ту пору, когда все вокруг были товарищами, Никита уже был Господин, и никак иначе.

«Блистательный дамский угодник в самом высоком смысле

этого слова. Любитель и ценитель женской красоты и женских структур», — так сказал о нем Аркадий Арканов.

«Если за мной ухаживали дамы — я охотно шел им навстречу», — сказал о себе Никита Владимирович.

Однажды он «пошел навстречу» ленинградскому композитору, очаровательной женщине, которая моложе его на сорок лет — Алле Сивашовой. (У нее много известных песен и романсов. Мне очень нравится «Натали» и, конечно же, песня «Улыбнись, Россия!», которую она вместе с Никитой Владимировичем и поэтом Борисом Дубровиным подарила нашему фестивалю комедии.) Алла стала его женой, другом, любимой женщиной. И ссорятся они, по признанию Аллы и Никиты Владимировича, как молодые. А потом Богословский с мольбой о прощении пишет стихи о своей любви…

…Эти годы я прожил, как будто в раю,
Опираясь на нежную руку твою….
Я старик, но тебя я люблю всей душой,
Иногда обижая от дури большой.
……..

Виноват пред тобой я, наверно, всегда,
Что испортил твои золотые года.
Да простит меня Бог, и ты тоже прости,
Что скрестились неровные наши пути…
……

Мне не жалости нужно, мне нужно любви.
И коль сможешь, ты снова меня позови.
И чтоб горькую боль от меня отвести,
Если сможешь — прости. Если хочешь — прости.
Твой навеки — Никита

Когда слышишь такие признания в Любви, невольно сверяешь свою жизнь с той, что рядом…

…Но что уж тут сверять…

«Поздно, Нора! Вы полюбили вора!» Поздно, Алла! У вас КИНО — сначала!

Шанс…

Через много лет после фильма «Рождение танца» (1975) я попыталась вернуться к жанру фильма-концерта.

Фокусник Рафаэль Циталашвили убедил меня, что такой фильм ждут в разных странах. Я тоже оказалась фокусником и убедила в этом продюсера — Александра Шкодо.

Шкодо, владеющий несколькими языками, физик по образованию, игрок по натуре, коллекционер старинного восточного оружия по хобби, не докучал мне мелочной утомительной опекой. Моя задача была уложиться в оговоренную смету.

Получился фильм «Дайте чуду шанс».

Потом Саша Шкодо исчез. Как фокусник. Наверно, на него «наехали». Иначе бы он не рванул отсюда. Его знали и любили. Он умел дружить.

Сижу как-то у Льва Новоженова в программе «Старый телевизор», говорю про сериал «Идеальная пара», ругаю НТВ за хамский показ. Вдруг звонок в эфир из Германии — Саша!

Понимаю, что грустно ему там, тоскливо и чего-то хочется пообещать — то ли денег на кино, то ли ужин в тайском ресторане…

Договорилась созвониться с ним вечером. Много вечеров прошло с того дня.

В тот период мне как-то позвонил мой Вова Бутылочное горлышко из Сочи. Он спросил:

— Линишна, я чего-то не пойму — ты кино бросила, что ли?

— Да нет, Володенька, пытаюсь…

— И где они, фильмы?

— С продюсерами не ладится.

— А давай я буду твоим дусером. Чо для этого надо?

— Ну, деньги…

— Маленько есть. Своих.

— Нет, надо много. И чужих. Так что копите, Володя, копите. Принимайте побольше посуды.

Мы — в шопе

Мне предложили снять рекламу для фирмы «Пост-шоп».

У них были необычные товары: термоноски, термоперчатки, всякие супы для похудания, эротические духи… Съел суп, надушился — и снял все проблемы.

Интересно было попробовать. Никаких жестких условий мне не ставили, и я согласилась. Придумала ноу-хау — рекламный сериал. Валя Азерников сочинил симпатичные скетчи для персонажей. Композитор Евгений Крылатов написал музыку, а я

— слова к песне про «Пост-шоп». В этих словах и крылась моя главная «фенечка». Там был такой припев:

Мы в шопе, мы в шопе,
Сегодня мы в «Пост-шопе»…

Заказчик сначала чуть не поперхнулся. Но потом понял: клипы начнут крутить, и вся страна запоет «Мы в шопе». Чего еще надо? В рекламе же важен крючок, зацепка, манок — на который попадется зритель и слушатель.

Было сделано десять выпусков. В них снялись Лидия Николаевна и Маша Шукшины, ансамбль «На-На», Леня Ярмольник, Саша Пашутин, Толя Ромашин, Сережа Габриэлян и другие прекрасные актеры. Продавщицами в магазине «Пост-шоп» работали самые красивые студентки актерских вузов Москвы. Танцы ставила Марина Суворова. В общем, команда собралась нехилая… Даже я рискнула сняться в одном сюжете — но потом себя вырезала категорически: с точки зрения режиссера я эту роль не потянула — ни по красоте, ни по таланту.

Было весело и азартно.

Но мне опять не повезло с «дусером». Я нашла заказ, деньги, группу, а молодой человек, некто Игорь К., которого я позвала поработать, назначил себя продюсером, поставил себе крутую зарплату, взял себе в замы девочку — да и укатил по своим другим делам. Пришлось с ним расстаться.

Всю работу за Игоря и его девочку фактически сделал мой муж. Реклама получилась забавная. Но телевидение все-таки не рискнуло распевать на всю страну: «Мы в шопе!..» Леня Ярмольник утверждает, что именно поэтому мне рекламу больше не доверяют.

И все-таки…

И все-таки мои вынужденные каникулы закончились «Московскими каникулами». Хотя не сразу и не просто.

Сперва сценарий «Московских каникул» год пролежал у улыбчивого продюсера Олега Ч. Олег был силен в обещаниях и слаб в рукопожатии. Дело стояло. Вернее, валялось.

Как-то в коридорах «Мосфильма» меня встретил мой бывший художник Володя Королев, ставший президентом чего-то там. Он решительно сказал:

— Мне не нравится, что вы не снимаете. Я хочу, чтобы вы работали и получали деньги за свои картины.

— А как я этого хочу!

— Давайте делать кино вместе!

И вместе со сценарием мы с Эмилем Брагинским перекочевали к Королеву. Затем, взявшись за руки, пошли в Госкино к Армену Медведеву за господдержкой. Он нас «господдержал».

О сценарии «Московских каникул» Эмиль Брагинский как-то заметил: «Этот сценарий я писал не по заказу. А для собственного удовольствия. Каждый кинодраматург пишет один и тот же сценарий всю жизнь. Я пишу о любви в жанре так называемой городской сказки. Меня называют утешителем, а мое кино утешительным. Ничего плохого в этом я не вижу».

В фильме должна была прозвучать песня — от лица главного героя, московского интеллигента, кандидата никому-не-нужных наук. Я вычислила Андрея Макаревича — не просто как автора песни, но и как соавтора роли. Переговоры с ним провел Леня Ярмольник. Он же потом и спел эту песню в фильме.

…А над городом живет Бог.
Сорок тысяч лет и все — сам.
И конечно, если б Он мог,
Он бы нас с тобой отдал нам.
……..

Но сойдет с Его лица тень,
И увидит Он, что я прав.
И подарит нам один день
В нарушенье всех своих прав…

Услышав ее, Эмиль сказал:

— Нам с вами повезло, госпожа Сурикова. Есть шанс сделать серьезную комедию. Если мы чего не доскажем картиной, Макаревич дотянет песней…

Русская звезда Сиона

Иру, Ирочку Селезневу, исполнительницу главной роли, я вычислила теоретически. Ведь героиня была иностранкой с русскими корнями. А Ира жила в Израиле, куда уехала вместе с тогдашним мужем, певцом и композитором Максимом Леонидовым. («То ли мальчик, а то ли виденье…»)

Я разыскала Максима в Москве. Спросила с наивностью продавщицы из овощного:

— А Ира красивая?

— По-моему, очень.

— А по-итальянски она, случайно, не говорит?

— Если надо — заговорит хоть по-китайски. За неделю.

Я Иру видела только в картине Михаила Швейцера. Она снялась в «Крейцеровой сонате», будучи еще студенткой ЛГИТМиКа. Роль ее в этой картине не вызвала у меня восторга. Но кандидатуру Селезневой поддержала Люба Горина, редактор почти всех моих картин. Она видела ее в израильском театре в спектакле по пьесе Гриши Горина.

Уехав в Израиль, Ира за один год выучила иврит. Стала играть и сниматься. Совершенно русская актриса стала израильской звездой.

Витя Шендерович рассказывал, как однажды в Израиле вместе с поэтом Игорем Губерманом они ехали с какого-то концерта.

Сильно подвыпившие. Их остановил полицейский за превышение скорости. А потом, обнаружив, что водитель Губерман еще и пьян, отобрал права и стал выписывать огромный штраф.

Мимо проезжали Ира и Максим (с того же концерта). Они остановились, вступились за земляков.

Полицейский тут же узнал Селезневу, растаял и вернул Губерману права:

— Езжайте тихо, осторожно.

Словно на иврите говорил наш гаишник.

Ира приехала в Москву на первую «пробную» встречу…

Она привезла с собой свою улыбку, талант и прелестный характер. Все это пошло в дело. Она стала итальянкой Лучаной.

Как ни пытались ее «испортить» мои коллеги — ничего не выходило.

Оператор Володя Нахабцев шутя подначивал Иру:

— Ну прояви характер! Ну топни ногой! Ну устрой скандал! Ты же главная героиня! Ты — примадонна! Ты должна капризничать, требовать, раздражать!

Лишь однажды, уже на озвучании, Ире удалось изобразить недовольство. Озвучивалась ее парная сцена с Табаковым. Олег Павлович записал ее раньше, и Ира работала одна.

— Ну почему? — спросила Ира капризно. — Почему одна?! Ведь вдвоем интереснее! И получается точнее.

— Вы правы, Ирочка. Но у Табакова — операция на связках. Извините.

— Это вы меня извините, — смутилась Ира.

…В школьные годы Ира была чемпионкой по плаванию. В душе она по-прежнему чемпионка. Ей много дано. Но она не станет топить окружающих, чтобы доплыть первой. Всегда протянет руку и поможет…

Попугай в холодильнике

Леня Ярмольник до этого снимался у меня только в ярко-комедийных ролях. Теперь я решила попробовать его в ином качестве — сделать героем лирическим. Открыть нового Ярмольника. Тем более что он давно не появлялся в кино.

Но мне предстояло преодолеть сопротивление некоторых коллег и, теперь уже можно признаться, Первоисточника… Со времени нашей последней картины Ярмольник стал шоу-бизнесменом. Организовал на телевидении свою развлекательную передачу, которая нравилась далеко не всем.

А киношники вообще перестали воспринимать Леню как своего актера. Тогда еще считалось зазорным для художника участвовать в откровенно коммерческих мероприятиях.

…Миша Козаков рассказывал, как однажды в Израиле он снялся для рекламы какого-то банка. За большие деньги, которые тогда ему, приехавшему жить в чужую страну, очень были нужны. Потом забыл об этой съемке.

— И вот, — говорит, — иду как-то на репетицию в свой театр. И — о ужас! — на каждой стенке вижу мое вдохновенно-идиотское лицо. Я рекламирую банк! Боже, как я войду в театр? В храм! В святыню!! Но делать нечего. Вхожу. Меня хлопают по плечу. Поздравляют. «О'кэй! Твое лицо хорошо смотрится. Это большой успех! Молодец!»

Ничего зазорного коллеги Козакова в рекламе с его «вдохновенным» лицом не обнаружили.

Одна известная актриса, которую я приглашала в картину, узнав, что будет сниматься Ярмольник, отказалась наотрез.

Но меня поддержал оператор Володя Нахабцев. Это вообще очень важно, когда актер нравится оператору. Ему ведь «в дырочку» виднее.

Я надела на Леню очки, приклеила усы. Они сделали свое дело — мы ушли от шоумена и приблизились к «шестидесятнику».

«Попугай в холодильнике» — так сам Ярмольник определил манеру своей игры в картине. В кадре он вел себя очень сдержанно и достойно.

— Не Ярмольник из телевизора, а прямо секс-символ какой-

то, — заметила одна почтенная дама после премьеры «Московских каникул» в Доме кино (она до того не была его поклонницей).

— Мы вернули зрителю прекрасного актера, — согласился наш Первоисточник.

Конечно, у Лени достаточно завистников и недоброжелателей…

Есть пара актеров (с обоими я работала), которые не могут мне простить Ярмольника. Увидев меня, вместо приветствия они по-балаганному кричат:

— Смотрите! Вот идет режиссер, который снимает Ярмольника. А ведь была неплохим режиссером. Подавала надежды.

Интересно, будут ли они кричать то же самое Алексею Герману, у которого Леня играет главную роль в фильме «Трудно быть богом»…

Полковник Якубович

Роль начальника отделения милиции сыграл Леонид Якубович. Это большой риск — приглашать на роль в кино популярного ведущего самой популярной тогда телепрограммы. У Ярмольника все-таки кроме телешоу за плечами была богатая актерская кинобиография.

Здесь Нахабцев держался до последнего:

— Не надо!

А Эмилю Брагинскому до начала съемок я вообще не говорила, кто будет играть начальника…

…Начальник милиции появлялся первый раз в кадре спиной, буднично и по-деловому. Потом поворачивался — и зритель уже был наш.

Якубовичу сниматься нравилось. Леня был соучастником, сопридумщиком. Однажды в собственной машине он даже нелегально перевозил двух арестованных «убивашек» (его выражение) из одного отделения милиции в другое: на время съемок надо было освободить камеру для Лучаны, героини Селезневой. Причем Якубович был в форме полковника.

Эти задержанные хулиганы, которых он вез, были безумно счастливы. Всю дорогу они кричали:

— Приз — в камеру!

Вскоре после картины Якубович получил звание заслуженного артиста России. Артист? Ну конечно же! Он так артистичен на своем «Поле» и так доброжелателен к игрокам. От

него идет положительный заряд. А сегодня это очень важно.

Как-то он позвонил мне и спросил осторожно:

— Твоя мама жива?

— Да. (Мама ушла из жизни совсем недавно.)

— Понимаешь, — сказал он. — У нас будет «Поле чудес» к Восьмому марта — с мамами известных людей.

— Ленечка, она, наверно, не сможет: возраст, депрессия. Но я спрошу на всякий случай.

Звоню маме, и она неожиданно говорит:

— К Якубовичу? Пойду! Он очень приятный.

Выпила элениум — и пошла.

В подарок от «Поля» как ветеран войны она получила кухонный комбайн, наборы косметики и витаминов. А мама подарила музею «Поля» мундштук, который в 1942 году вырезал влюбленный в нее солдат. Он лежал в госпитале, где мама была врачом.

А однажды Леня позвал меня на первоапрельское «Поле чудес». Просил придумать какой-нибудь розыгрыш для зрителей о наших с ним отношениях.

Я, как могла, во всем «созналась»:

— Дорогой Леня! Настало время сказать людям правду о том, что произошло между нами в тот далекий романтичный день…

Звучала тихая музыка. Мы танцевали, глядя в глаза друг другу… Было красиво и нежно.

Прошли годы. У нас подрастает дочь. Ей примерно восемнадцать лет… Я прикинула: моральный ущерб, возведенный в степень утраченных иллюзий, с компенсацией инфляции, и все это умноженное на двенадцать месяцев в году — получается сто тысяч двадцать четыре доллара. Эти деньги, дорогой, я вложу в слово из четырех букв, первая буква «к», потом «и», «н» и, наконец, «о», которое сниму о нашей любви и посвящу его тебе…

Что у нас подрастает дочь, Леня поверил даже больше, чем зрители. Во всяком случае, когда я познакомила его с моей Кирой, они подружились настолько, что Леня взял ее однажды в самолет, пилотируемый им самим… А Кира прихватила с собой и трехлетнего сына Колю, которого Якубович прозвал «говорящая голова». Хорошо, что об этом полете я узнала гораздо позже их приземления…

Собачья радость

Третьим главным героем картины стал пес Джеки. Он блестяще сыграл приблудную собаку по кличке Сюрприз.

Сценарист Эмиль Брагинский был большим собачником. К нему тоже когда-то приблудился пес. Эмиль дал ему кличку Лайт, «светлый». Наверно, он и стал прообразом нашего героя.

Мы объявили собачий конкурс, и к нам стали съезжаться претенденты со всей Москвы. Хозяйки сниматься хотели, их псы — нет. Одни дрожали, другие рычали, третьи норовили сбежать. Четвертые вообще оказывались суками, хоть и вели себя достойно. И все, как назло, были чересчур породистыми.

Джеки, пес профессиональной дрессировщицы Амиры, был уникальным артистом. Он выполнял все команды с голоса на приличном расстоянии. Несмотря на его не совсем искомые внешние данные (не хватало «бомжеватости»), мы утвердили его единогласно. И ни разу не пожалели.

Иногда Джеки даже импровизировал.

Снималась сцена, когда Ира Селезнева ложилась на скамейку и засыпала. Собака укладывалась рядом с ней. Приближался милиционер, и пес должен был поднять голову. Но при виде милиционера Джеки спрыгнул, залез под скамейку и уже оттуда начал рычать и лаять. Это была его «актерская» находка.

В другом эпизоде Джеки должен был постоять перед Ярмольником с сочувствующим выражением морды. Потом обогнуть кровать, залезть под нее, достать оттуда портмоне, вернуться и снова встать перед Леней — с этим портмоне в зубах, и все одним актерским дублем. Джеки все проделал без запинки. Наша группа просто разразилась аплодисментами.

Именно Джеки помог придумать финал картины. В сценарии первоначально он был другим: Лучана улетала, а Гриша с собакой, одинокие и грустные, оставались в аэропорту…

Я выяснила у Амиры, сможет ли Джеки прыгнуть на руки к героине. Она пообещала. И мы переписали весь финальный блок — под этот последний кадр картины…

Украденный Рим

Наша героиня едет из Италии в Москву, чтоб похоронить на родине любимую собаку любимой русской бабушки. Чтоб накапать достоверности в эту сверхоригинальную завязку истории эксцентричной богатой итальянки, мы решили снять настоящую Италию, Рим — хотя бы как фон под титры.

Чтоб долететь до Италии, у нас хватило и энтузиазма, и милостей «Аэрофлота». А вот чтоб по-настоящему снимать на улицах Рима — нужны были специальное разрешение и «крутой» карман спонсорских денег. Кармана не было. Соответственно не

было и разрешения.

Все было готово — машина, камера, актриса. Но не итальянская полиция и жандармерия.

Начинаем снимать. Подходят полицейские:

— Здесь снимать нельзя.

Тут с ними вступает в контакг Ярмольник. Он невинно интересуется:

— Совсем нельзя?

— Надо иметь специальное разрешение.

— А с рук можно?

— С рук можно, но коротко, а с земли без специального разрешения вообще нельзя.

— То есть много нельзя, а немножко можно? — валяет дурака Леня.

— Нет-нет, нельзя!

Тут Леня боковым зрением видит, что мы уже заканчиваем съемку.

— Ну что ж, раз нельзя, значит, нельзя. Значит, не будем! Нет, не будем снимать. Закон нарушать нельзя. Поедем в другое место. Мы закон уважаем. Уважаем, и точка.

Пока он таким образом отвлекал полицию, вздыхал и разводил руками, мы успевали все снять.

Валентин Толкачев, президент корпорации ТВТ, красивый и элегантный, был одним из наших ангелов-попечителей.

Я все время подбивала его сняться хотя бы в эпизоде. Он категорически не соглашался. Но однажды все-таки попал в кадр, случайно, однако с большой пользой для картины. Когда Валентин вместе с Леней отбивал нас от очередных жандармов (а мы в это время, как и положено, снимали), панорама скользнула по его выразительной фигуре, которой он, к счастью, перекрыл Леню Ярмольника, то бишь московского героя фильма — Гришу, иначе кадр был бы испорчен: с какого такого перепугу, непредвиденно и неоправданно, Гриша оказался бы в Италии в начале фильма?!

Воровать Италию очень помогал еще один высокий, широкоплечий и очень надежный человек — ассистент оператора Толя Мананников. За ним прятались и камера, и оператор Нахабцев. Толя тихо двигался вместе с камерой, а из-под его руки скромно торчал «шпионский» объектив.

Так мы пиратски отработали все три дня. Единственное место, где нам не приходилось прятаться, — был наш российский консульский особняк, который в фильме сыграл роль богатого дома богатой Лучаны.

Я попала в Рим впервые. Но не испытала ни священного

трепета, ни естественного желания походить по музеям. Я всего лишь приехала на съемку. (Сейчас бы мне туда — прогулялась бы как следует.) Из всего Рима запомнились места съемок да полицейские с жандармами.

Моя милиция

Родная милиция в родной Москве тоже не стояла в стороне от съемок. Чаще помогала, но иногда мешала.

Только начали репетицию на Ленинских горах — тут как тут ГАИ:

— Нарушаете! Где разрешение?

— Да у меня все письма месяц назад подписаны и разосланы! — блефует Ярмольник.

Милиционер — к рации. Обзвонил все начальство. Возвращается:

— Нет ваших бумаг нигде!

— Вот видите, как вы работаете! — возмущается Ярмольник.

— Это почта, — оправдывается гаишник.

Катафалк

Был в картине и четвертый главный герой. Автомобиль «Багги».

Куроргная машина. Открытая, развозит отдыхающих по пляжу.

В сценарии у Эмиля Брагинского значились «Жигули». Оператор Володя Нахабцев стал тихо поднывать:

— В «Жигулях» неинтересно: ни сцены не снять, ни осветить…

Конечно, он был прав.

Володя однажды уже снимал «Багги» в какой-то картине и вспомнил о ней.

Но я боялась неординарности, изысканности, в которую могла увести эта машина. Мне казалось, что она помешает зрителю воспринимать ученого Гришу как обычного московского полубезработного интеллигента. Поэтому отнеслась к Володиной идее настороженно.

Все же мы поехали к Сергею Воробьеву, постановщику трюков, смотреть машину. «Багги» оказалась жива и здорова. Была маленькой и скорее смешной, нежели экстравагантной. И жуткого ярко-красного цвета. Зато номер у нее был 0651 — сумма

первых двух цифр была равна сумме последних. Это был счастливый номер! Для меня! (Каждый человек имеет право на свой маленький идиотизм…) Остальное меня уже не волновало — заверните!

Перекрасить в черный было делом одного дня. И вот наше чудо — на съемочной площадке.

— Я на этом катафалке не поеду! — восклицает Лучана.

— Это же антиквариат, Ремарк в подлиннике, — парирует Гриша.

А потом Ира Селезнева обаятельно обыграет «невозможности» этой машины, то падая в нее спиной, то задирая ноги, как у балетного станка.

А пес будет запрыгивать на багажник машины так грациозно, как будто всю жизнь на этой машине только и ездил.

Постановщиком трюков тут же стал Сережа Воробьев. Сложных задач у него на этой картине не было — один раз скатиться за Ярмольника по лестнице, один раз покрутиться за Селезневу на машине, ну и чтоб «Багги» была безотказной.

…Однажды к нам на площадку зашел Александр Иншаков, президент всех каскадеров. Просто проведать нас.

Мы как раз снимали эпизод, где героиня Селезневой, взбалмошная итальянка, на огромной скорости крутилась в машине по двору, никак не могла ее остановить и вылетала на улицу, разметав груду коробок.

— Саш, — шучу я, — слабо упасть в этой груде случайным прохожим?

— Не слабо, — отвечает он серьезно.

— Бесплатно…

— Согласен.

— Прямо в этом красивом костюме?

— Прямо. У меня еще один есть.

Упал и снялся. Прямо в том красивом костюме.

Бой на мосту

В маленькой роли у меня впервые снялась Лия Ахеджакова. Прекрасная комедийная актриса.

Ее героиня, жуликоватая и вместе с тем жалкая дамочка, с двумя подручными обирает Лучану на мосту.

В картине мы «оприходовали» два моста.

Один из эпизодов — поездку к бывшей Гришиной жене — снимали на Крымском. Шум, гарь, с двух шагов не слышно друг

друга. Невозможно дышать.

Пришел человек:

— Я директор моста! — кричит.

Я даже не знала о такой должности.

— Очень приятно! — кричу — Чем можем быть полезны?!

Ну, все как обычно: платите, пляшите, дышите…

Эпизод с Лией снимали на Бородинском. Без директора, но еще труднее: шумно, много пешего народу, машины со всех сторон. Яркое солнце.

Оператор Нахабцев решил свести с ним счеты. Я поняла, что его лучше не трогать. Конечно, оператору хочется, чтоб все выглядело идеально, чтоб сцена была снята в одном световом режиме, лучше в мягкий пасмур… Но, увы, так сегодня почти не бывает. Нет времени, читай — денег, чтоб ждать подходящую тучку. И тем более нет возможности перенести из-за этого съемку на следующий день. Но иногда я отступаю.

Полдня мы провели в ожидании погоды. А в кадре у нас четыре актрисы, каждая из которых вечером торопится на спектакль, да еще Леня Ярмольник, массовка и собака.

Леня выезжал на мост сбоку. На этот момент мы перекрывали основное движение. И пускали транспорт только следом за ним.

Из окон автомобилей и троллейбусов нас приветствовали, советовали, напутствовали:

— Бездельники! Мы с работы едем. А они тут развлекаются…

— Ночью надо кино снимать!

— Ой, ой, смотри, Ахеджакова! Дайте автограф!..

Мы все же успели снять эпизод. Володя «плюнул на солнце», взял в руки камеру и длиннейший и сложнейший эпизод снял с рук. Это физически под силу далеко не всем операторам…

А другой эпизод с Лией мне пришлось сократить: не вписывался в ритм финальных сцен. Мне его очень жаль — этакий собирательный образ нынешнего режиссера на светском рауте. Почти автошарж (написал его Витя Шендерович).

Прием был в разгаре. Люди группировались по интересам, обмениваясь поклонами, визитками, улыбками…

У одной из таких групп в шляпке, украденной у Лучаны, с большой — не к случаю — сумкой через плечо крутилась «Хозяйка» (героиня Лии Ахеджаковой).

Две Важные персоны (одного играл мой приятель, главный редактор газеты «Культура» Юрий Белявский) заканчивали разговор. Первый протянул визитку Второму:

— Вы позвоните мне завтра. И мы обо всем договоримся.

«Хозяйка» перехватила визитку. Сунула свою.

— Непременно. У вас такие добрые глаза. Хотите стать моим спонсором?

— Я?!

— Миллион рублей у нас уже есть. Нам нужен еще миллион долларов — и все. Я обеспечу вам бессмертие. Когда вы умрете, на вашей панихиде будут говорить только о нашем фильме…

— Почему я должен умирать?

— Да живите сколько хотите. Только дайте денег!

— Но я не даю денег неизвестно на что.

«Хозяйка» полезла в сумку. Вытащила сценарий.

— А он у меня случайно с собой. Прочтите. Сто двадцать страниц. Как раз до горячего успеете. Обрыдаетесь!

— Что вы! Не хочу я рыдать!

— Ну хорошо, обхохочетесь. Дайте денег, и мы переделаем его так, что родная мама не узнает. Только дайте денег! Поймите, я вам предлагаю потому, что вы мне по-человечески симпатичны.

Мне же любой даст — и мы поедем в Канн с ним… Я даю вам время подумать. Не будьте дураком… Вы можете искалечить себе всю жизнь…

Специально для Лии я потом смонтировала и напечатала этот эпизод. Мне хотелось, чтобы у нее осталась добрая память о нашей работе.

Автографы

Несколько замечательных актеров снялись в небольших ролях и крошечных эпизодах: Наташа Гундарева, Олег Табаков, Армен Джигарханян, Марина Дюжева. Я просила их оставить в картине свои автографы.

В маленьком эпизоде в ролях алкоголиков снялись писатель Михаил Мишин и режиссер, сценарист и художник Александр Адабашьян.

Было очень важно, чтоб алкаши, с которыми выпивает Лучана, были интеллигентными людьми. Чтоб это «читалось» без дополнительных разъяснений и подпорок…

Сначала я договорилась с двумя прекрасными драматургами Валерием Приемыховым (его уже нет с нами, хотя мы с ним успели посмеяться над превратностями его актерской судьбы в этой картине) и Эдуардом Володарским. Но случилось непредвиденное: оба, похоже, стали репетировать заранее. И ни тот, ни другой на съемку не явились.

Хорошо, что у Лени Ярмольника были мобильный телефон, мобильная машина и мобильные мозги. Дозвонились до

Адабашьяна и Мишина.

Оба с удовольствием согласились. Тему их разговора мы толь ко наметили: художник — свобода — деньги. И дали Саше и Мише газету «Культура», огурец, валидол, раскладывающийся стаканчик, водочную бутылку с водой и… возможность блеснуть в импровизации. Они и блеснули…

Я очень хотела сделать героев Адабашьяна и Мишина кочующими из одной моей картины в другую. Но на следующей же картине воспротивился продюсер: алкаши — да. Но не интеллигенты.

Москва… Москва… Люблю тебя, как дочь…

Выбор московской натуры и радостен, и труден. У каждого кинематографиста, снимавшего хоть одну картину в Москве, есть своя любимая или своя удобная Москва. Мы проездили места почти всех прежних «боев» всех членов съемочной группы.

А Виктор Петров, один из лучших художников «Мосфильма», покатал нас по своей Москве.

«Да, взялся Лужков за Москву!» — повторяли мы каждый раз слова Витиной мамы, пожилой женщины, которую восхищало и удивляло обновление столицы.

Снимали во дворе старой обсерватории, в переулках Арбата и Солянки, в квартирах сотрудников обсерватории и писателя Виктора Ардова, где жила когда-то Анна Андреевна Ахматова.

В квартиру Ардова на съемку к нам приехал даже Эмик — он никогда не ездил на съемки, но тут ему очень захотелось побывать в комнате Анны Андреевны.

В этой квартире живет мой сокурсник по Высшим режиссерским курсам Боря Ардов, сын писателя. Он и позволил нам снимать у себя. Очаровательный, нежный человек. Слишком интеллигентный, чтоб быть устроенным…

Вот пара его рассказиков из своей жизни и из жизни отца.

Моя последняя дочь младше первых внучек… Как-то внучки играли во дворе, шалили, громко кричали. А дочь в это время спала. Я выглянул в окно и крикнул им:

— Тише, ваша тетя спит…

Однажды, выступая на каком-то представительном собрании, Луначарский заявил, что в нашей стране нет полового вопроса.

Тогда отец написал такие стишки:

Луначарский сказал,
Так что ахнул весь зал —
Нет у нас полового вопроса!
А вопрос половой
Покачал головой —
Не поверил словам Наркомпроса…

А Фаина Георгиевна Раневская, послушав их, сказала: «Я так и вижу, как он головой качает…»

В 1996 году «Московским каникулам» дали премию московской мэрии. Большая, представительная комиссия отсматривала и отчитывала многие произведения литературы и искусства, посвященные Москве.

До сих пор считаю эту награду одной из самых дорогих: я действительно очень люблю этот город. Он не положил к моим ногам ключи от своих ворот. Я его «завоевывала» — долго, трудно и честно. А мой отец его защищал во время войны.

Премии вручал вице-мэр Валерий Павлинович Шанцев. Он пожелал мне новых картин, чтоб я «продолжала радовать зрителей».

— Спасибо… — улыбаюсь. — Будут деньги — будут новые картины.

— Да за деньги каждый дурак снимет, — засмеялся Шанцев.

— Не каждый… Через одного…

Маски

Государственными деньгами, которые я нашла для картины, распоряжался некий финансист Гр. Дважды в день он целовал мне руки. Другая бы насторожилась от такой куртуазности, а я — «ни в одном глазу»…

Когда стало понятно, что денег на картину не хватит, Леня Ярмольник засучил продюсерские рукава и действительно нашел деньги.

Тут как раз выяснились интересные подробности про «поцелуйного» финансиста: под маской джентльмена скрывался жулик. Он организовал какой-то банк, куда многие вложили деньги. И, как водится, исчез. С деньгами и воздушными поцелуями.

Поэтому картина перешла в руки Лени.

Ярмольник довел ее до конца. В качестве актера в кадре он

был послушным, дисциплинированным и трепетным. В качестве продюсера — стремительным, резким, иногда взрывным, не всегда приятным, но всегда принимающим решения… и почти всегда верные. А что было неверно, то почти стерлось из памяти.

Леня очень умело, используя свои телевизионные возможности, организовал рекламную кампанию «Московских каникул». Мы с Нахабцевым даже притихли от такого напора. Но Леня оказался прав. Потом одно агентство предоставило мне справку от прокатчиков. В России «Московские каникулы» составили серьезную конкуренцию бестселлеру того года — американской «Маске». Фильму с грандиозным бюджетом.

Новая жизнь

На фестивале «Московского комсомольца» «Великолепная семерка» приз за картину мне вручала Раиса Максимовна Горбачева.

Накануне я решила в очередной раз начать новую жизнь. Такое желание, направленное на красоту, здоровье и умственное совершенствование, возникает у меня всякий раз после окончания очередной картины, то есть раз в два-три года.

Начинать лучше с бега. Вышла утром из дома и побежала вокруг нашего пруда. Увидела большую ветку — взялась за нее, подтянулась… Очнулась на земле. Потеряла сознание.

Подошел участливый человек, предложил вызвать «скорую».

До дома я дошла сама, но «скорая» все-таки приехала. Врач прописал строгий постельный режим.

Но — приз! Дом кино!.. Посадив мужа в первом ряду (для страховки при спуске), я поднялась на сцену. Пока Раиса Максимовна Горбачева рассказывала, за что нас награждают, и, чтоб зрители в зале удостоверились, что она честно видела картину, пересказала своими словами понравившийся ей эпизод с Мишиным и Адабашьяном, я сочинила план: будем спускаться вместе с Раисой Максимовной, я ее между делом схвачу за локоть — и вперед!

Зал поаплодировал. Мне вручили диплом и красивый тяжелый приз в виде паруса. Мы начали торжественный спуск. В тот самый момент, когда я уже нацелилась на локоть Раисы Максимовны, она вдруг хвать меня первой под руку и тихо зашептала на ухо: «Понимаете, Аллочка, я сегодня подвернула ногу, ну не подниматься же мне на сцену с охранниками?! Вот я и решила: будем спускаться — я за Аллочку подержусь…»

Пришлось мне расправить плечи и продемонстрировать

полную режиссерскую надежность. Не подводить же первую Первую леди…

Когда хоронили Раису Максимовну, я была на кладбище. Не могла не прийти. Нас связывали страна надежд и та лестница.

Свой черед…

Ксения Ларина, ведущая «Эха Москвы» и других теле- и радиопрограмм, сказала мне недавно — после очередного показа картины по телевизору:

— Ваши картины обладают интересным качеством. Когда смотришь их в первый раз, то не воспринимаешь сразу весь «объем». Во второй раз они смотрятся гораздо интересней.

Не от нее первой я это слышу.

Рада, если действительно так. У меня в связи с этим разыгралось «величие мании», и я нахально перефразировала известную строчку Марины Цветаевой: «Моим кинам, как драгоценным винам, настанет свой черед».

И снова поиски, пробы, унизительный процесс выпрашивания и ожидания денег…

Однажды зашла к главе какого-то банка — сейчас этого банка уже не существует, — естественно, глава хапнул и смылся…

— На кино деньги даете?

— А как же. Вот сейчас пятьсот тысяч «уё» дали режиссеру К. (ничего не говорящая фамилия. — *А. С.*).

— А что он будет ставить?..

— Ух, классная вещь, «Пуля — золотой осел»…

— А вы это читали?

— Не… Он рассказывал… Там полный улет!

Ну, что делать, если Апулей у того банкира — оказался «пулей»…

Про пули — оно понятней, ближе…

Сценарий «Дети понедельника» я прочла на комедийном фестивале в Краснодаре. Он получил там приз.

Написал сценарий Алексей Тимм. Мягкий, интеллигентный человек, автор рязановского «Привет, дуралеи», данелиевской «Фортуны». И еще десятка других фильмов. Сценарий поначалу показался мне совсем не моим и несколько прямолинейным. Да и снимать его собирался в Белоруссии совсем другой человек. Собирался-собирался и не собрался…

А Алексей за это время сценарий переделывал-переделывал и переделал. Он стал острее, ироничнее. Я заинтересовалась и дала почитать руководителю «Мосфильма» Владимиру Николаевичу Досталю. Он был краток:

— Запускаю!

Хождение в народ

Достал Досталь деньги и решил запустить сразу три «мосфильмовских» проекта: «Полицейские и воры» Николая Досталя, «День полнолуния» Карена Шахназарова. И моих «Детей понедельника».

По поводу «Детей» Владимир Николаевич напутствовал:

— Надо сделать настоящую народную комедию.

— Ага… Служу Советскому Союзу…

Если бы герои нашей комедии жили в городе, она была бы лирической. Если бы в деревне — то наверняка народной. Но

действие нашего фильма разворачивалось в маленьком провинциальном городке… Поэтому я определила жанр будущей картины как… сентиментальная комедия. И с этим настроем пустилась в плаванье.

Он — полу-новый полу-русский, чуть не разменявший жизнь на 200 грамм тротилового эквивалента. На эту роль я пригласила Игоря Скляра.

Она — «пороховая баба», нежная и решительная провинциальная мадонна. Тут мы с продюсером были единодушны, предложив эту роль Ирине Розановой.

Собрав группу, мы поехали искать маленький город и дом с садом, где жила мадонна Лидия.

Неожиданные встречи, странные люди…

…Центральная площадь города Б. Засиженный птицами памятник Ленину с непропорционально огромной простертой дланью… А позади Ленина в лучах заходящего солнца — грустный древний храм в забытых строительных лесах…

…Город С. Маленькие одноэтажные потрепанные домики, старой постройки, и вдруг среди них… огромный металлический забор, приборы внешнего слежения, пятислойная охрана и розовый, сверкающий на солнце особняк в три надземных этажа… «Запахло» нефтью…

…В старом темном с резными ставнями и дореволюционными цветными витражами доме — высокая сгорбленная старуха, Анастасия Георгиевна. Очки на ней в палец толщиной. Диоптрий — немерено.

— Маменька и папенька у меня были земскими лекарями…

В буфете кузнецовский сервиз с трещинами через всю жизнь. Люстра — с пылью эпохи модерн. Подлинник Поленова. Книги в старинных переплетах. В основном на французском. На глухом рояле — фотография красивой молодой женщины в черной резной раме.

— Ольга, доченька… Погибла в автомобильной аварии. Пила…

…Изба. Топится по-черному. Мебели никакой. Стол да печь. Заскорузлая вонь. На столе в криво сколоченной рамке — старая фотография сына бабы Тони, хозяйки избы.

— Да паубивали яво. Он с ими водавку пил да из дому все тянув. А патом они жа яво и закончали… Вот и я пью с Тимофеичем… Слышь, Тимофеич, слязай, тута кино приехало, угащение дают…

С печки сползло нечленораздельное лицо…

В поисках дома Лидии — просторного, деревянного, старинного, но не рухнувшего, а выстоявшего, мы объездили все Подмосковье. Даже к дачам приглядывались и подбирались. Но зимняя заколоченность дач навсегда портит их характер. Что-то сквалыжное просачивается сквозь переплеты окон.

Помогла найти тот самый замечательный дом одна милая энтузиастка из отдела культуры города Звенигорода. Поэтому и кино мы поехали снимать в Звенигород.

Песнь о продюсере

Мне не нравилось название «Дети понедельника». И я снова, как много лет назад на «Человеке с бульвара Капуцинов», объявила конкурс. На название… И посыпалось… «Пологий холм для крутой любви», «Яблоневый сад», «Две сестры и Митя», «Белых яблонь дым…», «Пороховая баба», «Старая новая любовь»… Но… продюсер оставил «Детей понедельника». Такой он, Про-дю-сер! Имеет последнее право.

Я тут недавно решила перечитать на досуге свой договор с продюсером на постановку фильма. Так сказать — задним числом. Потому что передним его ни читать, ни подписывать нельзя. Он сформулирован по принципу:

— Я имею право?

— Да!

— А могу?

— Еще чего!..

Ну, а тогда и кино не снять… А поскольку снимать я все равно вознамерилась, то и договор подписала — как советовал мне мой учитель Георгий Николаевич Данелия. Он сказал: я подписал не читая…

Однако это можно делать только с теми людьми, которым в принципе доверяешь. Я продюсеру Досталю доверяю.

Мы работали хорошо.

Он запустил картину на студии «Ритм», где я делала почти все свои фильмы.

Работа была РИТМичной и четкой.

Мне нравится его подход к делу. Досталь — человек достаточно жесткий, без интеллигентских «кренделей». Он придирчив к выбору актеров, но это его святое право и даже

почетная обязанность.

Зато потом, уже в текущей работе, — ни мелочной опеки, ни сумасбродства, ни придирок, а нормальная деловая атмосфера и точное представление о том, какую «продукцию» он хочет иметь в результате.

В этот раз мне повезло и с финансовым директором — Еленой Крыловой. Я чувствовала, что работаю с единомышленником. Это большая редкость: финансисты и режиссеры после выхода фильма нередко остаются в прохладных отношениях. Если не сказать — в конфликтных.

Лена любила повторять: «Когда голова касается подушки — я мгновенно засыпаю: меня ничто не мучает. У меня совесть чиста. Я знаю не хуже других, как можно обманывать, но я хочу засыпать спокойно».

Легкое пламя

Игоря Скляра я никогда прежде не снимала. Но недавно нашла какой-то киножурнал и обнаружила интервью с Игорем, которое сделала моя дочь Кира много лет назад, когда поступала на журналистику в МГУ. Значит, Игорь уже возникал в нашей жизни. Значит, все неслучайно.

Приехала в Питер на фестиваль «Золотой Остап», чтобы познакомиться с Игорем. Дала ему почитать сценарий:

— По-моему, для вас…

— По-моему, тоже… — Игорь загорелся…

Но легким пламенем. Есть актеры, которые опасаются загораться сильно: вдруг сорвется? Поэтому мы болтали о необязательном. Потом он подвез меня на своем «Запорожце» в центр на какую-то фестивальную встречу.

А Досталь тем временем попросил меня посмотреть и других.

Пробовались еще два актера.

Обворожительный Леня Лейкин, «лицедей», с глазами во все лицо… Такие глаза не могут лгать — это про него… А мне нужен был немножко мерзавец. Кроме того, Леня был серьезно занят в своих клоунских гастролях. Так что на его «порчу» времени не оставалось.

Вторым был Саша Мохов из «Табакерки». Он снимался у меня в рекламном сериале и в «Московских каникулах» милиционером Гришей. С ним тоже нужно преодолевать его открытость и обаяние, а экранного времени на это нет.

Красивый, подвижный, пластичный Игорь Скляр, иногда очаровательно-грустный, иногда талантливо-противный — был

ближе всех к «идеалу»…

Я показала пробы Досталю. Он согдасился со мной:

— Да, Скляр.

Зеленый чай

Таня Догилева и Ира Розанова пробоваться, естественно, не хотели. Ну не любят они пробы. Я уговаривала:

— Посидим, поболтаем, семечки погрызем…

Семечки на съемочной площадке — занятие абсолютно запретное. Я обычно как коршун бросаюсь на «грызунов». Но в данной ситуации они нужны были — для характера, для атмосферы.

Погрызли. Ира Розанова стала героиней. Таня Догилева — ее старшей сестрой.

Ира — прекрасная актриса и замечательный человек. Она по доброй воле разделила со мной заботы о группе. Обычно я слежу, все ли одеты, обуты, накормлены. Теперь у меня появилась помощница.

У Иры всегда был с собой термос с зеленым чаем. Своим особо диетическим питанием она «заразила» всех: побольше салатов, вместо сахара — сухофрукты. Даже самые прожженные мясоеды стали как-то стесняться проявлять свои кровожадные наклонности…

Оператор Гриша Беленький с гордостью говорил мне:

— Смотри, какой я стал! Могу ремень уже на первую дырку застегнуть.

С тех пор он так и держится в хорошей форме и рядом с Ирой…

Даже я пару раз садилась на Ирину диету. Но не больше чем на день-два. Просто диетой надо заниматься всерьез, помнить о ней все время. А когда я работаю, разбирать, что вредно, а что полезно, мне некогда. Это отвлекает. Надо быстро поесть и думать только о КИНЕ. КИНУ мешает нормальное пищеглотание.

Не то чтобы я не любила пожевать — даже очень-очень… И почти все время: то кедровые орешки, то яблоко, то сыр — с тех пор, как бросила курить… Поэтому, когда в самый неподходящий момент на съемочную площадку привозят еду и объявляют обеденный перерыв, я бываю огорчена чрезвычайно: свои восемь с половиной кусочков я уже перехватила и — сытый голодному не товарищ, а товарищ-режиссер.

Для вдохновения

Игорь Скляр из той породы актеров, которые уверены: если у них роман по сценарию, значит, за кадром должна быть по крайней мере влюбленность… на время съемок. Чтоб глаз горел, чтоб пела душа…

Утвердив актеров на главные роли, я пошла с ними поужинать в ресторан, хозяином которого был Артем Готов. Несмотря на свой суровый бизнес, Артем — человек чистый и романтический.

За ужином Игорь улыбался Ире своей ослепительной «зубастой» улыбкой. Обольщал. Ира изящно ускользала.

Жена Игоря — Наташа Акимова работает с ним в одном театре. Чем-то она напомнила мне героиню, которую сыграла в нашей картине Ира Розанова. Семьей Игорь очень дорожит. У него глаза влажнеют, когда он говорит о сыне Васе. (Я сама убедилась: Вася — необыкновенный, очень светлый человечек.)

Наташа из тех женщин, что устоят на любом ветру. И прикроют тех, кто рядом. Поэтому мужья очень дорожат ими. Хотя могут сорваться и «полетать». Но полетают-полетают — и обязательно обратно в гнездо. Подобных женщин, во всяком случае, в нашем актерском мире, немного. Может быть, еще Лариса Луппиан, жена Миши Боярского.

Белый орел и другое птицы высокого полета

Алеша Жарков сыграл алкоголика. «На подхвате» у него были «собутыльники» — Толя Калмыков и Сережа Габриэлян. Их социальный уровень был пожиже, чем у героев Адабашьяна и Мишина в «Московских каникулах». Но выпивали они все на той же газете «Культура» и рассуждали о вечном (позаимствованном у других авторов):

— Между прочим, минута смеха заменяет один стакан сметаны.

— А минута плача — одно кило лука… Ну, давайте за это.

— Я не могу, мне больше нельзя, руки трясутся…

— Это тремор по-научному…

— Тремор — это хорошо… Чем больше пьешь — тем больше трясутся. Чем больше трясутся, тем больше расплескивается. Чем больше расплескивается, тем меньше выпиваешь. Значит, чем больше пьешь, тем меньше выпиваешь!

Леша Жарков немного перестарался в «репетициях». Но был

искренним и трогательным, когда объяснялся в любви «хрупенькой» Марго, чтоб одолжить у нее денег на выпивку.

Толя Калмыков — цирковой актер. Смешной, пластичный, легкий. Он снимался у меня в «Человеке с бульвара Капуцинов», в «Чокнутых», в шестой серии «Идеальной пары». Зрителям же Толя Калмыков больше всего известен по рекламе водки «Белый орел». Когда одна из звенигородских газет писала о наших съемках, текст украшала лишь фотография Толи крупным планом: вот какие орлы в фильме играют!

Сережа Габриэлян — очень талантливый и недостаточно востребованный актер. У меня тоже с главными ролями для него — не получается. Но если есть возможность, я всегда его приглашаю в свою картину.

В роли прохиндея-проповедника снялся Виктор Павлов. Тоже по-своему орел. Мягкий, пушистый, но ух! — стервятник! Глаз наметанный, цепкий, точный. С ним я работала впервые. К нему сложно пробиться: он скрывается за густой словесной вязью, но профессионал высокого полета. Заглянуть в Витины глаза невозможно — он тут же заглядывает «обратно». Надавить на Витю нельзя — он прогнется в одном месте и вырастет в другом… Его надо только любить, любоваться и чуть-чуть, не больно, покалывать.

В «Идеальной паре» Витя сыграл таможенника Петрушу Сапожникова. Пройдоху и взяточника, которого все равно жалко…

Был момент на съемке, когда мне показалось, что мы с Витей «заваливаем» роль. Шереметьево. Жара. Сроки. И много текста, в котором Витя не любит быть точным — а надо. Партнерство требует.

Я была в отчаянии. Но… прошло время. Монтаж. Лишнее выбросили. Кое-какие слова передали соучастникам по эпизоду… Говорят, сыграл Витя превосходно. Да и я вижу, что — случилось…

В очень коротенькой роли снялся замечательный Гена Назаров. Он играет начальника цеха, в котором работают одни бабы — и все «пороховые».

Зарплаты нет… Платит он им петардами… Бабы грозятся взорвать фабрику.

— У меня от вас волосы стынут в жилах! — кричит расстроенный начальник.

Гена приехал к нам на съемки на один день. С другой картины. Какой-то грустный и очень робкий.

— А можно, я здесь вот так сделаю?

— Можно, — отвечаю.

— А можно, я не эти слова скажу, а чуть их переставлю?..

— Конечно, можно. Пожалуйста! Как вам удобно… Да хоть все слова выбросим… Смелее! Импровизируйте! Я вам доверяю!

Гена выдохнул, улыбнулся, расслабился.

— Меня на предыдущей картине режиссер так замордовал, требуя произносить каждую написанную букву, что съемки превратились в мучения.

Сергей Никоненко сыграл участкового Олега Карповича Яценко. Сыграл смешно, азартно и трогательно:

— Где это видано, чтобы мент на глазах у всей улицы с банкомата взятку драл?! — возмущается герой Никоненко. И уже со слезами в голосе добавляет: — Да еще вблизи бывшей площади Дзержинского?! Хочешь ксиву новую, — суровеет он, — гони наличку в предоплату, и то — по великой дружбе…

И хотя герой Никоненко и выпивоха, и бабник, и взяточник, Сережа играет его так, что он все равно вызывает сочувствие и даже нежность.

Мне кажется порою, что солдаты
Не получают заработной платы…

— поет Карпыч проникновенно.

Ну, не виноват он… Жизнь такая! И берет Карпыч тихо и скромно и даже делится со всеми…

В сериале «Идеальная пара» у Сергея сложный, многослойный и трагикомичный образ депутата Лукошина. Напридумать теоретически образ своего будущего героя — манеру поведения, особенности походки, речи — могут многие артисты, а воплотить его, этот образ, на экране, удержать, выстроив весь путь из точки А в точку Б, когда кино снимается в «наоборотном» порядке, — очень сложно! Но не для Никоненко.

Сейчас мы заканчиваем с Сережей новую картину для ТВЦ. Здесь у него центральная роль, вернее, две роли. Он играет двоих братьев-близнецов — таких похожих и таких разных. И делает это снайперски.

Татьяна Кравченко появилась у нас в картине отчасти благодаря Ире Розановой. Когда уже есть исполнитель главной роли, остальные подбираются по каким-то едва уловимым «родственным связям».

«Кравчила», как ласково зовут ее в родном «Ленкоме»,

нравилась мне давно. Ира Розанова, Сергей Никоненко и Сережа Баталов водили вокруг меня хороводы: «Возьмите Кравчилу! Кравчила — это то, что надо!»

И Кравчила оказалась в картине, а я ни на секунду не пожалела.

От нее шел такой поток энергии, такое желание нравиться мужчинам, что даже козел Гриша при виде Кравчилы вставал на задние ноги.

Татьяна замечательно «спелась» с Сережей Никоненко, и вдвоем они составили искомый любовный дуэт.

Армена Джигарханяна я уговорила сняться в эпизодической роли банкира. Конечно, для него это проходной эпизод и таланту здесь развернуться негде — так, чуть-чуть мазнуть кистью: рубашка в яркий мелкий цветочек, шейный цветной платочек, вкрадчивые манерки… Но когда Армен на съемочной площадке — все вокруг подтягиваются, все ищут его взгляда, всем нужно попасть в поле внимания Джиги (так называют Джигарханяна за глаза его молодые коллеги). Наверно, если б у нас с ним не было Вождя племени Зубров из «Двух стрел», я бы не рискнула пригласить его на такую маленькую роль…

В «Идеальной паре» он снова сыграл маленькую роль — два коротких эпизода прохиндея Негребского, который дурит людей идеями бессмертия. Конечно, эту роль мог бы сыграть другой артист — но тогда жулик был бы мелкий и его полеты в Париж для открытия филиала своего клуба Бессмертия казались бы очень надуманными. А когда это делает Джигарханян, понимаешь, что организация серьезная и деньги идут по-крупному.

Снялась в «Детях понедельника» в малюсенькой роли и мой большой Талисман — Наташа Крачковская. Она сыграла продавщицу мороженого.

— Наташа, — говорю, — снимись, а потом мы с тобой куда-нибудь покатаемся на премьеры…

С Наташей ездить замечательно. Она прекрасный товарищ, веселый, компанейский, легкий.

Мы съездили на север. В Мурманск, в Карелию… Привезли по песцовой шапке и по ведру брусники. Наташа — роскошная хозяйка. И у нее эта брусника нашла массу вкусных применений. А у меня лишь пошла на настойки.

А начались наши с ней совместные поездки давно, еще после «Суеты сует».

…Однажды приехали в Магнитогорск. На фестиваль «Мастера

советского кино — легендарной Магнитке». (Так меня сразу записали в мастера.)

Нас с Наташей поселили в гостиничном номере, где когда-то останавливался Косыгин. Номер был один, но двухкомнатный. С мебелью из карельской березы. Весь горизонт за окнами светился цветными дымами. Красиво, романтично… страшно: хлопья дыма оседали на подоконнике, угрожая всему живому. Как можно рожать детей в таком «угаре»?!

Я забралась на косыгинскую кровать — решила расслабиться с дороги. Наташа взялась поухаживать за мной: «кофэ в постэль»… Кофе сварила кипятильником в стакане. И поднесла.

Когда она брала этот стакан, он, видимо, еще не очень нагрелся. А когда передавала его мне, он уже дошел до кондиции. И я его упустила. Стакан упал мне на грудь. Грудь отчасти сползла вместе с рубашкой.

Боль от ожога была адская. Рана не заживала, несмотря на все советы и примочки. Но выступлений я не прервала. Выходя на сцену, говорила:

— Мы приехали к вам с «горячим» сердцем…

У нашей творческой группы эта реплика вызывала «горячий» восторг.

А как Наташа носилась с моей грудью! Мне иногда казалось, что ей больнее, чем мне, — такое у нее было лицо. Вообще это оказалось даже приятно — когда все тебя жалеют, сочувствуют. Когда все к тебе ОТНОСЯТСЯ…

Лева Прыгунов достал сперму кита. Сказал, что очень помогает от ожогов…

Борис Андреев — легенда советского кино и замечательный, милый человек — из сочувствия ко мне поднялся в наш номер на второй этаж, что для него было почти подвигом, и принес мне соленую воблочку. Хотел меня утешить.

Взамен я подарила Андрееву историю, которую мне рассказал отец.

В сорок каком-то году мой папа оказался в одном купе с Андреевым. Тот сошел раньше. Отец увидел, что Андреев забыл свои калоши. Схватил их и, рискуя отстать от поезда, выбежал на перрон. Нашел Андреева уже на вокзале и отдал. А ведь мог бы оставить как сувенир! Калоши Счастья…

В сегодняшней жизни у нас с Наташей «случился» эпизод в шестой серии «Идеальной пары». Она украсила его уже тем, что появилась. Я люблю своих друзей — актеров. И для меня большое приятствие встречаться с ними в новой работе. Жаль, что не всегда хватает для всех ролей…

Григорий был красавцем. С бородой. С рогами.

Настоящий козел.

Он стал третьим представителем козлиного племени, которого я снимала.

Оператор Гриша Беленький морщился:

— Сурикова! А нельзя ли обойтись без этих… «насекомых»? Ну или хотя бы дать ему другое имя?

Зато, работая между двумя Гришами, я каждый «козлиный» день загадывала новое желание…

Несмотря на красоту, дух от нашего козла шел тяжелый и неистребимый. Первое время я не могла находиться рядом с ним. С ужасом думала: «Как же мы проживем по соседству всю картину?» Но привыкла. Потом даже гладила и за удачно сыгранный эпизод готова была расцеловать его в козлиные уста. Обшлага моих рубашек еще долго напоминали мне об этой дружбе.

А дрессировщица Гриши сказала, что запах козла может исчезнуть, если лишить его мужского достоинства. Поэтому когда про мужчину говорят: «козлом пахнет» — это не обидно. Это скорей комплимент: значит, настоящий мужик!

Перед козлом Гришей ставились все новые и новые актерские задачи. Вначале он должен был лишь пробежать в кадре. Потом мы «попросили» его встать на задние ноги, потом захотелось, чтоб он «поговорил», потом потребовалось скорчить рожу, и так далее.

Самой сложной козлиной задачей оказалось броситься в погоню за Лешей Жарковым. С одной стороны, эта затея не нравилась Леше. С другой — сам козел Гриша вовсе не желал за ним мчаться. Дрессировщица требовала:

— Раздразните его! Раздразните!

— Ага! Вот сейчас все брошу и начну его дразнить… А если я захочу еще иметь детей?!

Все-таки Леша начал наступать на козла, но Григорий лишь бил землю копытом и выставлял рога. Тогда мы пошли на кинематографический обман: надели на дрессировщицу костюм Жаркова. За ней Гриша побежал как миленький. Леша вздохнул облегченно.

Жаль, что мы не догадались об этом раньше и потратили на козла очень много пленки «Кодак». Оператор стоял рядом с работающей камерой и мрачно отсчитывал:

— Два доллара… Еще два доллара. Еще два.

Потом мне пришлось просить дополнительную пленку: козел

«сожрал» ее целые километры.

На «Идеальной паре» мы, умудренные «животным» опытом, уже не мучили ни Павлова, ни собак Павлова. В нужный момент в нужном кадре дрессировщица надевала брюки Павлова — правда, они на ней не сходились в бедрах, но бедра мы «отрезали», то есть в кадр не брали — и собаки дружненько шли за ногами «Петруши Сапожникова», куда нам было нужно.

О речке и Гаре

Мы жили в санатории под Звенигородом. С трехразовым питанием. С целебным хвойным воздухом. Когда группа живет в хороших условиях, это очень облегчает работу. А если под окнами пробегает река — она снимает усталость и отвлекает от алкогольных возлияний.

Наш директор Коля Гаро нашел этот санаторий. Он шепнул мне:

— В городе все бы бегали в магазин за водкой. А тут бегать некуда! Разве что на речку…

Гаро — хороший директор и принципиальный человек. Но принципы свои может объяснить только с помощью ненормативной лексики. Правда, меня этим не испугаешь. А группа быстро привыкла и научилась переводить на разговорный язык.

Большие гонки

Жена нового русского, которую играла прекрасная актриса Таня Догилева, должна была ездить на навороченной крутой машине. Моей голубой мечтой был желтый кабриолет. Но ассистенты разводили руками. И я уже была согласна променять голубую мечту на красный «Мерседес», как вдруг…

Возвращаюсь однажды с дачи по Профсоюзной улице, и внезапно меня обгоняет желтый кабриолет! Сердце так подпрыгнуло, что чуть не пробило крышу моих «Жигулей»!

Я что было лошадиных сил рванула за ним. Сигналила. Мигала. Водитель в ответ только прибавил ходу. Видимо, испугался.

И тут я увидела, как почти исчезающая из виду мечта делает левый поворот и исчезает в арке высокого дома. Вообще-то у меня в нормальной жизни ярко выраженный топографический

кретинизм. Но тут, к собственному изумлению, я сразу же нашла двор, куда нырнул кабриолет. Из машины вышли двое крепких ребят.

— Здравствуйте! Мне очень нужна ваша машина! — Я пошла на них в атаку с ходу, не давая им ни опомниться, ни уйти, ни выстрелить.

Ребята смотрели на меня внимательно и мрачновато.

— Я кинорежиссер, — пришлось спекульнуть названиями некоторых картин, — ваша чудесная машина как раз то, что мы ищем для съемок нового фильма. Буквально на один-два дня. Мы вам заплатим.

Ребята усмехнулись:

— Нужны нам ваши деньги! Мы вам и так ее дадим…

Хозяином кабриолета оказался Юра Кобец. (Его отец, генерал Кобец, находился тогда под следствием и сидел в Лефортове.) Юра — милейший молодой человек, с застенчивой улыбкой и хорошим чувством юмора. Он даже одолжил мне на время съемок свой мобильный телефон. Когда мы снимали на натуре, этот телефон нас очень выручал. А сам Юра мелькнул в одном эпизоде — в паре с моей дочерью Кирой.

К кабриолету был приставлен один из «хозяйских» ребят. Кажется, его звали Сережей, и, кажется, он был сыном кого-то из крупных чинов МВД. Несколько раз он заменял Игоря Скляра на общих планах. Мы снимали проезды кабриолета по Кутузовскому, и вместо Игоря в «пьяном» виде там валялся Сережа.

Сережа так вошел во вкус, что начал ухаживать за актрисами, выпивать во время работы и демонстрировать свою принадлежность к «избранным», когда машина останавливалась в людных местах. Ему хотелось в полном объеме «пожнать» актерских лавров. Слава казалась такой близкой — ну что там Скляр, что в нем такого особенного…

Но Скляр затрачивался каждой клеткой своей кожи, каждой струной нерва. И слезы, которые иногда стояли у него в глазах, — не были поддельными. В этот момент он так чувствовал, так переживал ту эфемерную жизнь, которая называется Кино…

А вот Сережа не уследил даже за машиной. И однажды она отказалась ехать. Пришлось сцену на бензоколонке снимать в машине, которая уже как бы подъехала (машину привезла на съемочную площадку автослужба «Ангел»). В кадр на полметра мы ее вкатывали руками. А сам подъезд к бензоколонке снимали в другое время и с дублерами….

В кино так бывает. Начало и конец одной маленькой сценки снимаются с интервалом в несколько месяцев.

А может, вовсе и не Сережа виноват в сбое машинного

организма, а кинематограф. Просили на один-два дня, а продержали кабриолет больше месяца. А машина нежная, к киношной жизни неприспособленная…

Планета Никулин

В последний день съемок мы узнали о смерти Юрия Никулина. Юрий Владимирович никогда не снимался в моих фильмах, хотя несколько раз мы вели прицельные переговоры.

Но у меня хранится от него грамота. Согласно ей, мне пожалованы шесть гектаров земли на малой планете «Никулин». Астрономы подарили ее своему любимцу. А он, в свою очередь, по частям раздаривал свои виртуальные гектары друзьям и знакомым.

Мне мои шесть достались очень смешно.

В буквальном смысле слова.

Однажды на дне рождения Юрия Владимировича в «Детектив-клубе» был объявлен веселый конкурс. Надо было рассказать анекдот, которого Никулин не знал. Я поделилась своим любимым:

Граф с графиней лежат в постели. Рядом лакей Василий держит канделябр. Граф исполнил супружеский долг.

— Ну что, графиня, вы довольны?

— Ах… — пожимает плечиком графиня.

— Так! — Граф садится в постели. — Василий! Перейди с канделябром на другую сторону.

Василий переходит. Граф снова исполняет свой супружеский долг.

— Графиня, на этот раз вы довольны?

— Хм… — опускает глаза супруга.

— Василий! Встань с канделябром вон там и подними его повыше.

Василий встает. Граф опять исполняет. Графиня опять недовольна. Тогда граф вскакивает, выхватывает у Василия канделябр:

— Васька! Ложись с графиней!

Теперь граф стоит с канделябром, а лакей исполняет его супружеский долг.

— Ну что, графиня, вы довольны? — интересуется граф.

— О да!

— Вот видишь, Василий, как нужно держать канделябр!

Никулин очень смеялся.

В дополнение к шести гектарам подарил мне два тома собранных им анекдотов с нежной надписью.

Узнав о смерти Юрия Владимировича, мы почтили его память молчанием и этот день посвятили ему…

А на «Идеальной паре» мне на съемку на мобильный позвонил отец и срывающимся голосом сказал: «Звонила какая-то женщина и сообщила, что умер Гриша Горин».

Гриша

Гриша Горин ушел из жизни…

Есть люди, быть рядом с которыми — знаково.

Не — весело, комфортно, интересно, или нервно, подтянуто, напряженно, или легко, бездумно, отвязно — а знаково. Я ЗНАКОМА С ГРИШЕЙ ГОРИНЫМ. И мне кажется, для меня, как для пионерки из четвертого «Б» класса, это знакомство — как «пятерка с плюсом» по поведению на всю оставшуюся жизнь.

В Афинах на высоком холме стоит Колизей. Со всех сторон величественный и великий. К нему надо долго и трудно подниматься. К его истории надо тянуться. Его надо постигать. А я общалась с Гришей Гориным запросто, советовалась с ним, смеялась и обижалась, радовалась и переживала. Просила посмотреть материал еще не готовой картины и дать пару советов… И Гриша смотрел, и давал советы, и звал на свои премьеры, и дарил свои книги… А главное — дарил себя.

Мне повезло — моим редактором и другом на пяти картинах была Любовь Горина. Любовь — во всех прямых смыслах. И это означало, что Гриша становился лицом заинтересованным. Мы этим пользовались. Многие пользовались тем, что Гриша не умел отказывать, ему просто неудобно было сказать: я занят… Но, может, тогда он и не был бы Гришей Гориным…

Фойе Дома кино. Сижу с какими-то людьми. Травим анекдоты смеемся, пьем пиво. Гриша меня увидел.

— Ага, значит, ты здесь сидишь, смеешься, время проводишь, а твой редактор Любаня вся испереживалась (речь шла о последнем этапе поправок — а их была тьма — по картине «Будьте моим мужем»)… Она не ест, не спит, нервно ходит из угла в угол, мне спать не дает и есть не дает тоже — а ты в ус не дуешь и слезы не льешь! Это никуда не годится! Пошли «дуть в ус» и делать поправки.

…91-й год. Тревожный. Грише 50. Дом архитектора. Все снова, как в 1919-м, решают для себя вопрос: уехать или остаться. Гриша говорит спокойно, честно, без пафоса о том, что он никуда не собирается. Лучше быть убитым здесь, чем живым трупом там…

…93-й год. Гриша организует групповое обучение английскому языку. Учимся каждый вечер по четыре часа — он, Люба и я.

— Стыдно не знать язык. Мы с Гельманом как-то летели в Америку. Я знал: «Ай эм Гриша Горин». Он не знал и этого. Промежуточная посадка в Шенноне. Выходим размяться в вестибюль. Саша тут же закурил, стряхивая пепел на свой пиджак. К нему подошла служащая аэропорта и стала что-то долго объяснять по-английски. Саша слушал ее внимательно. Ничего, естественно, не понял. Подозвал меня в качестве переводчика. Она начала свой длинный монолог сначала. Я, конечно, тоже ничего не понял и уже собирался признаться в этом и ей и Саше. Но!.. Вдруг среди потока слов я узнал два знакомых, которые только что долго светились на табло в самолете, — «ноу смокинг». Ноу смокинг! А, ну конечно же!

— Саша, дорогой! — сказал я снисходительно. — Она просит тебя не курить.

Саша с большим уважением посмотрел на меня и тотчас же выбросил горящий окурок в первый попавшийся синий ящик… Тут к нам со всех сторон аэропорта бросились полицейские и пожарные. Они сорвали синий ящик со стены, перевернули и стали яростно вытряхивать его содержимое на пол. Оттуда посыпались почтовые конверты… Да! Саша бросил свой окурок в почтовый ящик! Теперь понятно, почему надо учить английский?

…99-й год. День моего рождения. Отмечаем дома у моей дочери Киры. Мой младший внук Коля надевает Гришину кепку, и ввинчивается в Гришины колени, и не отходит, и ловит Гришин взгляд… Так мы их и сфотографировали… Когда он вырастет, я подарю ему Гришину книгу и расскажу, как смогу, о Грише.

…Март 2000 г. Грише исполнилось шестьдесят.

Я даже написала ему поздравление, но он укатил на свой юбилей к отцу в Америку — «Папа очень пожилой человек, девяносто, надо торопиться свидеться…»

И поздравление свое я ему так и не прочла. Не успела.

Дорогой Григорий!

Ты по происхождению врач, по жене — грузин, по таланту — писатель, по национальности — сатирик. Я поздравляю тебя с

юбилеем и радуюсь, что ты снова стал старше. Ибо чем старше Сатирик, тем моложе его друзья, тем глубже его корни, тем шире его взгляды, тем изобретательнее его дикция, тем тоньше нюансы его образов…

У меня к тебе только одно пожелание — никогда не уезжай из этой страны, никогда не покидай нас. У нашего народа нет другого способа СПАСЕНИЯ РОССИИ, чем чтение твоих книг, смотрение твоих фильмов и спектаклей, слушание твоих выступлений.

…Май 2000 г. Мы сидим в музее-квартире семьи Мироновых: Марии Владимировны, Александра Семеновича и Андрея Миронова. День рождения Маши Мироновой. Она — уже взрослая молодая красивая женщина, актриса театра «Ленком», мать очаровательного, лукавого семилетнего Андрюши Миронова. И Гриша весел, и шутит, и с почти отцовской нежностью напутствует дочь своего когда-то самого близкого друга Андрея Миронова, и… не собирается умирать.

Июнь 2000 г. У меня съемки в Серпухове. На мобильном — тревожный голос отца.

— Только что позвонила какая-то женщина и сказала, что умер Гриша Горин.

— Папа, ты, наверно, что-то перепутал… Гриша не может умереть…

Ну, конечно, Гриша не может умереть. Он слишком талантливый и слишком много сделал хорошего на этой земле, чтобы умереть… А на панихиде в «Ленкоме» у меня все время было такое чувство, что завтра вечером, ну, может, через неделю — мы соберемся где-нибудь и Гриша будет очень смешно рассказывать «О том, как я умер и что из этого вышло».

В день похорон я назначила смену с двенадцати. Рассказала, что группа может снять без меня, достала букет белых пионов — Грише бы он понравился — и уехала в Москву прощаться… И как когда-то на похоронах Андрея Миронова — растерянные лица друзей… Марк Захаров сказал на панихиде, стоя на сцене лицом к залу: прости, Гриша, мы не успели отрепетировать твою смерть.

На рассвете

Музыку к картине «Дети понедельника» написал Евгений Крылатов. Мы уже были знакомы по работе в рекламном сериале

«Мы — в Шопе».

Он написал красивую музыку для струнного оркестра. Она звучит в начале фильма.

Потом мне звонил из Сочи мой Володя Бутылочное горлышко:

— Линишна! А вот там у тебя этот… концерт. Ну там, где музыка…

— Да, и что, Володенька?

— А я вот пятый раз смотрю и все слушаю — а что за композитор? Чайковский? Первый концерт?

Я даже испугалась от такой его осведомленности…

— Нет, это Крылатов.

— А у него это тоже первый концерт или до этого что-нибудь было?

— Было, Володя, было… И много.

Основную музыкальную тему фильма мы отобрали и утвердили с Женей еще до съемок. А когда фильм был почти готов, предстояло написать финальную песню. Я пригласила высококлассного поэта Илью Резника. Но ситуация была непростая. Под готовую музыку очень сложно писать стихи. Кроме того, финал был предопределен: герой сажает яблоневый сад — под титрами этот сад расцветает…

А мне еще было важно, чтоб эта песня ложилась на героев, на их голоса, на их взаимоотношения… Была бы диалогом, разговором, продолжением их жизни…

Запевы, несмотря на их некоторую тяжеловатость, мы утвердили. А припевы никак не складывались, а лишь рассыпались…

И однажды на рассвете две долгожданные строчки, простенькие, как трава, вдруг произросли.

У меня так часто: самые искомые идеи приходят, когда я только-только просыпаюсь. Главное — не полениться и сразу записать их. Потом они могут пропасть безвозвратно.

Прошу тебя, любовь моя, — оглянись!
Прошу тебя, любовь моя, — улыбнись!

И т. д.

Резник не сопротивлялся — улыбнулся, оглянулся. Так я стала его негласным соавтором. Но в титры себя ни-ни… строга.

Заплыв

Трюков в сценарии было запланировано немного. Но я была верна Воробьеву, а он верен себе: работы для каскадеров находилось все больше.

Снимался эпизод, где с моста в реку прыгали сперва Скляр, потом Жарков и, наконец, Розанова. Конечно, прыгали не они, а дублеры. Хотя Ира сама рвалась сигануть с моста. Но я не позволила: во-первых, вода уже холодная, съемки шли в конце августа. Во-вторых, река неглубокая, можно удариться о дно. А главное — актеров надо беречь. Это мой принцип.

Иру дублировал стройный, сильный парень в юбке, парике и шляпке. Когда он прыгнул, юбка задралась и мелькнули мускулистые волосатые ноги. Я пришла в ужас. Но меня уверили, что зритель не заострит на этом внимания. И правда, о странностях женских ног мне никто ничего не говорил. Но, просматривая фильм, я в этом месте не могу удержаться от улыбки.

Однако уберечь актеров от купания мне все-таки не удалось. Уже в следующем кадре они должны были сами друг за другом вынырнуть из воды. Сидели под водой и считали: раз, два, три… Но от холода невольно ускоряли счет и выныривали раньше срока. Приходилось снимать снова и снова. Пока Игорь не вынес на руках полуживую партнершу: «Забирайте артистку! А то играть будет некому!»

Два дня мы отогревали наших пловцов и пловчих чем могли: и своей любовью, и чужой водкой.

Ремонты и праздники

Главный герой Дмитрий Медякин держал деньги в «Сорри банке». Эту смешную вывеску придумал художник Володя Филиппов. Он повесил ее над входом в Академию наук на Воробьевых горах. Любопытства ради мы с оператором как-то забрались на крышу этой громадины. Оттуда открывался потрясающий вид на Москву.

— Сурикова, — сказан Беленький, — надо немедленно снять эту панораму. Пока никто другой еще до этого места не добрался.

Сняли.

Потом Гриша показывал эти кадры знакомым киношникам и торжествующе спрашивал:

— Откуда снято?

Те пожимали плечами. И тихо завидовали.

А я вспомнила эпизод из жизни моей дочери Киры, когда она

еще не пристрастилась к писательскому яду и зарабатывала на жизнь разными «недвижимостями»… Одна очень крупная французская строительная компания, с которой Кира свела наших чиновников, предложила проект реконструкции Октябрьской площади. Академия наук была в этом проекте партнером. И вот настал торжественный день закладки первого символического камня возле Академии. На личном самолете из Парижа прилетел президент компании в окружении французских миллиардеров, жаждавших вложить деньги в Россию. В самой Академии был устроен шикарный банкет с самыми дорогими деликатесами.

Но пришли к закладке какие-то нанятые тетки и дядьки. Стали горланить: не хотим, убирайтесь! Сели на край «торжественной» ямки, приготовленной для церемонии, опустили в нее ноги, и… французы убрались побитыми, как в 1812 году.

Правда, все остальные, пришедшие на торжество, «солоно похлебали». Не пропадать же добру!

Две с половиной

«Дети понедельника» начинаются с того самого «первого» концерта почти классической музыки.

Нужен был соответствующий зал. Остановились на Доме ученых. Позвонили директору. Он сказал: «Один съемочный день? Две с половиной тысячи долларов».

К такой цифре мы не были готовы. Тогда я обратилась к Игорю Шабдурасулову, в ту пору главе Департамента культуры в администрации Президента. Он, как тогда говорили, отнесся с пониманием к нашим финансовым трудностям и направил письмо в президиум Академии наук с просьбой разрешить нам сделать съемку бесплатно. Звоним снова в Дом ученых. Директор бодро так отвечает: «Не получится. У нас как раз ремонт случился!!!»

Можно было бы еще побороться. Но лучше экономить силы для более важного. Тут я вспомнила про усадьбу Кусково. У меня уже были налажены с ними контакты: в Кускове я снимала документальные ленты о фокуснике, о скульпторе Асте Бржезицкой.

Встретили нас как родных. Обули в тапочки. Правда, ради общих планов с оркестрантов мы потихонечку тапочки сняли. Было бы весьма странно, если бы в концертном зале музыканты сидели в тапочках.

За роялем солировал наш композитор Евгений Крылатов. Красивый и седой.

А в роли расфуфыренных «новых русских» оказались почти вся наша группа, моя дочь Кира, Миша Мишин, которого не пустили в алкоголики, и другие друзья и знакомые…

Алексей Тимм, тоже на время перевоплотившийся в «нового русского», потом жаловался: «Заставили снять собственный галстук, напялили чужой, а снимали-то со спины».

Разбередило…

Меня пригласили в Питер на премьеру нашего фильма. Предупредили, что кинотеатр — в глубине двора. Ну, думаю, найду по афишам. Однако не тут-то было. На транспаранте — крупными буквами: «Титаник». На городской тумбе — «Титаник». На стене дома — опять «Титаник». И только зайдя в подворотню, я разглядела скромную афишу: «“Дети понедельника”. Встреча с режиссером Аллой Суриковой».

После фильма я вышла на сцену. И не удержалась:

— До тех пор, пока на наших улицах над нашими головами будет светиться «Титаник», а афиши, рекламирующие отечественные фильмы, будут висеть только в подворотнях, — до тех пор наше кино не поднимется.

После моего выступления ко мне подбежала взволнованная директриса:

— Что же вы такое говорите?

— А что такое я говорю?!

— Да в зале же сидел заместитель мэра по культуре!

— И очень хорошо, что сидел!

Буквально через день, проезжая по городу, я увидела протянутый через весь Невский транспарант: «“Дети понедельника”. Новый фильм Аллы Суриковой».

«Титаник» я чуть притопила… Но не сильно. Уже выросло поколение манкуртов. Им каждый прыщик на теле Шварценеггера известнее, чем роли Янковского.

После выхода фильма на экраны я получила письмо от человека по фамилии Мальцев:

«Алла (извините, не знаю отчества) Сурикова, Ирочка Розанова, Игорь Скляр… Уважаемые и дорогие!

В. М. Шукшин после «Калины красной» уже мог умереть, ибо великое дело своей жизни он сделал. Сейчас я то же самое могу сказать вам. Нет-нет, живите, живите и создавайте еще и еще! Я не в том смысле. Просто, посмотрев ваш фильм, я обрыдался… Вы

создали великую, добрую, замечательную картину.

Я никогда не писал писем, а тут — разбередило…»

Я никогда не цитировала таких хвалебных писем, а тут — разбередило…

ВОРКУТА-АМСТЕРДАМ

Смешное в фильме складывается не только из парадоксальных ситуаций, в которые попадают герои, не только из характеров, доведенных порою до гротеска, не только из искрометности любимых артистов, но и, конечно, из забавных диалогов, реплик…

Смешное слово

Обычно, прочитав сценарий, я просматриваю юмористические журналы, показываю сценарий художникам-карикатуристам, друзьям-юмористам…

Однажды мне посчастливилось приобрести по объявлению незаменимую вещь: шесть томов «Крокодила» за несколько десятков лет — их собрал военный, майор, по фамилии Алпатов… Сперва хотел много денег. Потом, когда узнал, для кого и зачем, почти даром отдал на благо советской комедии. Некоторыми смешными репликами, остроумными репризами этот «Крокодил» поделился с героями моих картин.

«При хорошей женщине и мужчина может стать человеком», — говорит финальную фразу героиня картины «Ищите женщину».

«Для сваренного рака все худшее уже позади», — выкашливает простуженный инспектор.

«Шеф, вам не кажется, что моя зарплата не соответствует моим способностям?» — спрашивает секретарша. «Ну, не могу же я вас оставить умирать голодной смертью», — отвечает шеф.

Комедию, особенно комедийные репризы, гэги, трудно придумать одному человеку. Необходимо что-то вроде библио-видеотеки гэгов. Нужны гэгмены. Нужны разработчики реприз. На Западе, точнее в Голливуде, говорят, давно освоен «бригадный подряд» на придумывание комедии.

Мне в разных картинах и в разное время помогали Гриша Горин, Вика Токарева, Виктор Шендерович, Валя Азерников. Иногда я пользовалась прекрасными репризными текстами Андрея Кнышева, Геннадия Малкина, текстами других авторов из разных юмористических журналов. И хотя многие остроумные

вещи кочуют из издания в издание — иногда абсолютно без ссылки на первоисточник, — там, где ты точно знаешь автора и собираешься воспользоваться его остроумием, надо найти возможность получить его согласие, не говоря уж о том, чтобы поблагодарить его в титрах. Я всегда старалась этому следовать. Но…

Недавно мне позвонил писатель Андрей Кнышев. Сдержанно похвалив мой сериал «Идеальная пара», он процитировал несколько броских фраз из фильма, которыми пользуются мои герои без ссылки на автора… Виновата! И не собираюсь себя оправдывать безумной суетой сериала. Я упустила… Воистину — «Господа, не писайте в подъезде!» (фраза Андрея Кнышева, которая украшает подворотню в третьей серии).

В картине «Хочу в тюрьму» много смешных фраз родилось от случайных придумок, ассоциативных импровизаций, от того, что над картиной работали люди, хорошо понимающие друг друга…

— За прекрасных амстер-дам-с! — поднимает подвыпивший Лямкин бокал в честь голландской дамы…

— Мари-уанна? — спрашивает голландский доктор у Лямкина, обнаружив под шапочкой пачку «Примы».

— Какая Мария Ивановна? — не понимает Лямкин. — «Прима»!

— Прима! — уже совершенно с другим значением говорит доктор, обнюхивая ту же пачку. Он уверен, что это — марихуана, но очень высокого качества.

— Окуети мочно, — реагирует по-русски японский владелец завода на талант Лямкина, починившего с помощью простой скрепки замысловатого робота.

— Сила есть, воля есть, а силы воли — нет! — говорит Лямкин перед тем, как опрокинуть ненавистный и желаемый стакан…

Рублевка — Валютка

Недавно, пересматривая дневники, нашла такую странную «провидческую» миниатюру…

Однажды, давно, веселой осенью выезжал со студии голубой «Мерседес». Перед ним торжественно поднялся шлагбаум. И он не спеша покинул территорию «Мосфильма».

За ним, суетливо подпрыгивая на каждой кочке и дребезжа

всеми «фибрами», прошмыгнул за ворота желтый «Запорожец».

«Мерседес» свернул за угол и, небрежно раздвинув поток сереньких «Волг», плавно устремился вперед.

«Запорожец» уютно пристроился в хвосте.

От «Мерседеса» приятно попахивало дорогим бензином с капельками «Шанели»…

От «Запорожца» тоже чем-то пахло…

Так незаметно они выехали на широкий проспект.

Тут «Мерседес» слегка нажал на газ и… полетел в свое красивое Далёко.

«Запорожец» тоже дал по газам. По своим.

На перекрестке стояла статуя ГАИ. Она козырнула «Мерседесу» и проколола дырку «Запорожцу».

«Ну что ж, не догнал, так хоть попробовал», — утешал себя «Запорожец».

А голубой «Мерседес» уже катил по Рублевке, или, точнее, по Валютке, оставляя далеко позади маленькие чужие огорчения… «

Так много лет назад я на своем желтом «Запорожце» пыталась догнать Никиту Михалкова на голубом «Мерседесе». Ну, не догнала, так хоть попробовала…

В принципе — да!

«…Все мы живем в тайной надежде, что “Запорожец” все-таки обгонит “Мерседес”», — сказал как-то о замысле своего сценария «Хочу в тюрьму» автор Владимир Еремин.

Талантливый актер, много лет проработавший в БДТ, снявшийся более чем в двадцати фильмах, озвучивший около ста заграничных ролей, Володя ощутил как-то «легкость в мыслях необыкновенную» и стал писать.

Однажды он прочитал в газете (газету дал ему актер Михаил Светин) заметку о нашем соотечественнике, который добровольно сел в голландскую тюрьму, чтобы пожить в человеческих условиях. Володя написал сценарий.

Когда сценарий попал ко мне (Юра Кушнерев, директор студии «Ритм», дал почитать), я положила его на стол продюсеру Владимиру Досталю. Но — увы — тот отказался: заграница, Голландия — нет, нет и нет. Только в России.

Показала сценарий редактору «НТВ-Профит» Анне Кагарлицкой. «Да, да и да — в принципе, — довольно быстро ответили Аня и весь «Профит». — Но есть кое-какие замечания».

К счастью, их замечания совпали с моими.

По сценарию главный герой Семен Лямкин вырывается за границу и встречает там свою любовь. Но у нас уже был определен исполнитель роли Лямкина — Володя Ильин, искренний, как ребенок, смешной, как Евгений Леонов, талантливый… как Ильин. Не вписывался он в романтический сюжет. Адюльтер, ворвавшийся в его жизнь в Голландии, должен был стать случайным и скорее смешным, нежели мелодраматичным: в не слишком трезвом состоянии он перепутал дверь спальни, лег в постель, исполнил супружеский долг — оказалось, НЕ свой.

В результате переделок от мелодрамы в сценарии осталась лишь одна сцена: русский и голландка сидят в маленьком ресторане, и он рассказывает о себе, мальчике из блокадного Ленинграда, который умирал от голода.

Сама по себе эта сцена вышла очень неплохой.

Но в фильме… После нее трудно было продолжать веселый жанр. И захмелевшая героиня не могла бы снова зазывать приглянувшегося ей «русского друга» починить не только сломавшийся пылесос, но и ее жизнь… Действие тормозилось и уходило в иную плоскость. Поэтому сцену в ресторанчике при монтаже я сильно сократила, чем навлекла на себя гнев и автора сценария, и исполнителя главной роли. На озвучании они оба, поняв, что этой сцены в окончательной версии фильма не будет, хлопнули одной дверью.

Правда, на премьере, посмотрев картину, меня простили.

Актеры и роли

Итак, полдела сделано: продюсер найден и актер на главную роль определен.

Жанр картины я обозначила как патриотическая комедия. Именно так, несмотря на то что слово «патриотический» у нас почти ругательное. Избитое, перелицованное, усталое.

Наш герой Семен Лямкин — милый, добрый, скромный человек, с детским ощущением мира. С ним случаются разные казусы: то он, обманутый мафиози, вскроет чужой сейф, не зная, что его используют как взломщика, то случайно не в той постели окажется, то лишнее выпьет… Но это настоящий русский человек, смекалистый и одаренный. Его «Запорожец» (наконец-то!) обгоняет «Мерседес». Простой скрепкой он приводит в движение японского робота, когда в нем что-то заклинивает. Этот образ во многом совпадает с характером самого Ильина. В нем — тоже обаяние искренности, простодушия и… русской «хитринки». И

такая же «полосатая» (как его шапочка, которую на счастье связала актеру жена Зоя) жизнь.

«Если картину зрители действительно воспримут как “патриотическую комедию”, значит, мы не зря старались, — сказал Володя в одном из интервью. — Я очень хочу, чтоб за авантюрным сюжетом не пропало то, ради чего мы снимали фильм: как скучает Лямкин в этой комфортабельной Голландии, как тоскует по своей необустроенной родине. И меня тоже очень быстро начинает все раздражать в “кокосовом раю”».

Журналист Борис Ноткин, посмотрев фильм, сказал мне:

— Твой герой — идеал русского мужика.

— Где же тут идеал? — сморгнула одна критикеКса. — И грабит, и пьет, и жене изменяет…

— Все не так, — отбил Борис. — Не грабит, а руки у него золотые, не пьет, а любит выпить, не изменяет, а борется за престиж страны… А главное, умеет постоять за свое человеческое достоинство!

«Женой» Володи Ильина стала Наташа Гундарева. Давняя дружба по театру им. Маяковского, давняя нежность, давнее почтение к таланту соединили актеров в одну семью без всяких дополнительных усилий с моей стороны. Им было что вспомнить.

В финале картины, когда избитый и ограбленный Лямкин все же успевает домой к новогоднему празднику, Наташа проводит рукой по Володиному лицу… В ее глазах любовь, боль и сострадание… И у Ильина, актера, ненавидящего «скупых мужских слез» на экране, вдруг увлажняются глаза…

И у многих зрителей… И у меня тоже…

— Вот когда этот твой Лямкин побитый домой приходит, она как глянет на него, а я с какого-то такого перепугу вдруг как заплакал!.. Не было у меня в жизни такой жены! — позвонил поделиться впечатлениями Володя Бутылочное горлышко. — Слышь, Линишна, а сама артистка замужем?..

«Так случилось, что в фильмах Аллы Суриковой я играю женщин… ну, скажем так, не обремененных ни интеллектом, ни сложной душевной организацией. Жена Лямкина такая же. Но в нынешнем усложненном нашем существовании простота этой женщины и есть та опора, которой не хватает многим мужчинам. Лямкину с ней повезло, это точно. Эта простота возвращает к единственно правильным понятиям о жизни: кто есть муж, кто жена и по каким правилам они живут. Правила жизни ведь очень просты…» — так сказала Наташа о своей героине в одном интервью.

Да, Наташа, правила жизни очень просты.

В первый съемочный день на новой картине положено разбить о камеру тарелку и выпить по чуть-чуть. Но в этот день кто-то сообщил, что тебя уже нет с нами. И мы подняли рюмки не чокаясь.

А на следующий день узнали, что ты жива.

Говорят, это в правилах жизни: если человека поминают заживо, ему суждено жить долго.

Дай тебе Бог!

А вот с актрисой Аллой Клюкой я знакома не была. Знала ее работу по прекрасной картине Коли Досталя — «Облако-рай». И вдруг увидела Аллу в какой-то киношной телевизионной программе: она стояла на фоне своего нью-йоркского окна и что-то легко и обаятельно рассказывала о своей американской жизни. И я поняла, что это она — голландская подружка Лямкина!

Владимир Ильин назвал Аллу веселым и озорным тайфуном. Она и вправду заводила и выдумщица. При этом человек волевой, целеустремленный, жизнестойкий.

Алла сделала себя сама. Родители ее глухонемые. Родом она из Белоруссии. Замужем за американцем Кенни. Он — звукорежиссер, работавший с популярными группами, талантливый изобретатель. Дружит с Борисом Гребенщиковым и Сергеем Бугаевым, который «Африка».

Я была у них в гостях в Нью-Йорке. Хороший, веселый дом. Много гостей и мало еды. Растет прелестный сын Киба.

У Аллы замечательный способ воспитания ребенка. Она никогда не кричит и ничего не запрещает. Если сын хочет взять что-то горячее, предупреждает: будет больно. Если не верит — пусть пробует.

«Сценарий фильма я получила в день своего рождения, — скажет потом Алла в интервью. — Вот бы почаще получать такие подарки. Я живу в Америке, а работаю в России. Считаю это нормальным. “Хочу в тюрьму” — моя первая комедия. Может быть, потому мне так легко работалось. Кроме того, атмосфера на съемках была такой, о которой можно было мечтать. Пожалуй, лишь один день несколько омрачил настроение: в последнем эпизоде я и актер Чип Брей, исполняющий роль мужа Мари, даем друг другу пощечины. Как назло, эта сцена попала в брак. Пришлось переснимать. И мы снова лепили друг другу пощечины. Но Алла Сурикова утешила меня, пообещав в качестве компенсации приз — “за лучшее избиение иностранного актера”».

— В сериале «Идеальная пара» Алла снова сыграла главную роль. Элегантная и очаровательная француженка, наивная и хитрая узбечка, дуболомная тетка из КСПС, глухонемая — и все это Алла. Острая характерность и легкий характер, комедийный

талант и умение перевоплощаться, точность в работе и четкий профессионализм — не так уж часто сочетаются в одном хрупком рыжеволосом молодом существе…

Сага о «Запорожце»

Одним из главных действующих лиц фильма стал… «Запорожец».

И даже не один, а несколько — первый ехал, второй плыл, третий тонул, четвертый… Но все они объединялись в один образ — милого, старого непотопляемого друга. Это был не просто автомобиль — средство передвижения для главного героя, это был носитель идеи: русский «Запорожец», если захочет, сможет обогнать даже «Мерседес». Тот самый, голубой…

…Во время съемок, увлекшись гонками, наш непотопляемый оставлял позади даже вертолет, с которого шла съемка.

Мы долго спорили, как должен выглядеть «Запорожец» Лямкина. Одни утверждали — облезлым. Другие возражали, что у такого мастера машина не может быть ржавой. Наконец нашли компромисс: сама машина будет ухоженной, а вот канистра, прикрепленная сбоку, обшарпанной, да еще с другого боку — стремянка, видавшая виды.

…Это было вскоре после выхода фильма «Ищите женщину». Тогда я стала настолько «маститой», что уже могла себе позволить некое роскошество. Машину, например.

Однако в те времена машину нельзя было просто купить: ее надо было доставать, пробивать, вымаливать… Я встала на очередь в Союзе кинематографистов и через энное количество времени получила долгожданное извещение: «Вам выделен автомобиль «Жигули» пятой модели».

«Жигули»! Вот об этом я пока не смела мечтать. Пришлось отказаться. Они стоили на целых несколько тысяч больше моего гонорара — а я должна была со всею семьей жить на эти деньги до следующего фильма, который случился только через три года. Ну и потом, я тогда еще не созрела для такой шикарной машины. Побью, поцарапаю — изведусь…

Поэтому я сказала: «Спасибо, но дайте мне лучше “Запорожец”».

В комиссии по распределению благ сильно удивились и быстро согласились.

Купила. Сдала на права. Села за руль. И тут обнаружилось, что у моего «вожделенного» странные привычки: то он вырубался на самых оживленных перекрестках, то у него неожиданно

отказывал задний ход, то не закрывались дверцы, то не открывались окна…

Но все-таки это была моя первая машина!

Однажды я везла по Москве Софико Чиаурели. Мой «коняга» встал посреди Петровки — и ни с места. Сзади матерно гудели все остановившиеся за нами машины. Мне было очень неудобно перед Софико. Но тут моя гостья, которая водила машину уже много лет, решила сама сесть за руль. Она что-то пошептала моему «желтенькому», и он, словно почувствовав всю важность момента, послушно тронулся с места.

А сколько издевок нам с ним пришлось претерпеть!

Выхожу возле магазина, закрываю машину. Из кабины автобуса высовывается водитель: «Да чего ты его запираешь! Кому он, на хрен, нужен?»

Как-то я осталась без своей «мыльницы» (она уже совсем вышла из строя — наверно, после погони за Никитой Михалковым) и решила приобрести новую. Сочинила жалостливое письмо на запорожский завод: мол, режиссеру без машины… Помогите! А взамен я буду рекламировать ваш товар в своих фильмах. Мне ответили отказом. В начальственной формулировке меня поразило одно словосочетание — «фондируемая номенклатура». В нее мои желания не вписывались…

И вот теперь в фильме будто снова возвратился ко мне мой давний знакомый, мой первый — с которого начиналась моя автобиография. Я даже подозреваю, что-это тот же самый: проделал извилистый путь и снова вернулся ко мне, чтоб извиниться за все неприятности «первой» жизни.

…Мы снимали в Питере плавание «Запорожца» по Неве.

В это время английский журналист, сын известного писателя Джеймса Олдриджа, снимал свой документальный фильм о столетии кинематографа. Он взял интервью и у меня; спросил:

— Что вы думаете о состоянии российского кино сегодня?

— Российское кино? А оно как этот наш «Запорожец», видите? По всем законам физики и нашей жизни он плавать не может, а плывет. Так и наше российское кино…

Англичанин сказал, что он закончит свой рассказ о кино нашим плывущим «Запорожцем».

Запорожец за Алкмаром

…Чего только не происходило с нашим «механическим» актером. В Голландию, например, его своим ходом не пропускали: велели везти на платформе. Кроме того, таможенники потребовали с нас пятьсот долларов за провоз. И еще честное слово, что «русское чудо» не попросит пристанища на чужбине, а вернется на родину.

В Алкмаре наш любимец произвел неизгладимое впечатление на голландцев. Они его рассматривали, осторожно трогали, чуть ли не нюхали. Думали, что это машина из коллекции любителя антиквариата. Чтобы нашего «героя» не растащили на сувениры, нам пришлось нанять частный гараж, который круглосуточно охранялся.

Но… не быть бы ни «Запорожцу» — таким, каким мы его видим в фильме, — ни самого фильма, если бы не постановщик трюков, каскадер Сергей Воробьев со своей командой.

Непотопляемый

Именно он уговорил меня сделать несколько «Запорожцев». Чтобы ездил, чтобы плавал, чтобы летал. На эти чудеса он по сути потратил все свои деньги. И чужие — надо отдать должное нашим продюсерам «НТВ-Профит»: они шли навстречу почти всем «запорожским» провокациям.

Например, Воробьев «скрестил» «Запорожец» и снегоход. В сцене, где бандиты сбрасывают «Запорожец» в овраг, он, превратившись в снегоход, взлетает вверх по отвесному склону, как горный козел…

Этот эпизод мы снимали на Ильинском шоссе под Москвой. Там было лишь одно опасное место — обрыв и вода. И, как назло, именно в этом месте «Запорожец» от столкновения с джипом отлетел и исчез за обрывом. Ребята из операторской группы остановили съемку и первыми бросились спасать Воробьева. Больше всего боялись, что «ЗАЗ», падая с обрыва, перевернется и встанет на крышу. Крыша уйдет под воду вместе с привязанным страховочными ремнями Сережей. Но! «ЗАЗ» встал на все четыре «ноги»…

— Дрессированный он у меня! — сказал Сережа, самостоятельно вылезая из машины навстречу подбежавшим спасателям.

У нас Воробьеву везло. А на съемках у Эльдара Александровича Рязанова он неудачно упал и сильно разбил нос.

До этого нос был с горбинкой, а тут стал почти курносый. Я как-то предложила:

— Сережа, сделай пластическую операцию. Верни горбинку.

— Да вы что! Ко мне сейчас девчонки еще сильнее липнут!

Купание желтого коня

Взлет и разваливание джипа в воздухе от удара «Запорожца» тоже придумал Воробьев. Абсолютно новый трюк.

Я сначала «засбоила»: не хочу никакого огня, никакого взрыва. Это знаки чьей-то смерти. У нас кино не про это. Но Сережа гарантировал изящество и ироничность.

Под джипом установили радиоуправляемую катапульту. Снимали с двух камер.

Когда джип от удара взлетал и разваливался в воздухе, «ЗАЗ» проезжал под ним. Весь трюк был сделан вчистую, без «химии», с точным расчетом.

Единственной «химией» были сами джипы. Настоящий джип «Ниссан» нам никто не дал бы запускать в воздух. Два «Ниссана» под руководством Воробьева были сооружены из двух «Нив». Воробьев понавешал на них всяких бандитских «фенечек» — получились отличные джипы. Слегка отличные от других, но протаранить их хотелось…

Чтоб сделать сцену плавания «Запорожца» по Неве поэффектнее, Сережа придумал свалить в Неву еще и милицейский «газик», утянутый «Запорожцем». Это вдохновляло.

Но Сереже показалось мало. Он стал предлагать еще и подводную съемку — в ночной мутной холодной невской воде…

Тут я на его провокацию не поддалась — мне эта сцена с точки зрения «утопших» не нужна была вовсе. А по организации она была очень сложна.

Но ведь если ему «втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь…»

Воробьев незадолго до этого купил камеру. Обычный нормальный «Конвас». Сделал для камеры специальный бокс и прикрепил ее к своему сиденью.

Спасателям наказал:

— Первым делом спасайте камеру, потом нас, каскадеров, потом уже машины!

Включил свою камеру и пошел на трюк.

Когда «ЗАЗ» и «ГАЗ» благополучно затонули, а Сережа и менты всплыли, спасатели бросились в воду — цеплять машины

на крюки подъемного крана, чтоб вытаскивать их из воды.

— Отрезайте крепления камеры и передавайте ее нам наверх! Быстрее! — напутствовал их Сережа.

Но в мутной воде Невы спасатели не сразу разобрались, что к чему. Порезали не крепления камеры, а самодельный бокс для защиты от воды… Вода залила и камеру, и пленку.

Опыт оказался грустным. Сережа огорчился — но ненадолго. Уже в следующей картине, где Воробьев был постановщиком и по воде снова плавала машина, он все-таки устроил подводные съемки.

Ночные шуточки

Ментами в «газике» устроились питерские каскадеры во главе с нашим давним другом Олегом Корытиным. Я поставила им задачу: один — Интеллигент, другой — Жлоб — и отпустила в импровизацию… Они прекрасно справились со своими ролями (правда, потом мне пришлось их роли сильно сократить, а некоторые «тексты» переозвучить).

Особенно легко в холодной невской воде было Жлобу — ему не надо было притворяться: отборные художественные образы вполне соответствовали его состоянию. Сложней было Интеллигенту. Олег Корытин потом сказал, что пришлось вспомнить кандидатскую диссертацию, английский и жену Наташу — и высокий штиль прорвался сквозь стучащие от холода зубы.

С одним ребята не смогли справиться — их милицейские фуражки, намокшие после первого дубля, тонули, не держались на воде отдельно от них, всплывающих в нескольких метрах. А мне нужно было, чтоб они плавали…

Пришлось надуть презервативы — среди ночи других «плавсредств» у съемочной группы не оказалось — и натянуть на них головные уборы наших ментов.

Тут же начались «ночные шуточки», приколы, ассоциации… Наши менты, пока сидели в воде, на шутки не реагировали. А когда вышли — сгребли шутников в охапку и прижались к ним всеми своими мокрыми и холодными чувствами…

Власть меняется, а кино остается

В роли бандита, который командовал ограблением Лямкина, снялся депутат Московской думы, председатель Комиссии по

законности и правопорядку Олег Бочаров.

Как-то, увидев на одном из официальных мероприятий обаятельного, артистичного молодого человека, обладающего, но не отягощенного властью, шутя спросила:

— Сниматься будете?

— Смотря в какой роли. Политика? Бизнесмена?

— Нет, бандита.

— Ах, бандита?! Ну тогда обязательно!

Посмеялись на тему: Рейган — актер — президент… А когда надо было срочно снимать грабеж на большой дороге, я позвонила Бочарову и напомнила ему об этой шутке, которая грозила стать правдой.

Он приехал на съемку в готовом «прикиде». Из-под длинного дорогого пальто Торчали спортивные брюки и фирменные кроссовки. Волосы припомажены, на руках перстни, пальцы веером.

Олег оказался человеком талантливым. Он классно импровизировал, давал полезные советы. И не только по роли…

Так, сцену ограбления мы снимали на правительственной трассе возле санатория «Барвиха». Туда все время ездили машины с мигалками, а нас просили «погодить». Потом грубо намекнули:

— Тут не лучшее место для съемок.

Но нам-то как раз это место было очень-очень… Я к Бочарову: что делать?

— Без проблем, — улыбнулся «бандит»-депутат. — В следующий раз подойдут, скажете: «Ваши действия являются нарушением федеральных законов».

Мне так понравилась формулировка, что даже не уточнила, каких именно законов.

На следующий же день совет Бочарова пригодился.

К нам приблизился бледный гаишник и велел немедленно исчезнуть: в «Барвиху» едут Сам и еще Сам.

Группа затаилась. Я поняла, что если уйду — значит, не сниму, если не сниму — кина не будет…

Я сказала гаишнику: мы никуда отсюда не уйдем, а вы нарушаете федеральный закон!

Я бодро и жестко выдала бочаровскую фразу. И не двинулась с места. Гаишник почувствовал мою «железную» подкованность и вдруг совсем не по-гаишному, абсолютно по-человечески спросил:

— А как же я?

За этим тоскливым «я» стояли его погоны, жена, теща, дети, а может, и внуки…

— Вы? Вы быстро сматываетесь отсюда, вроде вы нас

предупредили, и мы вроде все поняли, а потом тихо проигнорировали. Ответственность беру на себя…

Я не успела даже договорить, как он испарился.

В тот день по шоссе так никто и не проехал. Мы благополучно сняли эпизод. Власть меняется, а кино остается…

А Олег Бочаров уже успел сняться еще в двух моих картинах.

— Я тебе императивный мандат устрою! — угрожает герой Олега Бочарова в «Идеальной паре» сильно пьющему Лукошину. До сих пор не знаю, что такое императивный мандат, но звучит отрезвляюще.

Друзья, враги, семья и другие родственники

Сережа Баталов, очаровательный человек и прекрасный нежный актер, стал другом Лямкина и его главным идейным вдохновителем по части отсидки в голландской тюрьме. Его героя по сценарию звали Вячик. Володя Ильин все пытался это имя сковырнуть: почему «Вячик»? — Вячик-мячик, заначек, калачик… Я не придумала ответа на вопрос «почему?» Поэтому переименовала Вячика в Вована… С Вованом Лямкин тотчас же подружился.

А вот в «Идеальной паре», в девятой серии, Сережа сыграл Бармена-бандюка. Было несколько тревожно — его ли это дело.

Но он так преобразился (конечно, не без помощи классного гримера Гали Королевой, которой мои актеры обязаны многокрасочностью своих ролей, и художника по костюмам Татьяны Разумовской — она вместе со мной перетащила из дому практически весь свой гардероб и гардероб своих двух дочек), стал таким противно-мерзким, будто это и есть его главная генеральная линия в искусстве.

Майкл-Миша Петровский играет тюремного приятеля Лямкина. Его нашла моя ассистентка Лена Тихонова. Нам нужен был человек музыкальный и безукоризненно владеющий английским. Все совпало. К тому же у него совершенно западная физиономия. Никто не верит, что он русский. В процессе съемок иногда казалось, что он излишне капризен, не всегда точен. Но экран подтвердил ею правоту.

В небольшой роли снялся Борис Щербаков.

В картинах, которые я видела, Боря всегда играл положительных героев. Красивый, русоволосый, статный, символизирующий…

…У меня когда-то в юности был такой приятель — Боря

Бакланов. Его всегда на первомайской демонстрации и на 7 ноября ставили на постамент, и он, взявшись за руки с образцово-показательной среднеазиатской девушкой и черным африканским юношей, на фоне крутящегося земного шара символизировал нерушимую молодежную дружбу.

Мне хотелось Щербакова «подпортить». Я предложила ему сыграть бизнесмена-жулика. Он был очень «за» и пошел на «порчу» с удовольствием.

Боря — прекрасный характерный актер. Тонкий, думающий, точный.

В «Идеальной паре» мы пошли с ним в «осквернении» положительного образа еще дальше. Он сыграл алкаша-фальшивомонетчика. В сериале «вышивать» роль некогда: «мотор!» — и побежали… Боря сумел с ходу, без длительной артподготовки (возможно, она осталась за кадром) «собрать» своего Перова в точный и емкий образ: ус у него один — другой ус он в карты продул, «сушняк» рассолом залечил, уровень перегара пустой банкой проверил и т. д.

Референта Щербакова сыграла моя дочь Кира. Вполне респектабельная пара жуликов. Можно сказать, первая репетиция «Идеальной пары»… Но я тогда еще не знала, что кривая кинематографической судьбы выведет меня на сериал.

А знала, что Кира…

… Хорошо одевается (пять лет жизни в Париже). Специально для этой роли она купила синий брючный костюм от Нины Риччи, стоимость которого сильно превышала ее гонорар за роль.

…Хорошо водит машину. Фильм начинался с гонок на шоссе — «Мерседеса», который вела Кира, и «ЗАЗа», который вел Ильин.

…Хорошо говорит на трех языках. Этого в картине практически не слышно.

…Хорошо держится в кадре, спокойно. И есть в ней какая-то загадка, тайна…

«Ну как не порадеть родному человечку?!» Тут я почти согласна с Александром Грибоедовым и Марком Захаровым.

Продюсерам я сначала не говорила, что это моя дочь. Она снималась под фамилией Румп — фамилией ее американского замужества. Но когда кино было закончено, продюсеры прознали про дочь и сами поменяли фамилию на ту, под которой она жила раньше и живет сейчас, — Сурикова.

Детский мир

У Семена Лямкина четверо детей: два мальчика и две

девочки. Что касается девочек, мне хотелось, чтобы одна была строгая студентка-лингвистка (привет себе из своего лингвистического прошлого), а вторая чтоб с утра до вечера била степ.

Первая, Наташа Коренченко, оказалась и в самом деле студенткой МГУ. А задолго до этого совсем ребенком она восхитила меня на съемках в эпизоде моего фильма «Дайте чуду шанс»: прошла точно по операторским меткам, с ходу выполнила все режиссерские задачи — где нужно заплакала, где нужно засмеялась…

Вторую нашли в подмосковном полувоенном городке Красноармейске. Там после многих разных поисков себя осел каскадер Николай Астапов. Энтузиаст, фанат и прекрасный педагог — он организовал Школу искусств. Там дети бьют степ — да так азартно, красиво и увлеченно, что Инна Чурикова, увидев их однажды, сказала: если у нас есть такие дети, у нас есть будущее.

Коля привез своих ребят на пробы. Все они оказались так талантливы, что мне тут же захотелось увеличить семью Лямкиных на весь детский коллектив, но… не позволила смета. Я остановилась на Юле Гусевой: она более других подходила по возрасту и по сходству с «родителями». Юля прекрасно «отстучала» всю картину. Только звукооператор Олег Зильберштейн ходил с «кисловатым микрофоном». Во-первых, постоянный стук на съемочной площадке мешал ему записывать реплики других персонажей. А во-вторых, он был в панике перед проблемой последующего озвучания степа бригадой шумовиков-звукооформителей. Как им попасть точно в ритм ее степ-танца?! Я предложила Олегу вызвать на шумовое озвучание саму Юлю. Он дал голову на отсечение, что она «в себя не попадет». Потом передумал — и дал руку. Сошлись мы на коньяке. Я — выиграла. Юля «отстучала» себя абсолютно синхронно.

Сыновей Лямкина мы нашли в Питере, где снималась российская часть фильма. Егор Акмен, восьми лет, замечательно картавил и знал на память почти всю любовную лирику Пушкина. Игорь Мигунов, пяти лет, играл на рояле, пел и очень любил свою бабушку.

Лямкин вполне мог гордиться своими детьми.

Собака на счастье

Со зверьми — всегда проблемы. Приходят дрессировщики:
— Что надо делать?

Объясняем.

— О! Это раз плюнуть.

Когда же приходит пора «плюнуть», животное вовсе этого не хочет.

Нам нужна была собака, которую Лямкин подбирает в поле после ограбления.

Привели двух. На выбор. Одна могла сделать все. Но была уже старовата и оттого скучна. Вторая сверкала обаянием молодости, но абсолютно не считалась с приказами дрессировщицы. Чем-то надо было жертвовать — либо актерскими способностями, либо мордой лица. Решила пожертвовать способностями, так как серьезных актерских задач мы перед четвероногим артистом не ставили.

Один казус случился — и то не совсем собачий, а скорее «гримерский». В одном кадре на собачьей морде — большое темно-грязное пятно. В другом — пятна практически нет… Собака сунула морду в снег — видимо, искала зерно роли, — а когда ее позвали в кадр, пятно осталось где-то там, в снегу. Ее партнер, Владимир-Ильин, к сожалению, очень хорошо сыграл этот довольно сложный, длинный и очень холодный эпизод. И я не смогла позволить себе переснимать его из-за «собачьей» оплошности.

В Амстердаме снялся собакой голландки Мари лохматый пес по имени Квинтус.

«Квинтус филмз БВ» — так называлась компания нашего голландского партнера. Собачка уже давно стала талисманом компании и снималась «на счастье» во многих ее кинолентах.

Я, естественно, тут же придумала для Квинтуса эпизод и втиснула его в фильм. Квинтус оказался сообразительным и интеллигентным актером. Особенно остро он «отыграл» случайное сексуальное увлечение своей «хозяйки» — очень нервничал за дверью, становился на задние лапы, рвался в спальню…

Собачья фирма

Фирма, которая работала с нами, была крепкая, серьезная, профессиональная. Но! Свой интерес блюла на любом киноперекрестке. В роли «мужа Мари» должен был сниматься Саша Кузнецов, наш бывший соотечественник, исполнитель главной роли в «Двух стрелах», ныне житель США. Ну никак фирма не могла сделать Саше визу! Прямо билась со всеми голландскими министерствами из последних сил — а те

отказывали и отказывали…

В результате снялся в этой роли актер, которого предлагали они. Хороший актер, но не Саша. А Саша все же прилетел в Амстердам, сделав визу по своим каналам, с опозданием на несколько дней. Не «не могли» они — а не Хотели…

Чтоб оплатить Саше билет, я сняла его в маленьком эпизоде уличного хиппи.

Объект «открытый ресторанчик» фирма нам подсунула в каком-то глухом маловыразительном месте. Приехать в Амстердам и снимать задворки Саратова не хотелось вовсе. Я не стала выяснять отношения — до съемок этого объекта еще было достаточно времени — и дала задание художнику самостоятельно присмотреть красивое местечко. Однажды после обеденного перерыва Володя Филиппов пришел сияющий: есть! Он выбрал шикарное место — центр Амстердама, в одну сторону — вода и пароходики, в другую — старый город, вокзал, музей… Снимай — не хочу…

Конечно, организовать съемку в таком многолюдном месте было намного сложнее, чем на задворках. Но я довольно жестко сказала нашему Фрицу: только здесь! И сделал, и организовал. И в дальнейшем уже не пытался подсунуть нам чего-нибудь «третьего сорта».

На этом же объекте, давшемся нам с таким трудом, серьезной опасности подвергся звукооператор Олег Зильберштейн. Он забыл взять из Москвы фонограмму, под которую снимался этот — эпизод. Выход мы, конечно, нашли, но я Олега чуть не утопила, сопровождая свою угрозу текстом, полным поисков в области «изящной словесности».

К сцене «Обжорство Лямкина в дорогом ресторане» голландская группа приготовила вкусные и дорогие деликатесы: устрицы, семга, икра — а эпизод не «выруливал» на обжорство. Ильину было некомфортно, недоставало чего-то узнаваемого, нормального, нашего… Поддевающий вилкой устрицы, он никак не производил впечатления эдакого Гаргантюа.

— Ну, конечно же, «маккарони»! — сообразил Ильин.

Пришлось срочно посылать в магазин за спагетти. И горячая гора макарон помогла Ильину победить. Хлюпающий спагетинами Лямкин стал выглядеть настоящим обжорой, а голландцы терпеливо знакомились с загадками «рашен-калабашен».

Свобода…

Лямкин собирался сесть в тюрьму в столице Нидерландов — Амстердаме. «По тундре, по широкой по дороге, где мчится поезд Воркута — Амстердам»…

Нас отговаривали:

— Зачем вам Амстердам? Это европейская помойка! Там на улицах валяются бомжи и курят марихуану.

Но время, когда любую «заграницу» снимали в Таллине, прошло. И если автор прИдумал Голландию, значит, он ее прОдумал.

Правда, наш Амстердам мы собирали по разным городам. Тюрьма находилась в Алкмаре, а Голландия в миниатюре — в Гааге, уличные сцены проще снимать в Харлеме, а жить в мае дешевле всего в курортном городке Эгмонде ан Зее. Потому голландский город Лямкина мы собрали из пяти городов (конечно же, и Амстердам в том числе).

Амстердам — это никак уж не помойка. Это — свобода. Свобода и комфорт.

Там никто друг другу не мешает. На улицах Амстердама все движутся в разных направлениях — машины, велосипедисты, мамы с колясками. У всех одна забота — не доставить неудобств тем, кто движется рядом.

Не мешать! Уважение к человеку — вот принцип их жизни.

Как-то к нам на съемочную площадку забрел случайный сильно подвыпивший прохожий и стал на густом голландском языке объяснять, что он думает о кино вообще и о нас в частности. Случись это на просторах нашей родины, он получил бы пинок под зад с двойным ускорением и давно высказывался бы в другом месте. У голландцев другой подход: там вообще нельзя кричать на людей. Заблудшему дали спокойно высказаться. Двое вежливых полицейских долго ждали, пока он иссякнет, а затем уговорили его изменить маршрут. Тот задумался и после колебаний согласился.

Каждое утро мы ехали из отеля к месту съемок одной и той же дорогой. И каждое утро на оживленном перекрестке все движение замирало. Из-за одной симпатичной парочки. Дорогу не спеша пересекали два молодых петушка. Видимо, с ближайшей птицефермы. Вот такой у них был маршрут прогулки. Они шли важно, с достоинством; знали точно — никто не обидит. Все машины терпеливо ждали, пока птички продефилируют на другую сторону.

Эти два петушка с обостренным чувством собственного достоинства — вот для меня самая яркая реклама страны под тройным названием: Нидерланды, Голландия, «Дач»…

Лысый череп, любовь по-голландски…

Сначала мы с трепетом отдавали для ознакомления наш сценарий голландским партнерам: вдруг откажутся работать из-за оскорбления Королевы — Лямкин пририсовывает усы к портрету Ее Величества.

Потом со страхом снимали этот эпизод на пляже среди всего честного голландского народа — вдруг и в самом деле заметут нас всех в тюрьму!

Но… При том что голландцы любят свою королеву, относятся к ней почтительно-нежно, никто так не подшучивает над ней, как они! Так что наши усы — просто детская невинная шалость… У меня до сих пор хранится открытка из их сувенирного магазина, подаренная Женей Гиндилисом, исполнительным продюсером, — синее королевское лицо и абсолютно лысый королевский череп…

Где-то читала про одно африканское племя: раз в году его вождь устраивал для своего народа праздник, на котором выставлял свое чучело для всеобщего осмеяния и издевательств. На чучело можно было плевать, в него разрешалось кидать камни. Потом чучело сжигали. А народ, излив таким образом свою отрицательную энергию, становился миролюбивым. И вождь целый год — до следующего праздника — мог править спокойно.

В Голландии наша маленькая русская группа обросла огромным количеством замечательных голландцев. Роль Клода, мужа Мари, сыграл голландско-американский артист Чип Брей, соседа Мари — голландско-голландский Роберт Тайс. А еще голландцы сыграли у нас психиатра, судью, надзирателей и заключенных. Мы привезли с собой только главных героев.

А уж как дружили с нами русские голландцы, которым скучновато живется в этой благо-благоустроенной стране. Не хватает им очень нашего «говнеца». Они старались окружить нас теплом, заботой, помощью, подарками… Мы привлекали их в качестве эпизодников и массовки.

Моя художница по костюмам Таня Разумовская взяла с собой в качестве ассистентки дочь Варю. «Замуж тебя там выдадим!» — пошутила я. А она и вышла. В нее влюбился их ассистент по реквизиту Франц. В связи с такой моей прозорливостью одна знакомая все время просит: «Поедешь в хорошую экспедицию — возьми теперь с собой кем-нибудь мою дочь!»

Тюрьма на двоих

Конечно, главным, ради чего мы приехали в Голландию, была

тамошняя тюрьма. Тюрьма в городе Алкмар. В ней как раз заканчивался ремонт. И до заселения ее новыми заключенными нам дали неделю на съемки. Но это была обычная средняя тюрьма, на «три звезды» — без изысков и повышенного комфорта, так как в ней предполагалось недолго держать мелких нарушителей. Там было чисто, уютно, свежевыкрашено. Единственное, чего там не было — так это камер на двоих, как было написано в сценарии. Только по одному живут заключенные во всех голландских тюрьмах.

Пришлось нам с Ереминым срочно переписывать сцену знакомства Лямкина со своим голландским дружком Крисом. И познакомить их после футбола — в душе.

Единственным тюремным эпизодом, который снимался не в тюрьме, был эпизод в столовой. Тюремная столовая еще была на ремонте. И «Квинтус» предложил нам снять этот эпизод в воинской части или не снимать вообще.

Об «вообще» — не могло быть и речи. Композитор Виктор Лебедев написал классный номер «Тип-топ», который становился лейтмотивом фильма. Номер должен был рождаться в тюремной компании и слегка смахивать на мюзикл (я не могла себе в этом отказать).

Мы остановились на воинской части. Сначала нам строго-настрого объяснили, что такое воинский режим и как надо себя вести.

Но потом… Потом случилось то, что должно было случиться: все столы передвинуты, вся столовая «переформатирована», все военные выстроились под нашу «киношную дудку» — если бы в этот момент кто-то захотел завоевать Голландию, он сделал бы это голыми руками…

Пять звезд

Для «тюремного вдохновения» мы попросились на экскурсию в настоящую «пятизвездочную» тюрьму для «настоящих» людей — серьезных преступников, которые поселяются здесь надолго.

Тюрьма нам не просто понравилась — мы были в шоке.

Начнем с того, что вновь прибывших там встречают словами: «То, что вы не на свободе, а в этих стенах, — уже само по себе большое наказание. Поэтому мы постараемся сделать ваше пребывание здесь как можно более комфортным».

И действительно, камеры в этой тюрьме тянули на номер в европейском отеле. Холодильник, телевизор, отдельная ванная комната… Кроме того, мы увидели тренажерный зал, теннисный

корт, компьютерный класс, музыкальный класс, класс для живописи и даже вольеры для разведения кроликов.

У них в номерах… то есть в камерах, нет никаких решеток на окнах и есть все то, что им необходимо, поскольку им многое разрешается брать с собой из дома — для более комфортной отсидки. Работая, они получают зарплату и могут в тюремном магазине отовариться по желанию души и тела. Если им не по вкусу еда, которой их кормят, они могут готовить себе отдельно.

В тюрьме, к нашему безмерному удивлению, мы обнаружили объявление, что в субботу состоится вечер отдыха с вином и танцами под оркестр, на который приглашаются заключенные мужской и женской половин тюрьмы. Нам показали альбом с фотографиями нескольких тюремных свадеб. Вот на таком вечере заключенные знакомились, находили свое счастье и дальше уже досиживали срок в тесном семейном коллективе…

Мы решили во что бы то ни стало побывать на этом вечере. Начальник тюрьмы согласился не сразу: его смущало такое количество посторонних. Однако, вспомнив о русских традициях, мы прибегли к подкупу — подарили ему вылепленную из хлеба фигурку нашего российского заключенного: эта «скульптура» была сделана в одной из наших тюрем. Подарок возымел действие.

Сон поперек Голландии

Что такое Мадюродам? Это макет, изображающий всю Голландию в миниатюре. Совершенно удивительная вещь. Практически из каждого города взят какой-то архитектурный кусочек и встроен в единую композицию. Говорят, что автор макета погиб от рук нацистов. Поэтому Мадюродам считается еще и памятником жертвам нацизма.

Чтобы снять нашего героя, спящего «поперек Голландии», нам пришлось встать в три часа ночи, потому что съемки разрешили только до появления посетителей, то есть с пяти до девяти утра. А езды до Гааги, где находился этот «макетик», два часа. Но и не использовать такую возможность мы не могли.

А если учесть, что в этот день наша группа должна была снять еще эпизод на пляже и переснять из-за брака пленки (к сожалению, и с «Кодаком» такое бывает) эпизоды в тюрьме и в «красном» квартале, то закончился наш съемочный день тогда же, когда и начался — в три часа ночи, но через сутки. С песнями и без всякой дополнительной оплаты.

Такой подвиг можно совершить, лишь работая с близкими,

проверенными не одной картиной людьми. Поэтому, если передо мною только замаячит возможность запуска в следующую постановку, я первым делом узнаю, что делают, чем заняты люди, с которыми хочу работать: Боря Левкович, Лена Тихонова, Толя Авшалумов, Ира Саркисова, Галя Королева, Таня Разумовская, Инна Брожовская, Володя Филиппов, Гриша Беленький, Миша Агранович, Володя Нахабцев, Олег Зильберштейн, Ян Потоцкий, Слава Карасев, Толя Мананников, Шура Гребенкин, Олег Потемкин, Лена Шкатова и другие хорошие….

Ведь снимать «Хочу в тюрьму» я начала еще до того, как заключила договор с продюсерами, без подготовки, без осознания всех размеров «катастрофы» — уходила зимняя натура! Уходил финал фильма! Так «впрыгнуть» в производство можно было только со Своими, только с теми, кто пойдет с тобой, не сказав: сначала деньги, потом «мотор!». Конечно, кино — это шаманство… Наколдуешь, чтоб талантливые люди поверили тебе и отдали все свои умения, знания, интуицию и способность «выкручиваться» из любой непредвиденной ситуации, — и ты почти в порядке.

Моя заслуга в том, что я не ошиблась в этих людях…

Ночь, улица, красный фонарь…

Кроме тюрьмы нам была нужна голландская квартира. Для героини Клюки.

К нашему приезду тамошний декоратор-менеджер приготовил несколько альбомов с интерьерами квартир.

Сначала нас заинтересовал дом военного летчика. Этот дом уже много раз снимался. Все там было вроде бы хорошо. Но это было мужское жилище. Строгое, с прямыми углами и линиями.

Мы выбрали дом детского стоматолога. Богатый двухэтажный особняк с роскошным ухоженным садом и изящным беспорядком, который, конечно, мы «досоздали» собственными усилиями…

Это была очень благополучная семья. И тем не менее они получили за четыре дня съемок свои нормальные деньги — около двух тысяч долларов и преспокойненько отправились с детьми пожить в гостинице. Со своей стороны, они потребовали от нас: пользоваться только одним туалетом (в гараже); пол застелить кусками войлока — чтобы не портить; на диванах разложили таблички для группы — «не сидеть»…

Ага! Счас!.. Правда, мы ничего не попортили, но попользовались всем на всех этажах — в свое удобство.

На одну из съемок пришли хозяева. Просто поглазеть.

Естественно, в этот день никто на диваны не садился… А съемка не заладилась. Артистам не игралось, лампам не светилось. Я с самой ласковой улыбкой и с самыми учтивыми выражениями хозяев выпроводила.

Тут же все и заиграло, и засветилось, и заладилось. Бывает так иногда: человек «не с тем полем» появляется рядом со съемкой — и все кувырком…

Быть в Амстердаме и не дать герою пройтись по кварталу «красных фонарей» — нас бы не простили зрители… Поэтому я придумала такую невинную сценку.

Идет Лямкин по улице, а девчонки на английском, немецком, французском пытаются завлечь клиента. Но он им по-русски — про свое, про грустное…

Когда он отошел, одна другой говорит по-украински:

— Ты бач, Галю, шо робиться… И тут москали погани…

Но снимать на настоящей «красной» улице категорически запрещено — самая суровая югославская мафия контролирует этот бизнес.

Нашли похожую улицу. Сделали ее «красной». Пригласили наших голландок с хорошим украинским акцентом.

Сняли. Почти весь эпизод, за исключением одного общего плана, оказался в браке. Времени на восстановление того «красного» квартала уже не было. Поэтому камерную досъемку встречи с проститутками группа весело организовала прямо под окнами нашего отеля в Эгмонде ан Зее. Снимали ночью. Голландцев, которые работали с нами, оператор Гриша Беленький напоил русской водкой, и они честно продержались до утра.

«Проститутское» окно с полураздетой девицей организовали прямо в номере у оператора, поскольку он располагался на первом этаже.

Окно запомнилось. И потом все последующие ночи к Грише поступали заманчивые предложения от близлежащих ночных охотников:

— Мы зайдем к вашей девушке?

Гриша посылал их «к другой».

Светить по-русски

По сценарию Лямкин, чтобы осуществить свой замысел и попасть в вожделенную тюрьму, прибегает к разным мелким хулиганствам. Так, он разбивает витрину магазина.

Для настоящего разбивания сделали свою витрину — рядом с настоящей — у магазина «Свет». Пиротехнику обеспечивал какой-то супер-прима-экстра-классный специалист по спецэффектам. Он много работал по всей Европе и в Голливуде. Задача была — не просто разбить витрину, но чтоб еще и заискрились провода, рассыпались вспышки… Отдам ему должное — он справился с работой блестяще. Сделал все точно, быстро, синхронно с ударом… Актер замахивался, каскадер бросал кирпич в витрину, витрина разлеталась на мелкие осколки, лампочки качались и вспыхивали красивым искрящимся светом… Но стоил он картине — как трое «народных» плюс четверо «заслуженных». И экипировочка у него с приспособленьицами была — нашим даже не могло бы и присниться.

Но Гриша «отомстил» за наших рукотворных умельцев тамошним технически упакованным осветителям.

Снимали ночью. Требовалось много света.

Ночь. Улица. Фонари (то есть осветительные диги) есть. Даже скай-лифт приехал, чтоб эти фонари на себя взять и поднять в небо, — а снимать нельзя: не проходит скай-лифт в узенькую улочку, откуда он должен осветить всю сцену с уже приготовленной и заряженной витриной.

Беленький предлагает голландским осветителям установить приборы на крыше.

— А как их туда доставить? — наивно спрашивают у нашего оператора могучие голландские осветители.

— А так, — спокойненько отвечает Гриша, — прибор на спину, и по пожарной лестнице пехом наверх.

— Не шутка? — не поверили голландцы.

Григорий не шутил. Их бригадир был на выборе натуры, когда утверждалось место съемки. Все видел. Все утвердил. Оставалось только отменить съемку за его счет…

Ну, и полезли, и поставили. Правда, слегка попотели.

Довольный Гриша подмигнул мне: они у меня все спрашивали — что такое «рашен-калабашен». Пусть знают…

Крыша режиссера

Полкартины было снято в Голландии, а другая половина — в Питере. И не только потому, что Питер — главный город в жизни автора сценария. Я тоже думаю, что Питер все равно покраше Амстердама будет… На пленке осталось много отснятого и, к сожалению, не вошедшего в картину материала, где Питер, несмотря на жуткий мороз, снят оператором очень красиво и с

большой любовью. Когда монтируешь картину, особенно если эта картина — комедия, воздух, пауза, красивый вид из окна, увы, уступают место сюжету, шутке, гэгу…

Мы искали в Питере крышу для съемок. Чтобы был виден весь город. Долго искали. Нашли.

Когда я туда залезла — увидела: двускатная скользкая крыша с хилым бордюрчиком внизу. Кругом провода. У меня под коленками «затошнило».

Я знаю, где живет страх. Он живет под коленками.

А по этой крыше еще надо было и бегать. К тому же ночью.

Но… когда началась съемка, я забыла про скользкую покатость, про провода, про то, где живет страх. Мы носились по этой крыше из конца в конец, боясь лишь одного: не успеть снять всю сцену до наступления рассвета. Правда, при монтаже три четверти беготни ушло «в корзину».

Верность жанру

На Белорусском кинофестивале наш фильм получил приз «За верность жанру комедии и воплощение образа маленького человека».

Володя Ильин получил сразу два приза за лучшую мужскую роль: «Нику» (его выдвинула актерская гильдия) и награду «Кинотавра».

Когда Володе вручали «Нику», я была в Болгарии. Мне позвонила Кира, прямо из Дома кино — я услышала в трубке восторженный рев зала: это приветствовали награждение Ильина.

А на «Кинотавре» Володя Ильин на вручение не приехал (он достраивал дачу и ловил рыбу). Вместо него на сцену вышла я и сказала: «Володя всех бы поблагодарил и особенно режиссера Аллу Сурикову. А я ей это передам».

Что же касается каскадеров, то они за нашу картину были отмечены всеми возможными призами «За вклад в развитие трюкового искусства».

По НТВ прошел мой десятисерийный телевизионный фильм «Идеальная пара». Опыт интересный. Эксперимент на выживание в предлагаемых условиях. Выжила. И более того — мне за картину не стыдно.

Но, Боже мой, какая мука — смотреть все это по телевидению, когда на каждые пять минут фильма приходится пять минут рекламы, когда в угоду ей какие-то люди с «холодным

носом» копаются в твоей картине и вырезают из нее то, что им кажется… или хочется… или что под руку попало…

Ощущение — будто режут тебя. И ты бессилен в своем одиночном сопротивлении.

И все-таки, как поет Лямкин с детьми на финальных титрах картины:

Нам только немножечко счастья —
И все у нас будет тип-топ!
Тип-топ, тип-топ, —
Будет хорошо!
Тип-топ, тип-топ, —
Очень хорошо!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пространство и иронически-мемуарный жанр этой книги не дают мне возможности сказать отдельное спасибо и спеть отдельную песнь каждому актеру, каждому работнику съемочной группы, с которыми меня свело кино. Но надеюсь, от совместной работы, от нашего сотворчества им прибавилось тепла, добрых воспоминаний, а актерам — еще и зрительской любви. И это главнее всех строчек.

Я начинала писать эту книгу в прошлом веке. Она должна была закончиться премьерой картины «Хочу в тюрьму». Но… события наступали одно на другое, и книга все время откладывалась… а жизнь наполнялась…

За это время я сняла десять серий «Идеальной пары»…

И поскольку каждая серия — это отдельный фильм со своими героями, я расскажу о нем в следующей книге — в следующем столетии… Здесь лишь поблагодарю всех, кто участвовал в этом эксперименте — эксперименте на верность жанру, на верность себе, на выживание. Ведь сериал — это, как утверждает оператор Григорий Беленький, «прокладка для “прокладок”», а если хочешь подняться над «мылом» — положи на это жизнь. Или хотя бы полжизни и кошелек. Я положила — и то, и другое. И уж если такой придирчивый человек, как искусствовед Виталий Вульф, признался, что искал мой телефон, чтоб поздравить нас с удачей, значит, нам многое удалось.

Одно из открытий этого сериала — Людмила Максакова. Мы были давно знакомы. Но никогда не работали вместе.

Однажды в пору моей неустроенности она подарила мне прекрасный лайковый брючный костюм. О нем можно было бы снять отдельный фильм… Он выручал меня в ответственных ситуациях, потом съездил в Париж — на моей дочери, потом снялся в двух моих фильмах, потом… постарел, мы сшили из него чехол для киноштатива, и в таком виде он теперь служит моим студентам…

Был день рождения Любочки Гориной. Еще был жив Гриша… Ему было отпущено еще четыре с половиной месяца его яркой и такой неповторимой жизни… Было весело, легко и дружественно…

Люда поинтересовалась, что я собираюсь снимать. Я честно сообщила о своих десяти сериях и о том, что свободной осталась пока только роль старухи из десятой серии. Француженки

русского происхождения лет восьмидесяти от роду…

— Это я! — сказала Люда и запела по-французски.

Я сопротивлялась, призывая моложавую, красивую Максакову посмотреть на себя критически:

— Ну какая из тебя старуха? Ты встань перед зеркалом!

Но Люда была неумолима:

— А Пиковая Дама?!

Ее уверенность поколебала мое сопротивление. Она пришла на пробы…

Дальше мы поискали грим-костюм, из елейно окающей бабульки сделали интеллигентную пожилую даму с грассирующим «р» — и Люда стала Пелагеей Ильиничной Тютчевой…

Она восхитила меня точностью и профессионализмом, организованностью и легкостью. Любовью к работе. Жизнерадостностью и человечностью. Умением дарить себя, умением дружить…

За это время я стала народной артисткой России, вернее — народным артистом. У меня красивый элегантный значок и красная книжечка, подтверждающая высокое звание. В Кремле при вручении, 11 апреля, я поблагодарила Президента, поблагодарила всех, кто работал со мной над моими фильмами, поблагодарила своих зрителей — поскольку делала и делаю свои фильмы для них.

…И ради этих благодарных глаз
на новый подвиг я идти готова,
и падать замертво, и подниматься снова,
и встречи с ними ждать, как в первый раз!

Это была моя вторая встреча с Президентом. И так же, как и на первой, я сказала: «Ну, вы же понимаете, Владимир Владимирович, что из всех искусств для нас главнейшим является…» — тут я сделала многозначительную паузу, давая возможность Президенту самому признаться в любви к кинематографу. И так же, как в первый раз, он легко, с улыбкой, ответил: «Кулинарное!» Только теперь серьезно добавил: «Я знаю, что наши режиссеры умные, талантливые и могут все. И я знаю, чего им не хватает».

За это время мои студенты (и не только мои) сняли на созданной мной студии «Позитив-фильм» семь документальных фильмов из цикла «Провинциальные музеи России». Это очень

пристойно по качеству и очень духовно по контексту… Фильмы были успешно показаны по самому интеллигентному телевизионному каналу «Культура». Моя задача — сохранить и студию, и ребят. Я учу их жить и «уцелевать» в самой прекрасной и самой сложной профессии — режиссерской.

За это время я создала, и мы провели в Новгороде Великом два кинофестиваля комедии «Улыбнись, Россия!»…

Главным открытием фестиваля стал губернатор Михаил Прусак — с абсолютным чувством юмора и абсолютно без охраны.

По тому как в начале наших отношений губернатор пытался отвернуться от фестиваля, а потом сказал: «Я этот фестиваль никому не отдам!» — думаю, что кое-что на фестивале получилось…

Там же я отметила свой юбилей. Получила много замечательных телеграмм — от Президента, министра культуры, от мосфильмовцев, от Досталя и Мамилова из «Моста», от папиного брата из Ростова:

«К общему хору поздравлений присоединяю и свой скромный голос! В наше удивительное криминально-демократическое время комедийный жанр особенно необходим людям. У тебя это получается. Желаю новых свершений на этом архисложном пути. Народный артист СССР, пенсионер Всея Руси и твой дядька Леня».

Мне написали стихи — посвящения — пародии мои прекрасноостроумные коллеги: Аркадий Инин, Валерий Лонской, Ира Саркисова, Владлен Давыдов, замминистра культуры Наталья Дементьева, Аркадий Арканов…

Рассказывать о юбилее — значит, никогда не закончить книгу… Ограничусь фотографиями и поздравлением Аркадия Арканова:

Сказал когда-то Ленин
Давным-давно:
Важнейшее искусство
Для нас — кино.
Проходили годы,
Пришел сороковой —
Дождались прихода
Сури-ко-вой!
Верещали критики —
Кто она?
На хрена в комедии

Жен-щи-на!

А Сурикова Алла
Комедии снимала,
Снимала и снимала,
Казалось, без труда.
Но Сурикова Алла
Одно кино снимала,
А больше не снимала
Никого и никогда.

Это все не шуточки,
Не пустяк…
Я не знаю, Аллочка,
Дальше как?…

А Сурикова знает —
Она кино снимает,
Снимает и снимает,
И пусть бегут года.

Но Алла дело знает,
Комедии снимает
И им не изменяет
Ни с кем и никогда…

День рожденья начался в Новгороде Великом и продолжался в Москве в «Детектив-клубе». На нем присутствовали мой первый муж Вадим со своей третьей женой Светой (он приехал специально из Нью-Йорка), с сыном от второго брака, дочкой от первого — то есть от меня, с внуком от всех браков, вместе взятых. Он подарил мне замечательный цифровой фотоаппарат. А третий муж, Алик, сам приехать не смог, но передал через первого красивое золотое колечко. Как прекрасно, что мои мужья оказались замечательными и дружелюбными людьми и что им нечего делить…

За это время моя дочь Кира стала печататься в красивых толстых глянцевых журналах. О ней стали говорить, ее стали читать. Я тоже с большим удивлением открыла для себя писателя Киру Сурикову. Журнал «Америка» в предисловии к ее рассказу назвал Киру основоположницей психологического реализма… Быть матерью «основоположницы» — это очень почетно!

А мои родители — ее бабушка и дедушка — стали называть свою внучку «Франсуазой Саган».

Когда-то они помогали мне растить «Франсуазу Саган»… Потом секретарствовали во многих моих делах: оплатить, договориться, узнать, перезаписать на видео…

Это из их поздравительной открытки ко дню рождения:

«К выполнению сложных творческих задач «самого важного из всех искусств» — будь готова! А мы всегда готовы (пока еще) в меру своих скромных возможностей оказывать тебе в этом содействие!»

Отец иногда в шутку спрашивает: «Ну вот что ты будешь делать, если я вдруг соберусь Туда?» — он показывает вверх, в неопределенность. Я теряюсь: пожалуйста, не делай этого! Без тебя я все перепутаю: и дела, и собственную жизнь…

И главное, я продолжаю заниматься любимым делом.

Снимать кино.

Режиссура — это исключение из правил. Это семь глаголов на — еть: смотреть, видеть, зависеть, ненавидеть, обидеть, терпеть, вертеть.

Из них шесть одинаково относятся к режиссерам как мужескаго, так и женскаго полу. И лишь один ВЕРТЕТЬ — абсолютно женский глагол.

Сегодня у меня много новых идей…

Их хватило бы на целую вторую жизнь. Времени гораздо меньше.

Может быть, Ваня и Коля Суриковы, мальчишки моей дочери, подхватят?

Младший сын моей дочери — Коля, пяти лет, недавно решил, что будет режиссером:

— Режиссер сидит на стуле. Нога на ноге, качается и ничего не делает. А все вокруг него бегают, бегают и кланяются…

А Ваня, одиннадцати лет, добавил:

— Режиссер не должен учиться и зубрить таблицу умножения, потому что за него все должны делать другие. Он должен только уметь громко говорить «Мотор!», а потом «Стоп!»…

Ваня называет меня «Кузнечик». Наверно, он в чем-то прав и видит нечто такое, чего я про себя не знаю…

Да-да… каждый человек — КУЗНЕЧИК своего счастья…

Иллюстрации

«Карл Маркс» — молодые годы...

Сначала я была блондинкой
с голубыми глазами

С родителями мне повезло

Венгерский танец с Эдиком Рубинам

Вадим и я. Наша первая весна

Кирюша — моя главная режиссерская удача

Высшие режиссерские курсы. Я — четвертая слева во втором ряду, рядом с Георгием Николаевичем Данелия

Перед Павлом Вирским — только стоя...

«Солнечный зайчик» — первая роль дочки в первом фильме мамы

«Предположим, ты капитан...» Аглая, Алеша, Антон и другие

Тогда собака и В.К.
Казались рядом на века...

Самая гениальная массовка в мире
(Андрей Миронов, Марк Захаров,
Александр Ширвиндт)

Н.Т. Сизов и О.А. Агафонов — лучшие начальники в моей жизни

Репетиция с шампанским:
Леонид Куравлев, Галина Польских, Наталья Крачковская

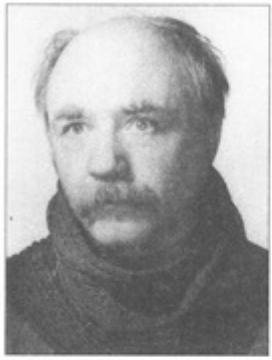
Анна Варпаховская: «У тебя такой гордый профиль!»
Фрунзик Мкртчян: «В профиль я себя не вижу. Может, он и гордый...»

Орудие к бою! То есть к съемке

Елена Проклова и Андрей Миронов. «Где ты была, что я не знал тебя?»

«О, пеесц, мадам! Вашего мужа зарезали!»
Софико Чиаурели и Елена Соловей

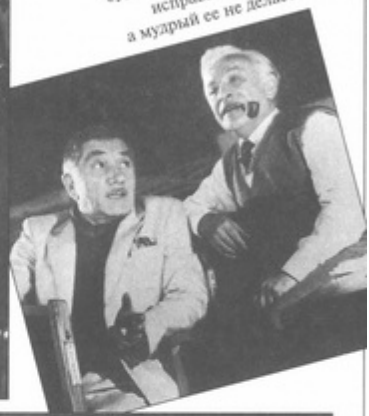
Леонид Куравлев —
бдительный инспектор Гранден



Леонид Ярмольник — Елене Украшенок:
«А где вы были вчера вечером, мадемуазель?»

Главные герои —
Виталий Соломин и Вера Глаголева

Армен Джигарханян —
Ролану Быкову:
«Умный находит способ
исправить ошибку,
а мудрый ее не делает»



Елена Санаева: «А я во-первых — просто баба,
И только во-вторых — Яга!»

«Две стрелы»

Черепашка (Ольга Кабо) и Ушастый (Александр Кузнецов)

«Это потом мы займемся слабыми и беззащитными,
а пока пускай они потеснятся»

Николай Караченцов, Андрей Миронов, Леонид Ярмольник и я — «Что будет, то будет — была не была»

Красивая незнакомка слева — Александр Иншаков, постановщик трюков

Мистер Фест и его любовь — Александра Аасмяэ

Олег Табаков и Игорь Кваша — «Эта даль и глушь не для слабых душ»...

Николай Астапов получает «свое» от Юрия Думчева: «Стыдись, Белое перо!»

«Озверевший» режиссер — растерянному народу:
«Водка? На съемках?! Бесплатно?!! Никогда!»

А здесь сплошной высший свет: графиня Отрешкова (Наталья Гундарева) с князем Лобановым (Всеволодом Ларионовым); граф Бенкендорф (Алексей Жарков) с государем императором Николаем Первым (Михаилом Боярским)...

Михаил Мишин
и Александр Адабашьян —
алкаши-интеллектуалы

Нам хорошо было с нашим
Первоисточником
Эмилем Брагинским

Лучана (Ирина Селезнева) — майору (Леониду Якубовичу):
«Вы самый очаровательный милицейский!»

Ирина Розанова и Игорь Скляр — счастливые Лида и Митя

Сергей Никоненко и Виктор Павлов: мужской разговор

Маргарита (Татьяна Кравченко): «Давненько не заглядывали, Олег Карпыч...»

Лямкин (Владимир Ильин) — Крису (Михаил Петровский): «Тип-топ, тип-топ — будет хорошо...»

«Запорожец» над Невой: «Не машина — зверр!»

Чип Брей, Алла Клюка и Владимир Ильин: «голландский треугольник»

Так — только с Зямой Гердтом

А так —
только с Эльдаром Александровичем

Дорогая Мария Владимировна Миронова...

Всем хороша подруга Токарева. Жаль, не пьет...

Мне памятник они воздвигли рукотворный!..
Стоят: Владимир Ильин, Алексей Буздаков, Юлий Гусман, Евгений Жариков. Сидят: Леонид Куравлев, Всеволод Шиловский. У ног: Николай Караченцов, Александр Абдулов, Леонид Ярмольник

С Аллой Клюкой
и Александром Балуевым —
третья в «Идеальной паре»!

Людмила Максакова:
«Деточки, мне деньги,
а вам любовь!»

С оператором Григорием Беленьким. Шесть картин
вместе — тоже почти «идеальная пара»!

И снова про любовь... Софико Чиаурели, Донатас Банионис, Зоя Буряк
и Сергей Никоненко в самом новом фильме «Только раз...»

Кремль. Президент Владимир Владимирович Путин и я — уже в звании «Народной»

Мой юбилей — это всего лишь повод выпить за губернатора Михаила Прусака

Мои — и не только мои —
студенты у меня на даче.

С мужем Аликом Поташниковым

Мои дети: дочь Кира
и ее сыновья Ваня и Коля

Ваша Алёна

Алла Сурикова

ЛЮБОВЬ со второго взгляда